

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного
научно-исследовательского учреждения
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д.С. ЛИХАЧЕВА

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI СТОЛЕТИЯ

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(21 сентября 2017 г.)**

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2017

ISBN 978-5-7779-2165-9

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61я43
Ч391

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *А. П. Толочко*,
д-р ист. наук, проф. *Д. А. Алисов*

Редакционная коллегия:

В. Л. Кожевин (гл. ред.), *В. Ю. Волошина*, *А. В. Кузнецова*, *М. А. Мамонтова*,
И. В. Межевикин, *И. А. Селезнева*, *А. В. Якуб*

Ч391 **Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия** [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции (21 сентября 2017 г.). / [редкол. В.Л. Кожевин (гл. ред.) и др.]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2165-9

Представлены тексты докладов участников конференции «Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия» из различных регионов России. Авторами рассмотрены теоретические, историко-антропологические аспекты революции 1917 г.

Предназначено для научных работников, студентов и всех интересующихся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61я43

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:

PC, Pentium и выше с частотой не ниже 500 MHz; ОЗУ 256 Мб;
Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7; Internet Explorer 6.0 и выше;
Adobe Acrobat Reader 4.0 и выше; CD-ROM; мышь.

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2017

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным редакционной коллегией.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Е.В. Лозовая*
Программно-техническая реализация *Е.А. Малыгиной*

Дата выпуска: 16.11.2017.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 10 копий. Объем 2,5 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

Навигация по сборнику: инструкция для читателей

1. Для быстрого перехода к нужной статье используйте интерактивное содержание сборника:

- нажмите кнопку «Закладки» (иконка имеет вид или) на боковой (левой) панели;
- в открывшейся панели, прокручивая Содержание, найдите название статьи;
- кликнув по названию статьи, перейдите к ее тексту.

2. Если боковая панель с кнопкой «Закладки» отсутствует, настройте ее следующим образом:

– если вы используете раннюю версию Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Панели навигации», нажмите кнопку «Закладки»;

– если вы используете последние версии Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Показать / Скрыть», далее – «Области навигации», в выпадающем меню нажмите «Закладки».

Далее действуйте в соответствии с указаниями п. 1.

Содержание

I. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА»

<i>Акелькина Е. А.</i> Революция в «дневнике» М. М. Пришвина (1917–1920 гг.).....	8
<i>Алисов Д. А.</i> Гражданская война в России (1917–1922 гг.): Проблемы исторической памяти и мемориализации	12
<i>Баторова Е. Б.</i> «Жизненный мир» и социальная революция. (Опыт феноменологического анализа революции 1917 г.).....	16
<i>Бахарева О. Я.</i> Революционный Петроград в феврале – марте 1917 г. в объективе фотокорреспондентов журнала «Нива».....	20
<i>Вагнер К. В.</i> Была ли альтернатива гражданской войне в России?	24
<i>Жидченко А. В.</i> Революция 1917 года в культурно-историческом пространстве новых советских городов 1950-60-х гг.....	28
<i>Ивонина О. И.</i> Воображаемое преобразование: размышления о революции 1917 г. историков русской эмиграции.....	31
<i>Кожевин В. Л.</i> Социально-психологический портрет русского офицерства в советской историографии Октябрьской революции (1920 – первая половина 1930-х гг.).....	35
<i>Корзун В. П., Колеватов Д. М.</i> Историк в смутное время: 1917 год в дневниках М. М. Богословского и А. Н. Савина.....	40
<i>Красильникова Е. И.</i> Октябрьские торжества в Восточной Сибири: коммеморативный аспект (1920 – середина 1941 гг.)	45
<i>Мамонтова М. А., Груздинская В. С.</i> Тема революции на страницах школьных учебников сквозь призму антропологизации гуманитарного знания.....	49
<i>Огоновская И. С.</i> Политические лидеры России в 1917 году в оценках авторов школьных учебников истории 1930–2010-х гг. (на примере Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева)	53
<i>Рыженко В. Г.</i> «Человечество состоит из отдельных людей»: М. В. Муратов «Передуманное».....	58
<i>Саврушева М. И.</i> Нигилистический заряд Великой русской революции	62
<i>Смирнова М. А.</i> Память о революциях 1917 года в Архангельске	66
<i>Хилько Н. Ф.</i> Судьба памятника-обелиска расстрелянным в Старозагородной роще и историческая память народа.....	70
<i>Шепелева В. Б.</i> Революционный процесс 1917 года и проблемы его восприятия в современной гуманитаристике	74

II. БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

<i>Васильев М. В.</i> Крестьянские лидеры зеленого движения Псковской губернии в Гражданской войне.....	79
<i>Гайкин В. А.</i> Советизация Дальнего Востока России 1918–1922 гг. и корейские инсургенты в Маньчжурии	83
<i>Гончаренко О. Н.</i> Интеллигенция Зауралья в период революции 1917 г. и установления советской власти	87
<i>Дворецкая А. П.</i> «Красные священники» в вихре Гражданской войны ...	91
<i>Дегальцева Е. А.</i> Общественные неполитические организации Сибири в революции 1917 года.....	94
<i>Карпов А. П.</i> Человек революции 1917 года: кто он? (социологическая интерпретация причин и последствий великой русской революции).....	98
<i>Кривопалова Н. Ю.</i> Общественно-политическая деятельность буржуазной интеллигенции Самарской губернии в 1917 г.	103
<i>Ляхудзаев М. И.</i> Судьба уральских левоэсеровских активистов в период революции 1917 г. и гражданской войны (по материалам биографии И. А. Шабалина).....	106
<i>Миронова Е. В.</i> Комиссары временного правительства в Казанской губернии	111
<i>Никулин Д. О.</i> Воздействие Февральской революции на повседневную деятельность тыловых частей русской армии на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного полка	115
<i>Разиньков М. Е.</i> Социальное взаимодействие, регулирование и контроль в армейских частях Воронежа 1917 г.	119
<i>Стрекалова Е. Н.</i> Российская провинция в революционную эпоху: интеллигенция г. Ставрополя в 1917 г.	122
<i>Тропов И. А.</i> Деятельность земских статистиков в условиях революции 1917 года	127
<i>Штырбул А. А.</i> Политические скандалы как атрибут демократии и многопартийности (Омск, 1917 год)	131

III. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

<i>Акимченков В. В.</i> Новые архивные документы к биографии Моисея Гинцбурга (Даяна).....	136
<i>Антощенко А. В.</i> Роль революции 1917 г. в судьбе Г. П. Федотова.....	140
<i>Варфоломеев Ю. В.</i> «Паладин законности» и Великая русская революция: судьба министра юстиции Временного правительства А. С. Зарудного	144
<i>Волошина В. Ю.</i> Трагедия народного социалиста: революция 1917 г. в судьбе В. В. Водовозова	147

<i>Дружинкина Н. Г.</i> К характеристике эпохи крушения Российской империи (из эпистолярного наследия).....	152
<i>Исачкин С. П.</i> Эволюция идейно-политических взглядов	
Н. А. Рожкова в эпоху российских революций.....	156
<i>Мухина Г. А.</i> Ф. А. Степун: страсти по Октябрю.....	160
<i>Сизов С. Г.</i> Кто вы, изгнанник? Малоизвестные и неизвестные литераторы Белого Омска (1918–1919).....	164
<i>Смирнов С. С.</i> Участие исследователя тунгусского метеорита	
Л. А. Кулика в революционном движении.....	169
<i>Соловьев С. А., Преюсс Н. О.</i> Профессор Томского университета	
Ханс Кристиан Иогансен в турбулентное время революции 1917 года.....	172
<i>Тепляков Д. А.</i> Антропологические поиски А. А. Богданова и революционный процесс 1917 г.	176
<i>Томилов Н. А.</i> Октябрь длиною в три четверти века: наука и общество.....	181
<i>Шиловский М. В.</i> Эффективность деятельности императора Николая II на посту Верховного главнокомандующего как фактор февральской революции 1917 года.....	187
<i>Шулдяков В. А.</i> Всеволод Петрович Вяткин – сибирский казак, революционер, политэмигрант, советский деятель.....	194
<i>Шуляк Е. В.</i> И. С. Вегер: жизнь и деятельность.....	198
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	206

I. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА»

УДК 8.82

РЕВОЛЮЦИЯ В «ДНЕВНИКЕ» М. М. ПРИШВИНА (1917–1920 ГГ.)

Е. А. Акелькина

*Омский региональный научно-исследовательский центр изучения творчества
Ф.М. Достоевского при Омском государственном университете
им. Ф.М. Достоевского, Омск*

В статье проанализирован «Дневник» М. М. Пришвина о революционных годах (1917–1920). Автор описывает поток событий, он старается понять смысл истории, смысл бытия. «Дневник» Пришвина продолжает традицию философской прозы «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: дневник, хроника, поток событий, философская проза, повествование, история.

THE REVOLUTION IN THE «DIARY» OF M. M. PRISHVIN (1917–1920)

E. A. Akelkina

*Omsk Regional Research Center of Dostoevsky Creative Works
in Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

M. M. Prishvin's «Diary» about the revolutionary years (1917–1920) is analyzed in the article. The author describes the current of events, he tries to understand the meaning of history, the meaning of existence. The «Diary» Prishvin continues the tradition of philosophical prose «Diary of a writer» of F. M. Dostoevsky.

Keywords: diary, chronicle, the current of events, philosophic prose, narration, history.

Михаил Михайлович Пришвин в течение пятидесяти лет вел свой уникальный дневник для себя, это была его творческая лаборатория. В историю литературы и культуры «Дневник» М. М. Пришвина вошел как своеобразная итоговая книга философской прозы, главное в ней – постижение смысла происходящего. В этой книге, состоящей из фрагментов-миниатюр, М. М. Пришвин

вполне осознанно продолжал традицию «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского и своего гимназического учителя В. В. Розанова в «Опавших листьях» и «Уединенном». В революционные годы (1917–1920 гг.) сорокалетний писатель в Петрограде создает документальную хронику событий, от фактов и заметок переходя к философским обобщениям, к постижению смысла исторических перемен и судьбы России.

С началом Первой мировой войны М. М. Пришвин едет на фронт военным корреспондентом. Описывая войну, он нашел глубокий символично-философский образ «слепой Голгофы», имея в виду, что люди шли на страдания и смерть, не понимая, за что умирают. Сущность этой метафоры настолько емкая, что ее автор применяет ко всему двадцатому веку русской истории, видя в нем содержание времени [1, с. 143]. Именно война по мысли писателя, может породить революцию. В «Дневнике» за август 1914 г. написано: «Россия вздулась пузырем – вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет» [2, с. 141]. С начало войны, считал Пришвин, Россия двинулась к катастрофе. «“Православная Россия споткнулась на фабричном пороге”, – в этой емкой исторической формуле заключено едва ли не все: и страшные перебои со снабжением воюющей армии, и казнокрадство, и тыловая измена, и беспомощность власти, и воровство, и гниль большевистской пропаганды, разъедающей и Тело, и душу России» [1, с. 143].

В канун революции у Пришвина усаливаются апокалипсические настроения. После смерти матери на литературные гонорары он построил дом в родовом имении Хрущеве, который потом отберут и вырубят сад. Именно это строительство пробудило в писателе и вчерашнем агрономе чувство родины и желание благоустроить ее. В 1916–1917 годах Пришвин работает секретарем в Министерстве торговли и промышленности в Петрограде. Весной 1917 года он едет в Хрущеве в качестве делегата Временного Комитета Государственной думы, нарастают конфликты с крестьянами. Осенью писатель возвращается в Петроград, где работает редактором литературного отдела газеты партии правых эсеров «Воля народа».

Вначале к Февральской революции у Пришвина отношение настороженное, но заинтересованное, позже нарастает разочарование от бессилия власти в эпоху безвременья. Писателю «за державу обидно», его дневник очень точно показывает несостоятельность демократического эксперимента и в Петрограде, и в деревне в 1917 году. 26 февраля 1917 года запись в дневнике: «Вся политика и государственность теперь выражаются одним словом «хлеб». Как в начале, вся жизнь государства была в слове «война», так теперь в слове «хлеб»! Наступили великие и страшные дни» [2, с. 94–95].

В это время родина предстает писателю, как абсолютно «неизвестная земля» с «народом сфинксом». В мае 1917 года в дневниковых записях ощущается усталость от речей и ораторов: «Вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия сплошной митинг людей. Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет: жизнь интересная. Время такое головокружительно быстрое, кажется все куда-то летит... Новое страдание, новый крест для народа русского я смутно чувствовал еще раньше, неминуемо должен прийти, чтобы

искупить – что искупить?» [2, с. 99]. Больше всего тревожит писателя разрушение личностного творческого потенциала, ведь новая соборность, называемая большевиками коллективизмом, имеет смысл при наличии утонченно духовной целостной личности, а об этом пока нет и речи. А ведь строительство новой жизни с обезличенными, малообразованными людьми невозможно. В дневнике 1917 года появляется молитва: «Господи, помоги мне все понять, и ничего не забыть, и ничего не просить!» [2, с. 393].

Видя, что никакие новые формы жизни не могут появиться при митинговой активности и разрухе М. М. Пришвин замечает: «Изменяются слова и форма, сущность остается совершенно одинаковой, <...> Россия движется к гибели и явно нелепы все эти новые учреждения, земельные комитеты, продовольственная управа и всякие другие деревенские комитеты, но что за это время человек стал совершенно другой – это несомненно, нелепо он поступает, нелогично, но психологически он был гражданином» [2, с. 101].

К началу революции Михаилу Михайловичу сорок четыре года, это возраст, делающий человека способным увидеть и глубоко оценить сущность происходящих событий. Его дневники наряду с «Окаянными днями И.А. Бунина» остались самыми достоверными художественными документальными свидетельствами русской смуты двадцатого века.

К октябрьскому перевороту Пришвин отнесся уже без иллюзий: «День определения положения. Подавленная злоба сменяется открытым негодованием <...> (28 октября); Позор, принятый в Думу через большевиков, должен быть искуплен, иначе у нас нет отечества (30 октября); Русский человек перешел черту и к прежнему возвратиться ему невозможно. Русский народ погубил цвет свой, бросил крест свой и присягнул князю тьмы Аваддону» [2, с. 104–105].

В начале 1918 года эсеровская газета «Воля народа» была запрещена, а Пришвин с другими сотрудниками арестован, но вскоре выпущен на свободу. Весну и лето писатель проводит в Хрущеве, откуда, осенью был изгнан крестьянами из своего дома. Душевное состояние Пришвина тягостное, нарастает хаос и ужас перед насилием. Все чаще он сравнивает происходящее в России с террором Великой Французской революции. По мнению писателя, революция «нарушила в России равновесие гражданского безразличия, и каждый почувствовал на себе бремя родного безвластия» [2, с. 35].

В том же 1918 году Пришвин полемизирует с блоковским отношением к революции в статье «Большевик из балаганчика», он считает, что если на высшем суде это заблуждение [революция] простится «бессловесным» из народа, «но у тех, кто владеет словом, – спросят ответ огненный, и слово скучающего барина там не примется» [1, с. 166]. Сопrotивляясь отчаянию, Пришвин делает в дневнике горестные записи: «Преступление Ленина состоит в том, что он подкупил народ простой русский, соблазнил его. Русский народ создал, вероятно, единственную в истории коммуны воров и убийц, под верховным руководством филистеров социализма. Я не примкнул к ним оттого, что видел с самого первого начала насилие, убийство, злобу, и так все мое сбылось. У них не было чувства жизни, сострадания, и у всех, от мала до велика, самолюбивый задор их верховный водитель» [2, с. 137, 176].

Однако интервенция в ходе гражданской войны и первые победы армии большевиков заставили писателя-государственника иначе оценить партию, взявшую власть: «Я, зритель трагедии русской, уже начинаю в душе сочувствовать бешеным нашим революционерам» [1, с. 180]. И Пришвин не был одинок в этих настроениях, больше половины офицеров царской армии перешли на сторону большевиков, чтобы сохранить целостность страны.

В 1919 году, возвратившись в свой родной город Елец, М. М. Пришвин работает сначала библиотекарем, а потом учителем географии и краеведения в Алексине (шкрабом). Сложно и постепенно Пришвин строит свое смысловое пространство, обретает свою нишу.

Он запишет: «Пусть все гибнет, что подлежит гибели и что хочет погибнуть это гибнет частное, я отделяюсь от него и прославляю жизнь. Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе...» [2, с. 114]. Для Пришвина родина и власть навсегда разойдутся, перед своим первым уроком он заметит: «наша родина Россия, если мы узнаем ее географию, станет для нас **отечеством**» [2, с. 119]. Он убежден, что «искусства не бывает во время революции». Спустя какое-то время, споря с самим собой, напишет: «Я был как вся огромная масса русского народа, врагом плохого царя, но, кажется, не царя вообще.

Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю ее как необходимость. Да, это все так, но все-таки я не приемлю» [2, с. 211].

Несмотря на то, что путь развития России, выбранный в 1917 году, М. М. Пришвин до конца жизни считал тупиковым (см. повесть «Мирская чаша», 1922 г.), писатель создал свою особую нишу, позволяющую ему сохранить внутреннюю творческую свободу. В самые тяжелые годы (1920-е – 1930-е) он создаст вершинные произведения своей философской прозы («Журавлиная родина», «Кашеева цепь»), а творческой лабораторией этого типа прозы окажется его дневник, в котором одинокий мыслитель творил жизненную легенду и рефлексировал над собственным творческим путем.

Список литературы

1. Варламов А. Н. Пришвин. – М., 2003.
2. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 8. – М., 1986.
3. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1982–1986.
4. Пришвин М. М. Дневник: в 4 т. – М., 1991–1999.
5. Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1931–1952 // Наше наследие. – 1990. – № 2.
6. Дворцова Н. П. М. Пришвин и русская религиозно-философская мысль XX в. – Тюмень, 1993.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ (1917–1922 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

Д. А. Алисов

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омск

Статья посвящена анализу исторической памяти о Гражданской войне в России (1917–1922) и проблемам мемориализации Красных и Белых вождей, героев, жертв в современной России.

Ключевые слова: историческая память, Гражданская война, красные и белые, памятники, мемориализация.

RUSSIAN CIVIL WAR (1917–1922): THE PROBLEM OF MEMORY

D. A. Alisov

Siberian Branch the Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Omsk

The article focuses on the analysis of historical memory of The Civil war in Russia (1917 – 1922) and memorialisation of Reds and Whites leaders, heroes, victims in modern time.

Keywords: historical memory, Civil war, reds and whites, monuments, memorialization.

Проблемы мемориализации связаны непосредственно с проблемами исторической памяти. Нельзя говорить о мемориализации не говоря об исторической памяти, так как мемориализация это есть способ формирования и закрепления исторической памяти в обществе, общественном сознании различных групп населения. И здесь, казалось бы, нельзя обойтись без науки История, без историка. Однако современная социальная практика упорно демонстрирует иное – попытки формирования исторического сознания и проведение мемориализации без участия историка и исторической науки. Игнорирование Истории в процессе мемориализации становится навязчивой общей идеей определенных политических сил, которые взяли на себя право и обязанность манипулировать «историческим материалом» с целью достижения определенных политических целей. Это наглядно и ежедневно происходит в Польше, на Украине, странах Прибалтики, где в угоду политической конъюнктуре переписывается историческая память, переписывается история (не только своя, но и чужая), переименовываються города и улицы, разрушаются памятники, формируется пантеон новых героев. К сожалению, отчасти подобное имеет место и в России.

В чем причины подобной «социальной деятельности»? Изменить Историю (как состоявшуюся реальность) невозможно, но возможно изменить представления о ней. Используя различные формы и способы мемориализации исторической памяти представляется возможным несколько «скорректировать» линию исторического развития и, изменив настоящее, построить «иное» Будущее.

Вспомните социологический прогноз ученого Айзека Азимова (цикл научно-фантастических повестей «Основание») о месте и роли историка и Истории в далеком будущем Мира. Вот это сейчас происходит повсеместно, на Востоке и Западе. Именно в этих целях активно «в качестве лома» используется мемориализация «новых» старых героев.

Прежде чем заниматься проблемами мемориализации «красных» и «белых» нам с вами необходимо определиться что такое «гражданская война» вообще, какую роль в ней играли те или иные герои в кавычках и без. И здесь мы столкнемся с тем, что в научном плане у нас нет единого представления о сущности этого явления. Отметим только два основных способа определить это явление. Первый, определяет гражданскую войну «как период острых классовых столкновений». В этом контексте и революция 1917 г. рассматривается как акт гражданской войны, и крестьянские восстания, «война с белыми и красными батеньки Махно, Григорьева и Тютюнника, крестьянский бандитизм. Поэтому многие авторы ведут отсчет гражданской войны в России с октября 1917 г., а некоторые даже ранее. Например А. С. Барсенков и А. И. Вдовин ссылаясь на мнение Ленина, который рассматривал революцию «как разрыв гражданского мира» определяют ее начало февралем 1917 г. [1, с. 21].

Другой подход это определение гражданской войны «как способа разрешения противоречий между сторонами с помощью вооруженных сил». В этом более узком и более точном в современном понимании она означает противостояние воюющих армий, движений, фронтов, что подразумевает институциональное оформление и войну не банд и восставших групп населения, а действие вооруженных сил созданных на регулярной основе. С этой точки зрения начало необходимо датировать концом весны 1918 г. Разное понимание сущности конфликта в свою очередь приведет и к различному определению его героев.

Современная мемориализация Гражданской войны в России чрезвычайно сильно политизирована. Без определения концептуальных задач и общественно значимых целей проведение мемориализации будет наталкиваться на сопротивление масс и служить не гражданскому миру, а расколу российского общества. Подобным примером является попытка переименовать станцию метро «Войковская». Дело дошло до того, что кто-то из Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, который призван бороться за сохранение исторического наследия предложил исключить из реестра памятников истории и культуры коммунистические объекты, не представляющие художественной ценности, в том числе «рядовые» памятники, посвященные истории Гражданской войны в России. По мнению директора института А. Миронова «Многие герои революции были бандитами и палачами, но <...> памятные места, связанные с этими лицами, находятся под охраной» [2]. Как-то очень это напоминает законы о декоммунизации принятые в последние годы на Украине и борьбу с памятниками, которую в РФ осудили на государственном уровне.

В дано случае было забыто то, что памятники Гражданской войны попадают под закон об увековечении воинских захоронений. Первые, и порой очень незатейливые памятники гражданской войны, как правило, ставились на местах массовых захоронений. Всего несколько примеров. В 1920 г. в Томск был по-

ставлен обелиск на братской могиле борцов за советскую власть. В 1921 г. в Тобольске поставлен памятник на братской могиле жертв Гражданкой войны. В Новосибирске в 1922 г. был установлен памятник на братской могиле 104 борцов за советскую власть (скульптор В. Сибиряков, инженер А. Кудрявцев). В 1923 г. в Омске был установлен памятник у братской могилы борцов революции (скульптор Н. Виноградов). В 1925 г. в Омске установлен памятник на братской могиле участников восстания 22 декабря 1918 против колчаковцев. Этот список можно продолжать долго. В последующие годы эта работа был продолжена.

Опыт многих других стран (например, Испании, Финляндии и др.), а не только России показывает, что основные объекты мемориализации определяет победившая сторона. Кому и какие памятники возводить, как называть города, улицы и площади. В России победили «красные». Они сформулировали основные постулаты мемориализации. В России, было воздвигнуто немало памятников «красного пантеона». В большинстве городов и поселков в топонимические системы были внесены имена красных героев Фрунзе, Чапаева, Буденного, Ворошилова и др. (В Омске – Блюхера, Гашека, Звездова, Избышева, Рабиновича), обозначены наиболее значимые события войны (в Омске, ул. 22 декабря, 5-й Армии). Отказ от исторической памяти и мемориалов красным – неизбежно ведет к отказу от последующей советской истории, в том числе Победы в Великой Отечественной войне, которой мы гордимся всем народом. Да, история не терпит сослагательного наклонения. Но, не победи красные белых, то не был бы и этой Победы, и весь мир был бы иной.

Проигравшая сторона, в данном случае «белые», имели возможность осуществлять мемориализацию только вне России. Известны многочисленные памятники подобного рода. Приведем один характерный пример – Памятник Борцам погибшим в борьбе против Коминтерна возведенный в Харбине. Таким образом, гражданская война развела мемориализацию красных и белых по разные стороны и в географическом плане.

Распад СССР и образование суверенной Российской Федерации проходили во многом в условиях отказа от советского прошлого. Это привело с одной стороны к многочисленным попыткам декоммунизации исторического прошлого» путем «снятия» с пьедесталов целого ряда памятников советским деятелям, в том числе и отличившимся в годы Гражданской войны (Держинский – в Москве, Карой Легити – в Омске и т.п.). С другой, к попыткам провести массовую мемориализацию Белых. Так, были поставлены памятники Маркову (первый в России памятник белому офицеру, архитектор – Алексей Бегунов, скульпторы – Владимир и Данила Суровцевы.) в Сальске (Ростовская обл., 2003), Колчаку в Иркутске, Корнилову в Краснодаре (2013).

12 апреля 2013 г. в Новороссийске состоялось открытие монумента «Исход» в память о погибших в Гражданской войне состоялось. Скульптурная композиция посвящена событиям 1920 года – исходу войск белой армии и казачества из красной России. Композиция состоит из фигуры белого офицера со своим боевым конем. Прообразом послужил известный персонаж Владимира Высоцкого из фильма «Служили два товарища». Автор скульптуры – новорос-

сийский художник Александр Суворов. Новороссийская ячейка «Сути Времени» обратила внимание прессы и властей города на вопиющий факт – на монументе, воздвигнутом в Новороссийске в память погибших в годы Гражданской войны 1920 года, красуется цитата нацистского генерала Туркула. В свое время А. В. Туркул заявлял: «В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм» [3]. Таким образом, безоглядная мемориализация белого движения прокладывает нередко дорожку к нацистским «героям». И это мало кого смущает. Необходимо это остановить.

Процесс мемориализации красного и белого движений в стране, событий гражданской войны концептуально плохо обоснован. Это приводит с одной стороны к установке «спорных» памятников (например, памятных досок генералам К. Г. Маннергейму – непосредственному участнику блокады Ленинграда в 1941–1944 гг., М. В. Дроздовскому – известному своей неоправданной жестокостью, даже по свидетельствам сторонников белого движения, по отношению к мирному населению), которые вызывают активное противодействие со стороны определенной части населения. С другой это приводит к разрушению и не ухоженности многих памятников красным. Для предотвращения подобных явлений нужна более глубокая и обязательная научная и общественная (а не политическая) экспертиза проектов мемориализации.

В связи с этим научной общественности необходимо призвать органы государственной власти и общественные организации к отказу от одностороннего продавливания «своих проектов» мемориализации по политическим причинам без достаточных исторических обоснований. Подобные действия приводят не к единению российского общества, а к возникновению новых точек социального протеста. Необходима разработка общероссийской концепции мемориализации истории гражданской войны в России.

Список литературы

1. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. – М., 2010. – С. 76–77.
2. Институт Наследия предложил снять с охраны большевистские памятники // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/culture/20150921/1268457771.html> (дата обращения: 23.04.2017).
3. Отголоски «Новороссийской катастрофы»: примирение «красных» и «белых» – через памятник с цитатой нацистского генерала? // Суть времени: [сайт]. URL: <http://eot.su/node/16332> (дата обращения: 23.04.2017).

**«ЖИЗНЕННЫЙ МИР» И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
(ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.)**

Е. Б. Баторова

Бурятская сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ

Статья посвящена феноменологическому анализу социальной революции, революции 1917 года как феномену повседневности, как особому «жизненному миру», возникающему в период социальных катастроф. Показано, что этот «жизненный мир» как мир повседневной реальности, мир архетипов и базовых ценностей трансформируется и преобразуется, на основе новых смыслов и значений, рождаемых феноменологическим чувствованием и переживанием человека, погруженного в хаос революционных событий, в поток стремительного разрушения привычных условий жизни человека.

Ключевые слова: жизненный мир, революция, повседневность, феноменология, культурный архетип.

**THE «LIFEWORLD» AND A SOCIAL REVOLUTION.
(EXPERIENCE IN THE PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF THE
REVOLUTION OF 1917)**

E. V. Batorova

Filippov Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude

The article deals with the phenomenological analysis of the social revolution and the revolution of the 1917 as a phenomenon of reality, as a particular «lifeworld» that appeared during social disasters. This article presents the «lifeworld» as a world of reality, archetypes and core values and shows transformations of this «lifeworld» on the basis of new meanings and definitions that are brought into being by the phenomenological sensitivity and experience of the person that is surrounded by the chaos of the revolution events and the violent destruction of the people's habitual environment.

Keywords: the lifeworld, a revolution, reality, phenomenology, cultural archetype.

Термин «жизненный мир», введенный поздним Гуссерлем, это мир повседневной реальности, которая представляет собой первичные, допредикативные, дорефлективные субъективные интенции. Интенциональность как процесс восприятия есть смыслопорождение вещи, так как оно есть не просто познание, а есть любовь, и страх, и ненависть. Здесь дан не мир сам по себе, а смысл и значимость этого мира для субъекта. Жизненный мир как повседневность образует ценностную основу всех идеальных образований культуры. Поэтому всякий исторически окружающий человека мир не есть объективная реальность. Это такая переживаемая, познаваемая, ощущаемая реальность повседневности, которая наполнена смыслами и трансформируется сквозь призму частной жизни индивида, определяя его отношение к действительности. Феноменальный мир социального бытия человека дан ему как интенциональный поток пережи-

ваний социальных событий, который конституирует его Я. Феноменологический (индивидуалистский) анализ социальной революции позволяет рассмотреть ее как исторический период цивилизационного слома, когда в процессе разрушения старого мира рождается новый жизненный мир человека, рождается его новое Я. Феноменологическая редукция позволяет выявить фундаментальные структуры сознания, на основе которых формируется жизненный мир. Объясняя поведение людей, обращаясь к мотивам их деятельности и взаимосвязи, данный метод исходит из значения обыденного сознания, из структур повседневности, культурных архетипов.

Жизненный мир социальной революции есть феноменальный мир политической борьбы, катастрофических событий, которые человек вынужден осмыслять, вырабатывая систему ценностей, норм и соответствующих им стереотипных действий. Усваиваясь (социализируясь) людьми, они становятся объективными характеристиками повседневности, жизненного мира. Повседневная (демосоциальная, экономическая, политическая и т. п.) жизнь в период социальной революции требует от человека мобилизации сознания (познания, памяти, воли). Эта ориентационная реальность представляет интерсубъективный мир, поддерживающий социальные связи. Сознание одновременно и рационально, так как основывается на осмыслении и интерпретации новой реальности как, как связи между предполагаемой целью, средством, результатом и иррационально, так как оно есть переживание соответствующее определенным представлениям о добре и зле.

Революция как социальная катастрофа кардинально преобразует типичное человеческое поведение, делает «революцию» поведения человека. Трансформация наступает незамедлительно: условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, и на смену им в условиях наступившего хаоса приходят протест, насилие. Ш. Эйзенштадт, понимая революции как движение протеста, отмечает, что «широко распространенной темой протеста становятся устранение общественного разделения труда и его замена идеалом общинности – прямого, непосредственного участия [1, с. 67]. Другими словами, жизненный мир революции как мир восстания, протеста, с одной стороны тесно связан с насилием, разрушением старого мира, а с другой он несет в себе стремление изменить его к лучшему. В жизни общества воцаряется всеобщий разброд и хаос, незнающий границ, тотальная деструкция, распад социальных структур. И хотя исчезает очевидная логика происходящих событий, но люди полны надежды, что за апокалипсисом следует иной более справедливый мир.

Революция это не только проявление неконтролируемого процесса крушения надежд и агрессии или когнитивного диссонанса, но ее основной смысловой контекст, связан с фактом устранения социального неравенства в достатке, власти и статусе между различными группами. В силу этого жизненный мир социальной революции это мир трагических феноменов, «мучение материи и духа», но они связаны с надеждой.

Революция предполагает обвальное, лавинообразное разрушение существующих цивилизационных структур – религиозных и воспитательных институтов, семейных связей, моральных и правовых норм, эрозию государственно-

сти, обострение борьбы за власть между политическими группировками, мотивации которых все более криминализируются. Разрушаются идеи и идеалы, объединяющие все социальные слои, распадаются практические и духовные «скрепы», связывавшие людей в разномасштабные общности. Жизненный мир, окружающий человека становится дискретным, непонятным. Но, обескураженное сознание, в своем стремлении придать ему целостность, пытается осмыслить наблюдаемые феномены, проинтерпретировать их, опираясь на жизненный опыт и здравый смысл. Индивид вырабатывает новую систему ценностей и норм в соответствующих им стереотипных действиях. Ценностные ориентации сознания обеспечивают устойчивость личности, преобладание определенного типа поведения и деятельности, и тем самым, становление новых смыслов ценностей и представлений, что определяется, прежде всего, их связью с культурным архетипом.

Жизненный мир революции 1917 года – это мир социально-политической напряженности, идеологического конфликта и мировоззренческого краха. Для него характерен плюрализм особых индивидуальных и групповых интересов, различных концепций общей воли, свободы отстаивания своих интересов и убеждений, и целостная ориентация, отвергающая законность частных интересов и различий в понимании общего блага, делающая упор на тотальной перестройке общества политическими мерами. Но особенное значение приобретает идеология, в которой подчеркивался приоритет коллективизма, основанного на общинных изначальных корнях или же духовных характеристиках национальной общности.

Из русских философов, свидетелей этих событий лучше всего понял суть революции Карсавин. В своей «Феноменологии революции» он пишет, что «революция разрушает исторически сложившиеся перегородки между собственно-политическим, социальным, экономическим, бытовым и т. д., являя всю расплавленную ею народную жизнь в аспекте политического бытия» [2, с. 42].

Понимание революции у Карсавина, непосредственно строится на метафизике и философии истории. Революция – это особое качественное состояние симфонической личности – нации, в которой проявляется таинственная стихия жизни. Она одновременно проявляет болезнь нации, которая может привести ее к гибели, смерти, и явление народного творчества. Особенность русской революции обусловлена столкновением повседневного структур сознания симфонической личности, ее культурным архетипом с новым атеистическим мировоззрением.

Культурный архетип русского сознания сформировался в геополитическом пространстве между Западом и Востоком, и накануне XX века, он был глубоко православным. Вследствие этого в развитии русской культуры возникают глубинные инверсионные циклы, связанные с постоянным изменением системы духовно-нравственных ценностей. При этом русский культурный архетип несет в себе две крайности: соборность как религиозно-нравственный идеал и идеал авторитарно-государственного устройства общественной жизни. В результате этого в русском культурном архетипе присутствуют такие установки: общинная коллективность, мессианская жертвенность, которые лежат в основе готовности

русского человека к лишениям, его неприхотливость, бесконечная терпеливость. Это глубоко традиционное сознание, несмотря на глубокое чувство любви к родной земле, добросовестность и трудолюбие, не позволило придать труду новый ценностный смысл. Трудиться необходимо, но не ради наживы, богатства (работа не волк, в лес не убежит).

Базовые ценностные ориентации русской культуры имеют морально-этический характер общинной природы. В русском культурном архетипе доминирует базовая социальная потребность «быть как все». Поэтому в системе внутренних потребностей, нравственных императивах особое место занимает общественное мнение, а не личная самооценка и ответственность. Н. Бердяев отмечал глубокую противоречивость души русского человека: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью». [1, с. 7]. Это смысловая особенность жизненного мира русского человека предопределила его поведение в пространстве и времени революции 1917 года.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1990.
2. Карсавин Л. П. Феноменология революции // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5.
3. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД В ФЕВРАЛЕ – МАРТЕ 1917 Г. В ОБЪЕКТИВЕ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТОВ ЖУРНАЛА «НИВА»

О. Я. Бахарева

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

В феврале 1917 г. свершилась в Петрограде буржуазно-демократическая революция. Известные фотографы столицы – Карл Булла, Яков Штейнберг и др. снимали волнения петроградцев и публиковали их в иллюстрированных журналах, которые расходились по всей России. Ныне эти фотоснимки являются ценными фотодокументами событий столетней давности и представляют интерес для людей, живущих в XXI веке.

Ключевые слова: Петроград, буржуазно-демократическая революция, Государственная Дума, фотограф, фотодокумент, февраль, 1917 г., иллюстрированный журнал «Нива», столетие революции, Советы рабочих и солдатских депутатов.

REVOLUTIONARI PETROGRADINTHELENSOFPHOTOGRAPHERS OF NIVA MAGAZINE IN FEBRUARY–MARCH 1917

O. Y. Bakhareva

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg

In February 1917 the bourgeois-democratic revolution took place in Petrograd. Famous photographers of the capital Karl Bulla, James Steinberg and other filmed excitement Petrograders and published their photos in illustrated magazines, which were dispersed throughout Russia. Today these photos are valuable documents of the century – old events and are of interest for people living in the 21st century.

Keywords: Petrograd, bourgeois-democratic revolution, the State Duma, a photographer, a photo-document, February 1917, the illustrated magazine “Niva”, century revolution, Soviets of workers and soldiers deputy.

В Отечественной истории с января 2017 года начался год столетия двух революций – февральской и октябрьской (1917–2017 гг.). События далекого времени нашли отражение в фотодокументах. Фотографии Карла Буллы, Петра Оцуца, Я. Штейнберга, Н. Н. Ольшанского и др. донесли до XXI в. ход развития и свершения Февральской революции в Петрограде. Они работали в журналах «Нива» [1], «Петербургская жизнь», «Огонек», «Солнце России», «Петербургский (с 1914 г. «Петроградский») листок». На фотоснимках представлены митинги, демонстрации, заседания Государственной Думы и многопартийных Комитетов, фото членов Временного Правительства, вооруженные патрули в столице и пр. Данная статья предлагает последовать за фотодокументами, чтобы проследить нарастание мощного народного гнева, взрыв которого смел старый монархический строй и привел к буржуазно-демократической революции 27 февраля, а затем к установлению диктатуры пролетариата в октябре 1917 г.

Карл Булла (1853/55, Пруссия – 1929, Эстония) прибыл в Петербург в 1865 г., устроился в фирму «Дюпант» для обучения фоторемеслу, в 1876 г. принял подданство России. С 1897 г. работал в журнале «Нива», сотрудничал с другими столичными журналами, имел звание «фотограф Министерства Императорского Двора» и специальный знак «фотограф Санкт-Петербурга». В 1904 г. получил разрешение на съемки столицы и членов царской семьи, на торжествах в Высочайшем присутствии. К 1906 г. обладал различными почетными званиями и наградами (крест Румынской короны от короля Румынии, орден «Звезда Льва и Солнца» от шаха Персидского, кавалерийский орден Итальянской короны от короля). В 1910 г. годовой доход фирмы «Булла и сыновья» достиг 250 тыс. рублей. Его называли «фотолетописцем Петербурга» и «целой эпохи». В начале 1917 года он передал сыновьям Александру и Виктору свое дело и фотоателье в Петербурге на Невском проспекте № 54, переехав жить на остров Саарема (Эзель), Эстония [2].

Необходимо вспомнить, что в Таврическом дворце Петрограда 9 февраля 1916 г. за год до Февральской революции начала работу Государственная Дума IV созыва. На фото К. Буллы в журнале «Нива» № 9 за 1916 г. запечатлено это событие. Снимок назывался «9-е февраля. Торжественное молебствие перед открытием заседания Государственной Думы в присутствии Его Величества Государя Императора». Торжественный молебен был проведен не только по случаю открытия заседания Госдумы, но и победы на Кавказском фронте. В обращении к депутатам царь выразил надежду, что «все вы и каждый из вас внесет в основу ... вашей работы весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к нашему Отечеству, руководствуясь исключительно ею в трудах своих» и пожелал депутатам «плодотворных трудов и всякого успеха» [3]. Статья «Голос народа» в № 9 прокомментировала речь нового председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера, сменившего на этом посту И. Л. Горемыкина. «Россия не положит оружия, пока не одержит решительной победы», – такова была главная задача России во внешней политике, и предлагалась программа решения внутренних вопросов: «поддержание трезвости, расширение местного самоуправления, учреждение волостного земства, снабжение населения продуктами первой необходимости, борьба с дороговизной, борьба с немецким засильем» [4]. В 1916 г. 27 апреля Государственная Дума отметила десятилетие со дня открытия Думы первого созыва (1906–1916 гг.). Журнал «Нива» в честь юбилея «русского парламента», поместила фотографии членов Президиума Думы во главе с председателем М. В. Родзянко, выполненных фотографом Н. Н. Ольшанским, который ранее в 1913 г. издал альбом «Четвертая Государственная Дума» с портретами и биографиями депутатов.

Прошел год, наступил февраль 1917 г. Политическая, экономическая и военная обстановка кардинально ухудшили положение народа. Третий год войны, дороговизна на продукты питания, нарастающий голод, закрытие предприятий, участвовавшие забастовки, потеря веры в царя вывели петроградцев 23 февраля на митинги и демонстрации, спровоцировавшие погромы хлебных лавок и стычки с милицией и войсками [5, с. 59]. Революция начиналась! 24 и 25 февраля продолжились митинги, стачки, демонстрации с лозунгами «Долой войну!

«Долой монархию!», «Долой царское правительство!», появились лозунги с требованиями «Хлеба!», «Мира!», «Свободы!». На улицы вышли партии меньшевиков, эсеров, трудовиков, мелкобуржуазные национальные партии, к ним с 25 числа присоединились большевики, распространявшие листовки. Выступления 27 февраля сопровождались переходом 67 тыс. солдат столичного гарнизона на сторону восставших. Примером им послужили Волынский и Литовский полки, устроившие ряд демонстраций в пользу Госдумы. Манифестации солдат вызвали на столичные улицы мастеров фоторепортажей Карла Буллу и 37-летнего Якова Штейнберга, позже прозванного «летописцем русской революции». События, описанные выше, запечатлены на фотоснимках К. Буллы: «В Екатерининском зале Таврического Дворца. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко среди чинов армии и флота, перешедших на сторону Временного Правительства» [6, с. 172]; «В зале заседаний Государственной Думы. Заседание Совета Солдатских Депутатов» [6, с. 173]. «Февральские дни в Петрограде. Перешедшие на сторону Временного Правительства войска с красными знаменами идут по Невскому проспекту близ Аничьего дворца» [6, с. 178]. «Штаб начальника милиции в Городской Думе. Среди сидящих за столом (второй от стены) – начальник городской милиции Петрограда, гласный Думы Д. А. Крыжановский» [6, с. 179]. Представляем снимки Я. Штейнберга: «Петроград, 1-ое марта. Школа прапорщиков у Таврического Дворца, пришедшая одной из первых воинских частей в Государственную Думу» [7, с. 174]. «Петроград, 1-ое марта. Перешедшие на сторону Временного правительства войска с красными флагом подходят к Государственной Думе» [7, с. 175]. «Полк в полном составе с офицерами во главе, перешедший на сторону Временного правительства, перед Государственной Думой» [7, с. 178]. «Февральские дни в Петрограде. Баррикады на Литейном проспекте» [7, с. 178.]. «Стражи порядка нового строя в Петрограде. Городские милиционеры» [7, с. 179].

В ночь с 27 на 28 февраля экстренно создается «Временный Комитет» из членов Государственной Думы – 6-и кадетов, 2-х октябристов, 1 прогрессивного националиста, 1 меньшевика, 1 трудовика [5, с. 72]. 1 марта было создано Временное правительство, которое в свою очередь сформировало Исполнительный Комитет Госдумы. Обратимся к фото К. Буллы в № 10 «Нивы»: «Временное правительство. Исполнительный Комитет Государственной Думы: Сидят (справа): М. В. Родзянко, С. В. Шидловский, В. А. Ржевский и Вл. И. Львов. Стоят (слева): В. В. Шульгин, И. И. Дмитриуков, полковн. генер. штаба Б. А. Энгельгард (комендант петроград. гарнизона), А. Ф. Керенский и М. А. Караулов». В этом номере появилось обращение к петроградцам «Народное правительство» и «Программа первого Общественного кабинета». В воззвании были перечислены задачи: «общая амнистия, свобода собраний, союзов, совести и печати, подготовка к созыву Учредительного собрания для выработки формы правления и конституции страны, отмену национальных и религиозных ограничений, удаление из Петрограда перешедших на сторону движения воинских частей, при соблюдении ими строгой воинской дисциплины в строю и во время военных поручений, общих гражданских прав» [8, с. 160]. Временный Комитет Госдумы назначил министрами первого Общественного кабинета

12 человек во главе с председателем Госдумы М. Родзянко. На всю страну прозвучало сообщение «Россия свободна!»: «Вооруженный народ ... отвоевал себе свободу и принес ее на красных знаменах к Дворцу народной свободы – к Таврическому дворцу, в Государственную Думу к народным избранникам»; «... заседает рядом с Исполнительным Комитетом и Министрами нового Временного Правительства – Совет рабочих и солдатских депутатов» [9, с. 160]. Стремительность событий привели 2 марта 1917 г. к отречению от престола Николая II. Февральская революция свершилась, но впереди Россию ожидали новые потрясения 1917 г. Исторические фотоснимки К. Буллы и Я. Штейнберга имеют большое значение для понимания развития Февральской революции. Их негативы бережно хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Справка о журнале «Нива» // Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: [сайт]. – URL: projects.spbsj.ru/novosti/materialy5706-illyustrirovannye-zhurnaly.html (дата обращения: 12.11.2016).
2. Фотограф Карл Булла: биография и судьба династии // Блог о путешествиях и культуре в Европе: [сайт]. – URL: www.mishanita.ru/2015/07/05/25646 (дата обращения: 12.11.2016).
3. 9-е февраля // Нива. – 1916. – № 8.
4. Голос народа // Нива. – 1916. – № 9.
5. Спириин Л. М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. – М., 1987.
6. Фото К. Буллы // Нива. – 1917. – № 11-12.
7. Фото Я. Штейнберга // Нива. – 1917. – № 11-12.
8. Всем! Всем! Всем! // Нива. – 1917. – № 10.
9. Россия свободна! // Нива. – 1917. – № 10.

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ?

К. В. Вагнер

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

В статье рассматривается проблема альтернативности исторического процесса, в частности, судьба революционно-демократической альтернативы в России в начале XX века.

Ключевые слова: революционно-демократическая альтернатива, Гражданская война.

WAS THERE AN ALTERNATIVE TO THE CIVIL WAR IN RUSSIA?

C. V. Wagner

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The author tackles the problem alternativeness of historical process, in particular, the destiny of revolutionary-demokratic alternative in the history of Russia of XX century.

Keywords: revolutionary-demokratic alternative, Civil war.

Была ли реальная возможность учредить демократическую социалистическую политическую систему в 1917 году в России и тем самым посредством мирной альтернативы избежать длительной, беспощадной, невообразимо опустошительной гражданской войны? Вопрос не праздный. И речь не об абстрактном сослагательном наклонении, не признаваемом исторической наукой, а об упущенных возможностях «вариативной истории», являвших собой адекватный ответ вызову объективной реальности.

Прежде всего, необходимо отметить, что в ленинских наработках, помимо особо ценной революционной демократической альтернативы версии 1905 и 1917 годов и реализовавшейся в итоге большевистской, «учитываются возможности: 1) сначала успешной реализации столыпинских преобразований на пути капиталистического прогресса... 2) затем (в 1917 г.) – буржуазно-либеральной альтернативы в случае того или иного соглашения между Временным правительством и крестьянством» [1, с. 123].

На протяжении всего 1917 года большевики выступали за переход политической власти от «буржуазного» Временного правительства к демократически избранным многопартийным Советам, что и выражалось в лозунге «Вся власть Советам!» [2, с. 192]. Также меньшевики-интернационалисты, меньшевистская группа «Новая жизнь» и левые эсеры выступили против коалиции с либералами, предлагая идею однородного социалистического правительства, инициатива образования которого, как предлагал еще в мае 1917 г. меньшевик-новожизненец Н. Н. Суханов, должна была исходить от Советов после их завоевания «пролетарскими и примкнувшими к ним последовательно демократическими элементами» и изоляции «соглашателей», «бежавших от власти как черт от ладана» [3, с. 246-247]. В такое правительство, считал Н. Суханов, должны бу-

дут войти представители всех основных социалистических группировок, поскольку ни одна из них в отдельности не сможет организовать нормальное управление страной и проводить реформы, не учитывая позиции других. «Не подлежало сомнению...», – рассуждал он по этому поводу, – что против коалиции демократия и Совет должны были выступить только единым фронтом» [3, с. 246]. Данная линия (в том числе и высказывания Мартова о том, что эту революцию может возглавить революционная демократия в лице крестьянства (мелкой буржуазии) или, более того, возглавит РСДРП) не могла не свидетельствовать в пользу РДА.

«Корниловский период»: Ленин в этих условиях пишет серию обращений в ЦК большевиков о том, что ситуация фактически вернулась к двоевластию. А значит возможно мирное развитие революции. Большевики предлагают ЦК меньшевиков и эсеров создать правительство, не претендуя на то, чтобы в него входить. Требуют только свободы агитации и выборов.

Объединились тогда в разных точках страны все революционно – демократические силы, причем стихийно. И в таких условиях гражданская война стала невозможна. Это ответ РДА на корниловщину. Если бы такая многопартийность была доведена до логического завершения – все было бы прекрасно. Это и есть социалистическое правительство. Ленин говорил, что если меньшевики-эсеры не пойдут на это без либералов и буржуазии, то насильственный путь будет неизбежен. 9 сентября он пишет: «... исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной... этакая “война” не дошла бы даже ни до одного сражения» [4, с. 222].

Уже в ночь с 1 на 2 сентября умеренные социалисты дают добро на создание Керенским директории. Хотя сам Керенский говорил, что его программа – это программа Корнилова, а социалисты были категорически против последнего.

Фактически корниловцам дают добро на формирование власти...

Обратимся к периоду Демократического Совещания. Эсеровское «Дело народа» пишет: «Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного собрания на почве утвержденной Совещанием платформы, тогда коалиция должна возникнуть в недрах состава Совещания. Это – тяжкая жертва с стороны защитников коалиции... Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда... последняя комбинация... большевики будут обязаны формировать кабинет... [так как] они обязаны расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям... В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку» [4, с. 292]. После создания 24 сентября 3-го коалиционного правительства лидер – теоретик эсеров В. М. Чернов дал в «Листках из политического дневника» резкую критику демократии, обвиняя ее во «властебоязни», в уступках кадетам, которые диктуют свои условия, а блок с ними назвал «коалицией без коалиции», признал ошибкой отказ демократии от власти, отметил, что «Совет идет совершенно определенной дорогой: со ступеньки на ступеньку, от капитуляции к капитуляции. Это не поражение демократии: ибо не было поражающего. Это не отступление... ибо натиска не было. Это просто – самочинный массовый отход в тыл. Это принци-

пиальная *боязнь наступления*» [5, с. 86–91]. А в итоге он участвует в обеспечении похода А. Ф. Керенского – П. Н. Краснова на Петроград и восстания юнкеров 29 октября, возникает позиция «для низложения большевиков все средства хороши». Отсюда и существенный исток гражданской войны в узком смысле слова.

Даже когда ставка на силу уже была сделана, у умеренных социалистов были шансы, так как они оказались в центре событий. В обстоятельствах кризиса 3-й Коалиции была возможность выдвинуть ультиматум ей. 24 октября Предпарламент наконец разразился тем, что левые эсеры заявили о необходимости выразить недоверие правительству Керенского. Нужно потребовать, чтобы правительство объявило начало переговоров о мире, чтобы немедленно был решен земельный вопрос, отменили военно-полевые суды. Мартов в более мягкой форме сформулировал данные требования.

Милюков позднее писал, что это был вотум недоверия правительству. В нормальных условиях 3 коалиция должна была уйти в отставку. А возникнуть могло только однородное социалистическое правительство. Вот еще одна возможность мирного решения вопроса о власти – мирная революция!

К Керенскому направили посланников. Итог – Керенский возмутился и прогнал их, те стушевались, заверили его в преданности и ушли...

24 октября солдаты и матросы, рабочие-красногвардейцы начали занимать ключевые места в городе (мосты, вокзалы, телеграф и электростанцию). К вечеру 24 октября правительство было заблокировано в Зимнем дворце. А. Ф. Керенский отправился за подкреплением на Северный фронт. Утром 25 октября было опубликовано воззвание «К гражданам России». В нем объявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти к Петроградскому ВРК. В ночь с 25 на 26 октября был взят Зимний дворец и арестованы старые министры.

Бесспорно, что, если бы большевики промедлили со взятием власти и не упредили правые силы, слабое правительство Керенского сменила бы военная диктатура. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов еще одну грозную альтернативу: возможность анархистского бунта – «бессмысленного и беспощадного», говоря словами А. С. Пушкина. О нарастании анархистского движения в стране писали левые и правые газеты. Стихийный бунт был чреват гибелью культуры и, в конечном счете, также обернулся бы иностранным вмешательством и торжеством военной диктатуры. Поэтому Ленин спешил, по дням, по часам планируя и подготавливая восстание.

Существовала ли у правительства возможность выйти из кризиса, избежать восстания? Да, теоретически это было возможно. Вечером 24 октября эсеры и меньшевики в Предпарламенте приняли решение, в котором помимо осуждения восстания был призыв к Временному правительству издать декрет о земле и начать с союзниками мирные переговоры. Реальна ли эта альтернатива? Необходимо учитывать, что в Питере уже шли с утра вооруженные столкновения. Керенский отверг требования Предпарламента. Тем самым шанс на спасение буржуазной власти был утрачен, а «властебоязнь» эсеров и «меков» – и шанс

мирной революции. Реальной военной силы, способной противостоять восставшим, в столице не было. Восстание прошло на редкость бескровно.

В конце 1917 года левые эсеры после долгих метаний вошли в правительственную коалицию, но продержались только до Брестского мира. Но и это был урезанный вариант революционно-демократической альтернативы. До обострения отношений с крестьянством, до продовольственной диктатуры все попытки развязать войну со стороны атибольшевистских сил были провальными.

Знаковым звучит признание старого эсера, члена боевой организации Бориса Савинкова: «...а если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов. Рабочий класс кровно связан с крестьянством. А генералы?» [6, с. 104]. И более того: «Минует год или два, или десять лет, и те, кто сохранит «душу живу», все равно пойдут по намеченному пути. Пойдут и доверятся русскому трудовому народу. И скажут: Мы любим Россию и потому признаем советскую власть» [6, с. 106].

Список литературы

1. Шепелева В. Б. Исторические альтернативы и этническая ментальность на переломе от России царской к России нэповской. // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 122–129.
2. Рабинович А. Попытки формирования многопартийного демократического социального правительства в 1917 году в России // История СССР. – 1990. – № 6.
3. Суханов Н. Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т. II. – Кн. 3–4.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 34.
5. Гусев К. В. В. М. Чернов: Штрихи к политическому портрету. (Победы и поражения Виктора Чернова). – М., 1999.
6. Борис Савинков на Лубянке: Документы. – М., 2001.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОВЫХ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ 1950-60-Х ГГ.

А. В. Жидченко

*Ассоциация молодых исследователей «Институт исследований социальной памяти»,
Москва*

Статья посвящена анализу памяти о революции 1917 года в культурно-исторического пространства постсоветских городов, строительство которых пришлось на 1950–60-е гг. В целом, несмотря на важное идеологическое значение тематики, связанной с революционными событиями, в производственных городах и особенно городских районах, этот элемент городской культуры не является основным, однако имеет важное значение в исторической памяти поколения старожилов данных мест.

Ключевые слова: революция, город, памятник, историческая память, культурно-историческое пространство, городская культура.

THE REVOLUTION OF 1917 IN THE CULTURAL AND HISTORICAL SPACE OF NEW SOVIET CITIES OF 1950-60-IES.

A. V. Zhidchenko

Association of Young Researchers “Institute for the Study of Social”, Moscow

The article is devoted to the analysis of the memory of the 1917 revolution in the cultural and historical space of the post-Soviet cities, the construction of which occurred in the 1950s-1960s. In general, despite the important ideological significance of the themes related to revolutionary events, in industrial cities and especially in urban areas, this element of urban culture is not the main one, but it is important in the historical memory of the generation of old residents of these places.

Keywords: revolution, city, monument, historical memory, cultural and historical space, urban culture.

Год 100-летия российской революции – это не просто круглая дата, связанная с историческим событием, а время подведения итогов развития страны и произошедших в ней изменений в разных сферах, в том числе в сфере эволюции культурно-исторической памяти. В предлагаемой работе мы остановимся на теме городского пространства и формирования исторической памяти в советский период, а также переменах, связанных с этим пространством в период постсоветский.

Анализ будет проведен на материалах двух городов и одного городского района, основное историческое ядро которых формировалось в период 1950–60-х гг. Среди них города Салават (Башкортостан), Волжский (Волгоградская область) и городской район – омский городок Нефтяников.

В центре города Салавата возвышается обелиск, посвященный 50-летию Октябрьской революции, который находится на площади космонавтов. Это

один их главных памятников города, связанный с историей революции и гражданской войны. Этот памятник, известный официально как «обелиск боевой и трудовой славы» имеет высоту в 33 метра. Он находится на пьедестале из гранита, облицованного нержавеющей сталью. На вершине обелиска – серп и молот. На гранях обелиска размещены звезды Героев Социалистического Труда и Советского Союза. Надписи «50 лет», «Слава героям труда» и «Слава защитникам Родины» раскрывают главное содержание памятника. Памятник был спроектирован инженерами Н. А. Мороном, З. А. Хайруллиним, У. Н. Сирбаевым, художниками А. С. Каминим, Г. Ф. Орловым, А. Г. Кузнецовым. Открыт 5 ноября 1967 г.

Многие старожилы города Салавата сегодня вспоминают разные события своей жизни, связанные с этой площадью и с этим памятником – здесь принимали пионеры, здесь проходила торжественная часть Первомайской и Ноябрьской демонстраций, праздничные мероприятия, приуроченные к различным датам и просто встречи, прогулки. Действительно подобное центральное место памятника и площади и сегодня имеет значение для сохранения культурно-исторической памяти в городе о революционных событиях 1917 г.

С именем Я. М. Свердлова связаны первые годы советской власти в нашей стране, а значит, что в массовом сознании имя этого исторического деятеля связано с периодом революции и гражданской войны. Памятник Я. М. Свердлову, соратнику Ленина и революционеру, располагается в городе Волжском у кинотеатра «Спутник». Его установили в 1970 году. Открытие памятника было приурочено к 85-летию со дня рождения Якова Михайловича Свердлова.

Памятник В. И. Ленину находится на одноименной площади. Торжественное открытие его состоялось в 1984 году. Авторами скульптуры являются Е. И. Кутырев и А. А. Тюренков. Работа над семиметровой бронзовой статуей вождя шла семь лет. Взмахом руки Ленина архитекторы хотели показать весь масштаб и простор города.

Парк «60-летия Октября» является еще одним «местом памяти», связанным с революционными событиями. Он был создан во второй половине 1970-х гг., и является зоной отдыха, относящейся к той части города, застройка которой приходится уже на 1970-80-е гг. В дальнейшем парк был переименован в парк «Волжский», но его «народное» название, связанное с юбилейной датой со дня Октябрьской революции до сих пор осталось в коллективной памяти горожан.

Стоит отметить, что не только в городах, построенных в 1950-60-е гг., но и в городских районах, созданных в этот период, были закреплены элементы социокультурного пространства, связанные с революцией 1917 года. Так, в частности, в омском городке Нефтяников, производственном районе, построенном для работников омского нефтезавода, есть улица 50 лет Октября, застройка которой была начата во второй половине 1960-х гг.

Омск – это один из немногих российских городов, где есть улица 22 апреля. Свое название эта улица в городке Нефтяников также получила по причине закрепления памяти о революционных событиях – дне рождения В. И. Ленина (22 апреля 1870 года).

С революцией и последовавшей за ней Гражданской войной связано также и имя В. К. Блюхера, советского военного, государственного и партийного деятеля.

В настоящее время элементы топонимического ландшафта в этой части города Омска не меняются, поскольку район городка Нефтяников находится в отдалении от центра города, и в целом основная его застройка пришлась именно на советский период. В целом это способствует преемственности поколений и сохранению исторической памяти.

Таким образом, на сегодняшний день в городском культурно-историческом ландшафте того пространства, которое формировалось в 1950–60-е гг., остаются в основном нетронутыми элементы, связанные с революцией 1917 г. Значение этих элементов (памятников, названия улиц, парков и др.) является важным для поколения старожилов данных городов, и даже в отдельных случаях переименования традиция становится сильнее перемен.

ВООБРАЖАЕМОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. ИСТОРИКОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

О. И. Ивонина

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

В статье сделан акцент на отмеченной историками русской эмиграции взаимосвязи событий Первой мировой войны, завершившей эпоху Нового времени и русской революции 1917 г., открывшей начала «новой творческой эпохи» всемирной истории. Автор подчеркивает эвристическую значимость введенных в научный оборот понятий христианского историзма, точнее выявивших сущность революционаризма и природу русского социализма, сформировавших основу русского менталитета и исторической судьбы России.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., «Новое варварство», «Закат Европы».

THE IMAGINED TRANSFORMATION: OCTOBER REVOLUTION BY THE EYES OF RUSSIAN EMIGRATION HISTORIANS

O. I. Ivonina

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk

This paper researches an assessment the interrelation of World War I, ended the epoch of Modernity, and Russian revolution, opened a New Creative Era, by Russian historians abroad. Author emphasizes the empirical importance of Christian historicism categories for understanding of the essence of Russian revolution and the nature of Russian socialism as the profound identity of Russian mentality and history.

Keywords: Russian revolution of 1917, «New barbarity», «Decline of Europe».

Драматическое совпадение хронологического и исторического рубежа в развитии мировой цивилизации и российского общества актуализировало обращение современных исследователей феномена цивилизации к творческому наследию мыслителей русского религиозного Ренессанса. Осмысление российской транзитивности в условиях альтернативной ситуации выбора страной дальнейшего пути развития очертило тот круг вопросов, которые и сегодня остаются в центре внимания отечественной науки: движущие силы и цивилизационно-формационный вектор российской модернизации; соотношение внутренних и внешнеполитических факторов социально-политической трансформации страны; формы и методы социальной мобилизации общества культурными и политическими элитами; многоукладный характер транзитивного общества; постоянные и переменные социальной динамики.

Исходной точкой размышлений христианской историографии об альтернативности всемирной и отечественной истории в эпоху Постмодерна стали события Первой мировой войны и последовавших за ней революций. Эти исторические катастрофы были восприняты русскими мыслителями как символы «за-

ката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Н. А. Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Октябрь 1917 г. был воспринят как финал и тысячелетней истории Российской империи, и как конец эпохи Нового времени. Вместе с тем отечественная наука затруднялась дать рациональное обоснование закономерности и неизбежности революционного перехода российского общества к новому качеству. Транзита к социализму не могли объяснить ни сторонники теории модернизации, ни адепты формационного подхода, ни концепция органического развития локальных цивилизаций. По мнению Н. А. Бердяева, существующие средства историописания, сформированные интеллектуальной традицией Нового времени непригодны для постижения смысла Великой русской революции, положившей начало новому миру и новой эпохе [1, с. 414].

Характеристика современности (Модерна в терминологии христианских авторов) основывалась на представлении о духовной, метафизической и социально-политической инфляции, поразившей сознание современного европейца. Последняя, по мнению Ф. А. Степуна, стала результатом подмены вечных истин свободы, демократии, равноправия партикулярными интересами конкурирующих партий, движений, национальных элит и государственных интересов.

Христианская историософия в лице Г. Флоровского, Г. П. Федотова, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина предложила собственные категории познания русской истории и религиозную интерпретацию поворотных моментов в развитии России. Революция 1917 г. была понята как «малый апокалипсис истории», «суд Божий» над греховным миром, предавшим забвению христианские заповеди равенства и братства народов. Красный Октябрь представлялся христианским мыслителям синтезом православной традиции сострадания и помощи страждущему человечеству, с одной стороны, и пафосом антропологического титанизма, устремленного к подчинению всех сторон жизни общества рациональной организации и дисциплине – с другой. В идеологии и практике русского коммунизма проявилась традиционная для православного сознания идея спасения – всечеловеческого прорыва в будущее на основе преображения «греховного мира» общими усилиями разных стран и народов.

Эсхатологической устремленностью русского сознания к идеальным и одновременно интернациональным проектам миростроительства христианские мыслители объясняли всемирное значение опыта русских революций. Миссию Октября 1917 г. Л. П. Карсавин видел в самоутверждении России как носительницы новой христианской культуры и новой мировой эпохи – гармонического единства национального и интернационального, силы и духа, свободы и справедливости, закона и благодати, т.е. созидания идеального общественного порядка, объединяющего многообразное в едином [2, с. 183].

Постоянная сосредоточенность на достижении запредельных целей «преображения мира и человека» приводила к утрате повседневных ориентиров, вера в утопические проекты заменяла привычные нормы морали и чувство долга. Аномия русской жизни в эпоху революции, будучи прямым следствием надрыва общества в его стремлении мгновенно достичь идеала, проявлялась в усилении социального хаоса, разрушении традиционных форм социальной коммуникации: солидарности поколений и отдельных профессиональных групп, криминализации массового поведения, усилении конкуренции элит (в лице вождей партии, правительства, армии) за административно-политические и экономические ресурсы. На примере революции 1917 г., которую христианские авторы считали «срывом русской модернизации и русского государства», они доказывали чреватость российской транзитивности «динамическим хаосом», утратой целостности и управляемости социокультурной системы, непредсказуемыми катастрофами внутри- и внешнеполитического развития страны в случае разрушения государственности как тела русской культуры [3, с. 296]. Созданный властью Советов новый тип государства (христианские авторы подчеркивали его светский, демократический, федеративный, социальный характер) спас страну от экономической отсталости и социальной аморфности, упорядочил и дисциплинировал экономическое и политическое бытие русских.

В противовес либеральной доктрине национального государства Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев выдвигали идею превращения России в универсальное государство, в лидера мирового сообщества народов, отрицающего значение политических или национальных границ. Основой такого видения места и роли страны в развитии мировой цивилизации являлась концепция «всеединства», представляющая собой новый вариант русского мессианизма – идеи о спасительной миссии России, примиряющей христианский Восток с христианским Западом, создающей на почве Православия основу для органического синтеза достижений двух цивилизаций, универсальную «вселенскую культуру».

Оценка социализма как «неотвратимой судьбы России», деформированного проявления «русской идеи», русского мессианизма и универсализма свидетельствовала о его глубокой укорененности, а возможно, и абсолютной неустранимости из системы религиозных принципов и символов коллективного бытия народа. Не менее важен был сделанный христианской историософией акцент на том, что в социализме произошло соединение воли народа к социальной справедливости с волей к государственному могуществу, а тем самым было достигнуто единство устремлений власти и общества.

Организирующая роль советской власти проявилась в том, что «народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую символику». В этом, по мнению Н. А. Бердяева, заключалась «бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством [4, с. 109].

Таким образом, в изображении христианской историософии социалистический вектор эволюции российского общества явился не историческим тупиком, а закономерным этапом развития, центральным компонентом политической и культурной идентичности русских.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1994. – Т. 1.
2. Карсавин Л. П. О сущности православия. // Проблемы русского религиозного сознания. – Берлин, 1924.
3. Федотов Г. П. Судьба и грехи России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 1991.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1920 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)**

В. Л. Кожевин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

В статье представлен анализ выводов советских историков 1920-х – середины 1930-х гг. относительно социально-психологических черт и социального поведения русского офицерства накануне и в период Октябрьской революции. Автор сосредоточил основное внимание на трудах видных советских деятелей, которые в годы революции и Гражданской войны непосредственно работали среди офицеров старой армии с целью их привлечения в ряды РККА.

Ключевые слова: историография, революция 1917 года, офицерство, социально-психологический портрет.

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE RUSSIAN OFFICERS
IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE OCTOBER REVOLUTION
(1920 – THE FIRST HALF OF THE 1930S.)**

V. L. Kozhevin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The article presents the analysis of the conclusions of Soviet historians of the 1920s and mid-1930s on socio-psychological traits and social behaviour of the Russian officers on the eve and during the October revolution. The author focused principally on the writings of prominent Soviet officials, who in the years of revolution and Civil war worked directly among officers of the old army with the goal of bringing them into the ranks of the Red Army.

Keywords: historiography, the revolution of 1917, officers, social-psychological portrait.

На протяжении первых полутора десятилетий развития советской историографии революции 1917 года в исследованиях, посвященных армии, проблема социокультурного облика и психологии русского офицера не принадлежала к числу наиболее значимых. Точнее, большинством историков она не воспринималась как проблема. Изображение офицера только в виде классового врага позволяло ограничиваться минимумом отрицательно окрашенных эпитетов и оценок. Впрочем, для одной из категорий авторов данный аспект истории революции в войсках оказывался довольно существенным. Это были партийные и советские работники, которым пришлось непосредственно иметь дело с офицерством старой армии в процессе строительства и боевой деятельности РККА.

Одним из первых кто обратился к означенной теме был видный большевистский лидер, член ЦК РКП(б), «революционный диктатор» бывшей россий-

ской столицы и руководитель обороны Петрограда от войск генерала Юденича – Г. Е. Зиновьев. В 1920 г. он опубликовал небольшую книжку «Армия и народ. Советская власть и офицерство». Работа была подготовлена на основе лекции автора, выступившего перед многочисленной аудиторией военных специалистов в октябре 1919 г. Центральным вопросом книги Г. Е. Зиновьева был вопрос об отношении офицерства к Октябрьской революции, а также о взаимоотношениях, сложившихся между командным составом русской армии и Советским государством.

Офицерский корпус, численность которого на момент Октябрьского вооруженного восстания определялась автором в полмиллиона человек, по критерию отношения к новой власти был подразделен им на три больших группы. Первая – офицеры, перешедшие на сторону Советов и служившие в Красной Армии (около 100 тыс.), далее – группа относительно нейтральных, неопределившихся в политическом отношении лиц, рассеянных по всей стране (примерно 200 тыс.), и, наконец, офицеры из стана белогвардейцев (около 200 тыс.) [1, с. 12]. Это обстоятельство, по мнению автора, свидетельствовало о существовавшем к началу революции расслоении корпорации, расслоении, обусловленном различием социального происхождения, материального положения и жизненных интересов офицерства.

«Да, надо иметь в виду, – писал Г. Е. Зиновьев, – что есть офицер-помещик и есть офицер просто. Офицер-помещик защищает свои привилегии; он хочет непременно иметь тысячу десятин земли и сохранить свой «вишневый сад», свое «дворянское гнездо»; другой офицер получал при царе неполных 100 руб. жалованья, жил плохо, вышел из среды служилой интеллигенции, в сущности говоря, интересами больше связанной с трудовым народом, чем с помещичьим классом». И, продолжал автор, «мы не должны представлять себе его (офицера – В. К.) сплошной, однородной, черной реакционной массой» [1, с. 13].

Упомянув об участии офицеров в российском освободительном движении (декабристы, офицеры-народовольцы, лейтенант Шмидт), Г. Е. Зиновьев представил общие выводы относительно политического поведения офицерства в моменты наивысшего накала революционной борьбы в XX веке. «В 1905 году, – отмечал автор, – офицерство почти целиком было враждебно всякой революции; в 1917 году во время февральской революции значительная часть офицерства уже была на стороне политической революции. Лед начал таять и ко времени октябрьской революции, когда мы поставили на очередь вопросы собственности, офицерство больше всего стало раскалываться. Офицер-помещик стал против революции, офицер-разночинец, вышедший из трудового народа, из трудящейся интеллигенции или из мещанской массы <...> не знал, куда ему примкнуть, налево или направо. Он стоял несколько месяцев в раздумье, пока, наконец, более или менее ясно, перед ним не обрисовался тот или другой путь» [1, с. 15].

Член Революционного военного совета Республики, некогда начальник Политуправления РСФСР И. Т. Смилга в книге «Военные очерки» (1923 г.), характеризуя бывшее офицерство, так же как и Г. Е. Зиновьев особо подчеркивал наличие серьезных различий и даже противоречий между отдельными группа-

ми командного состава армии. Правда, среди причин такого состояния корпорации он называл не социальное происхождение, а принадлежность к той или иной ее профессиональной категории. По мнению И. Т. Смилги, офицерство раскалывали: «глухая борьба между офицерами Генерального штаба и строевыми, борьба между офицерами разного рода оружия (привилегированные кавалеристы, образованные артиллеристы, забитые пехотинцы), антагонизм между кадровым офицерством [и офицерством] военного времени» [2, с. 9]. Все это убеждало автора в том, что одинаковое отношение к Советской власти у «этой разношерстной массы» невозможно.

Другой чертой русского офицерства И. Т. Смилга считал его аполитичность и, как следствие, отсутствие представлений о целях и характере деятельности политических партий. В итоге, отмечал автор: «предрассудков и фетишизированного представления о “всемогущей власти” [власти монарха. – В. К.] оказалось для революционного времени недостаточно», и политическое самоопределение офицерства «происходило под давлением тяжелой пресса гражданской войны» [2, с. 11].

И. Т. Смилга был едва ли не единственным среди советских бытописателей армии 1920-х гг., кто обратил внимание на воинский ритуал и нормы профессионального взаимодействия в сфере общения военных, как проявление «внутренней логики военной идеологии», подчеркнув их непреходящее значение. «Военная наука учит <...>, что подчиненный обязан добросовестно исполнять приказание, даже если он не согласен с ним <...>. Та же азбука требует строжайшего подчинения и лаконичности от подчиненного. А сколько насмешливых и неодобрительных взглядов я видел от коммунистов, смотревших как адъютант, принимая приказание, говорит «слушаю» и берет под козырек. А через несколько недель скептики премило щеголяли словечками «так точно», «слушаю», «никак нет» и т. д.» [2, с. 19].

В книге начальника Главного управления высших учебных заведений РККА Д. А. Петровского «Военная школа в годы революции» (1924 г.) в связи исследованием вопросов военного образования и воспитания была затронута проблема корпоративного сознания, «кастового духа» офицерства, о чем довольно открыто говорилось еще в публицистике дореволюционных лет. Автор не соглашался с утверждением, будто этот феномен был обязан своим существованием дворянскому происхождению части офицерства. «Мы из истории знаем, – писал Д. А. Петровский, – что и купеческие сынки и даже мещанские сынки, попав в офицерскую среду, становились «достойными» корпорантами и иногда проявляли больше кастовой спеси, чем даже их товарищи – выходцы из дворянской среды» [3, с. 41].

Корней этого явления автор не усматривал и в «специфическом методе воспитания», присущем дореволюционной военной школе. Д. А. Петровский утверждал: «Причина, породившая кастовый дух лежала глубже. Ее надо искать в условиях бытия офицерства, которое породило специфическое офицерское корпоративное сознание. Эти условия бытия могут быть выражены одним словом: «профессионализм» [3, с. 42]. В данном случае автор подразумевал преимущественную ориентацию офицера на нормы поведения сообщества, в

котором проходила его жизнь, ограниченный диапазон общения, абсолютный приоритет профессиональных интересов, культивировавшийся в военной среде.

Размышляя над происхождением таких явлений как «краскомчванство», «командный язык» в армии Советской республики, Д. А. Петровский проводил параллели со старой русской армией: «Чем ценнее он [командир. – В. К.] становится в своей сфере, тем менее пригоден он для всех сфер мирной жизни. Он замыкается в новом офицерском кругу, и никакая агитация, никакие прекрасные слова о связи с массами не помогут. Условия бытия сильнее благих пожеланий» [3, с. 42].

Находясь за пределами Советского государства, но, будучи еще гражданином СССР, Л. Д. Троцкий приступил к созданию масштабного исторического полотна о революции 1917 года. Книга бывшего члена Политбюро ЦК ВКП(б), некогда наркома по военным и морским делам СССР, председателя Реввоенсовета РСФСР и СССР «История русской революции» была издана в Берлине в 1931–1933 гг. Этот труд содержит немало оценок социального поведения офицерства на различных этапах революционного процесса. Общий же вывод автора относительно жизненных стратегий офицеров после падения монархии таков: «Командный состав армии и флота скоро выделил из себя два фланга: одни пытались удержаться на своих местах, подлаживаясь под революцию, записывались в эсеры, позже часть их пыталась пролезть даже в большевики. Другие, наоборот, петушились, пробовали противодействовать новым порядкам, но скоро срывались на каком-либо остром конфликте и смывались солдатским полководьем» [4, с. 253].

Рисуя социально-психологический портрет русского офицерства кануна и периода Первой мировой войны, Л. Д. Троцкий не жалел темных красок и хлестких замечаний. Высшее командование армии он упрекал в посредственности и непрофессионализме. Основная масса кадрового офицерства, по мнению Л. Д. Троцкого, отличалась «презрением к личности солдата, духом пассивного мандаринства, невежеством в области своего ремесла, полным отсутствием героического начала и изрядной вороватостью» [4, с. 255].

Изменение социального состава офицерства за годы мировой войны, согласно Л. Д. Троцкому не могло существенно повлиять на состояние и судьбу старой русской армии. «Война, – отмечал он, – влила в ряды армии десятки тысяч мелкобуржуазной молодежи в виде офицеров, военных чиновников, врачей инженеров. Эти круги, стоявшие почти сплошь за войну до победы, чувствовали необходимость каких-то широких мер, но подчинялись в конце концов реакционным верхам: при царизме – из страха, а после переворота – по убеждению, как демократия в тылу подчинялась буржуазии <...> Недоброжелательство и трения между демократическим и аристократическим офицерством, не будучи в состоянии обновить армию, вносили только лишний элемент разложения в нее» [4, с. 254].

Образ офицера в историческом повествовании Л. Д. Троцкого соответствовал широко распространенной концепции о неуклонном разложении старой армии в силу полукрепостнических отношений между офицерством и нижними чинами, в силу ее служения интересам капитала. Однако этот образ противоре-

чил более сложному восприятию офицерства Л. Д. Троцким и другими видными партийными деятелями в период Гражданской войны, когда привлечение на службу в РККА десятков тысяч бывших офицеров являлось одной из жизненно важных задач Советской власти. Как бы то ни было, непосредственный опыт взаимодействия этой группы историков с офицерством обеспечил постановку целого ряда важных вопросов, касавшихся мировоззрения, социального поведения и политического сознания командного состава русской армии периода Первой мировой войны и революции 1917 года уже на начальном этапе развития советской историографии Октября.

Список литературы

1. Зиновьев Г. Армия и народ. Советская власть и офицерство. – Пб., 1920.
2. Смилга И. Военные очерки. – М., 1923.
3. Петровский Д. А. Военная школа в годы революции. – М., 1924.
4. Троцкий Л. Д. История русской революции. – Т. 1. – М., 1997.

**ИСТОРИК В СМУТНОЕ ВРЕМЯ: 1917 ГОД В ДНЕВНИКАХ
М. М. БОГОСЛОВСКОГО И А. Н. САВИНА**

В. П. Корзун, Д. М. Колеватов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Статья посвящена отражению революционных событий 1917 года в дневниках двух известных историков Московского университета М. М. Богословского и А. Н. Савина. В центре внимания – мирозерцание профессионала – интеллектуала в эпоху грандиозных социальных изменений.

Ключевые слова: революция, историки, М. М. Богословский, А. Н. Савин, научная корпорация.

**HISTORIAN IN THE TROUBLED TIMES: 1917 IN THE DIARIES
OF M. M. BOGOSLOVSKY AND A. N. SAVIN**

V. P. Korzun, D. M. Kolevatov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The article deals with the reflection of the revolutionary events of 1917 in the diaries of two famous historians of the Moscow University, M. M. Bogoslovsky and A. N. Savin. In the focus of attention is the worldview of a professional – an intellectual in the epoch of grandiose social changes.

Keywords: revolution, historian, M. M. Bogoslovsky, A. N. Savin, a scientific corporation.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» – эта чеканная строфа Ф. И. Тютчева представляет оценку со стороны, постфактум, в общем плане исторического позиционирования современника и участника масштабных социальных трансформаций – своего рода историческую объективку. Здесь почти неизбежно несовпадение с субъективностью участников-свидетелей процесса, которые зачастую воспринимают себя не как участников – «актеров» и/или современников – регистраторов «великого иного», а как страдальцев-жертв непонятной, абсурдной игры исторических сил, надвигающегося социального хаоса. «Я часть, как Вы, великого перемещенья сроков» – напишут о них и за них потом, непосредственно же в переходной исторической ситуации, в «момент события» подобное мироощущение свойственно сравнительно немногим. Задача адаптации к новой социальной реальности вписывания в нее, переизобретения себя (позволим себе воспользоваться лексикой Ш. Фитцпатрик) являлась пожалуй наиболее сложной именно для представителей отечественного ученого мира. Ученые лишались привычного ощущения социальной защищенности, оказывались выброшенными не только из личной биографии (как бильярдные шары из луз – по Мандельштаму), но и из «традиционного им времени». Как отмечают современные исследователи, «традиционное время университета – это прежде всего долговременность. Разрыв с традиционным временем актуализи-

рует роль университетов, как гетеротопии, побуждая университетских людей размышлять об утрате этой временной преэминентности, о долговременности, о разрыве связи поколений, о выпадении из временного контекста, о безвременье» [1, с. 165]. Именно чувство выпадения из привычной долговременности, порвавшейся связи времен характеризует мироощущение «потерявшегося» интеллектуала-профессионала.

Проанализируем в указанном ракурсе дневники двух известных историков М. М. Богословского и А. Н. Савина. В литературе достаточно подробно освещены биографии этих историков и их исторические взгляды (назовем исследования А. В. Мельникова, С. О. Шмидта, А. В. Шаровой и др.). Рассмотрение же дневников историков (этих типичных эго документов) в сравнительной перспективе позволяет нам расширить проблемное поле историографического анализа и посмотреть на переформатирование научного поля и университетской корпорации в условиях социальной трансформации глазами ее акторов. И так, оба историка были профессорами Московского университета, оба преподавали на Московских высших женских курсах. М. М. Богословский (1867–1929) – виднейший представитель школы В. О. Ключевского, исследователь петровской эпохи, биографии Петра I и земского самоуправления на Русском Севере. А. Н. Савин (1873–1923) – специалист по английской аграрной истории Нового времени. И оба историка в своих дневниках запечатлели «свой» 1917 год. Какой он?

Богословский 1 января 1917 года, размышляя, каким будет грядущий год, пишет о своем психологическом состоянии: «Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа» [2, с. 277]. Он в предчувствии неизбежности революции, но не приемлет революционный энтузиазм – революции «в цивилизованных странах проходят по цивилизованному, как в 1688 г. или 1830. А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбои, грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина или Пугачева. У нас и революции возможны только в формах Разиновщины и Пугачевщины» [2, с. 288]. Известие о февральской революции приходит в Москву с запозданием – автор дневника фиксирует отсутствие информации о событиях в Петербурге – газет нет, только слухи – академик Д. И. Введенский сообщил новость, которую услышал в магазине Елова: Дума распущена. Богословский передает настрой профессуры: «Горячие дебаты по поводу этого события в профессорской – но, увы! Больше с той точки зрения, что как же теперь рассчитывать на новые штаты и на прибавки!» [2, с. 314].

Отречение Государя от престола у Богословского вызывает чувство тревоги и скепсиса по поводу будущего России – «Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно» [2, с. 319], «думается, что течение пойдет по гегелевской схеме, т.е. после тезиса (старая монархия) наступит антитезис (республика), и, только уже потом, когда антитезис себя исчерпает до дна, наступит синтез. Посмотрим» [2, с. 321]. Его комментарий речи ректора университета М. К. Любавского по поводу крушения монархии с негативной характеристикой монархов свидетельствует не только о его политических предпочтениях, но и о стремлении к профессиональному подходу к текущим событиям, он напоминает о такой черте профессионализма историка, как бес-

пристрастность и объективность, что вписывается в каноны классического образа науки. В тоже время, он отдает отчет о влиянии внешних факторов на этос науки в целом и конкретно, на проблематику исследования, дает точный прогноз развития исторической науки: «новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особым напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря» [2, с. 323].

Как и о февральской, о событиях октябрьской революции (этот термин не употребляет автор дневника) М. М. Богословский узнает по слухам; с 26 октября по 8 ноября газеты (за исключением большевистских и социал-демократических) не выходили. С 27 октября по 3 ноября историк фиксирует боевые действия в Москве. 3 ноября он делает следующую запись: «И так, Россия докатилась до крайнего левого берега; левее идти уже некуда. События идут своим неумолимым ходом. Удержать волну, предотвратить ее удар оказалось невозможным. Надо, чтобы русский крайний социализм обнаружил все свои творческие силы и исчерпал себя до конца. Пресечь этот эксперимент могут, впрочем, немцы, которые... воспользуются нашими междоусобиями в своих целях» [2, с. 453]. Метафора «Смуты» несколько раз возникает в дневниковых записях Богословского, однако причины последней значительно редуцируются в сравнении со смутой XVII века (и это после работы С. Ф. Платонова!). Автор сводит их по существу к позиции и практике российской интеллигенции, которую характеризует как нигилистическую и антипатриотичную, это, по Богословскому, дряблый бессильный сброд, «который разлетается от разыгравшейся бури». Он обвиняет ее в пропаганде идей социализма. Примечательна последняя дневниковая запись за 1917 год: «Что же плакать о том, эти идеи, брошенные с таким талантом (речь идет о Л. Н. Толстом) в народную массу, привились и дали ростки? Пожинайте, что посеяли сами. Если потеряли идею собственности, что же удивляться потере самой собственности» [2, с. 356].

Важна и другая составляющая революционного проживания/переживания, отраженная в дневнике историка – повседневная жизнь и историографический быт в самом широком смысле этого слова. Остановимся на последнем. Четко прослеживается поведенческая мотивация сохранения прежних правил научной жизни – защита диссертаций, празднование Татьянина дня, празднование юбилеев, заседания в научных обществах и т. д. и самое главное, продолжение научного творчества. Для многих членов университетской корпорации творчество было «наркотическим» средством, позволяющим пережить тяготы революционного бытия. В эти годы Богословский почти каждодневно работает над биографией Петра I, пишет рецензии, читает лекции. Позже он напишет А. С. Лаппо-Данилевскому: «Только в научной работе я нахожу душевное равновесие и большое счастье, что у нас такая работа есть...» [3, с. 141]. И, совер-

шенно естественно, у автора дневника вызывает неприятие нарушение под воздействием политических перемен гетеротопии университета – он отмечает нарастающие противоречия между старшими и младшими преподавателями, политическое давление «кадетского большинства», по существу выделяя различные слои профессорской корпорации, в частности, «людей 1911 года», возвращение их в университет и свое краткосрочное увольнение, с тревогой пишет о революционно настроенных студентах и их деятельности в университете, о митинговом демократизме. Он ироничен по поводу проектов сокращения срока подготовки магистрантов.

Обратимся теперь к дневнику А. Н. Савина, отличающегося от М. М. Богословского как политическими пристрастиями (он симпатизировал кадетам), так и сферой научных интересов. Тревожное мироощущение в преддверии революции присуще было и А. Н. Савину. Причем мироощущение это, как свидетельствует его дневник, сложилось задолго до Февраля 1917 года – начала Великой российской революции. 1917-ый судьбоносный год А. Н. Савин встречает записью в дневнике, датированной 6-ым января: «Делается все хуже. Наверху так плохо, что не выдержало даже придворное долготерпение. Распутина убили Дмитрий Павлович и Юсупов... Полный правительственный развал... Расстройство транспорта идет грозными шагами» [4, с. 430]. И далее, по нарастающей, переключаясь, дополняя друг друга, создавая общую картину обостренной мироощущенческой реакции, в воспоминаниях А. Н. Савина присутствуют три сюжета. Менее всего внимание уделяет автор воспоминаний собственно научным сюжетам – они присутствуют так или иначе только в записи от 19 февраля 1917 г, когда Савин вкратце рассказывает о докторском диспуте А. И. Яковлева. Обращают внимание два момента – гиперкритическое, в духе времени, отношение диссертанта и официальных оппонентов к военной политике Московского государства в XVII веке – архаизм, косность, глава из «Истории города Глухова» и т. д. Примечательно, что официальные оппоненты Ю. В. Готье и М. К. Любавский принадлежали, если пользоваться терминологией автора, не к «левому», а к правому, консервативно–монархическому лагерю. Интересно и упоминание о намеченном на 1919 год (ирония судьбы!) съезде русских историков. Второй сюжет, который по объему занимает 1-ое место в воспоминаниях, это состояние дел в ученой, университетской корпорации. Он рассматривает с неизбежными личностными поправками те же сюжеты, что и Богословский. То есть, возвращение преподавателей, уволенных при старом режиме, внутрикорпоративную борьбу – титанические сражения за символический капитал, попытки демократизации, перестройки управления университетом. Радикальные, митинговые варианты такой перестройки – «университет снова захвачен учащейся молодежью под митинги и никто не слушается профессоров» [4, с. 437], давление со стороны младших преподавателей и студентов на профессорскую корпорацию вызывают решительное неприятие А. Н. Савина. Как ему, относящему себя к левой (симпатизирующей кадетам) части профессуры, находить общий язык со студентами, если, по разделяемой им оценке его коллег, крайне правые среди них – меньшевики? Наиболее содержателен и интересен для нас третий сюжет – мироощущенческие реакции

А. Н. Савина на Великую Российскую революцию. Реакция автора на события Февраля 1917 года противоречива, но в конечном случае положительна. С одной стороны, его прямо-таки пугают события начала революции – «Дни фантастические и трагические... мы дожили в России до голода... бои в Петрограде» [4, с. 432], но итог революции трактуется им как победа над «старой гнилью», праздник, когда «улицы полны народа и радостного возбуждения» [4, с. 434]. Сама революция представляется Савину в упрощенно-легитимизированном, «цивилизованном» варианте – как победа Прогрессивного блока и поддержавших его войск над старым порядком. В тоже время интеллектуальная интуиция Савина подсказывает ему, что страна стоит на историческом распутье. «Все темно. Может быть возрождение, а может быть развал и национальная катастрофа, победа немца» [4, с. 434].

В дальнейшем в мироощущении Савина преобладает тревога без положительного итога, угасание надежд. Тревожным моментом является для него то, что происходит развал армии и фронта, Совет рабочих и солдатских депутатов притязает командовать Временным правительством. Слова «товарищи» и «большевики» становятся для него ругательными. В записях от 16 мая делается общий вывод – «Мы не накануне катастрофы; катастрофа уже пришла и ниоткуда не видно спасения. Русские – отвратительный народ» [4, с. 450]. В несколько иных выражениях этот вывод повторяется и закрепляется в последней дневниковой записи от 4 сентября 1917 года, где выражены те же мотивы катастрофизма и национального нигилизма – «Мы живем в новом мире, вернее в аду» [4, с. 453]. Предстоят потоки крови,... если даже Россия уцелеет и возродится, она окрепнет самое раннее через несколько десятилетий, а люди моего поколения умрут среди нищеты, позора, под ярмом иноземца» [4, с. 454].

Дневники М. М. Богословского и А. Н. Савина демонстрируют нам любопытное сочетание житейской и профессионально-научной цепкой наблюдательности и неизбежной интеллектуальной ограниченности в пределах одного текста – литературного и поведенческого. Умение профессионально зафиксировать переживаемый момент, ввести его в исторический контекст не гарантируют удачи в выявлении потенциалов исторического развития. В тоже время, как свидетельствует пример Богословского, обращение к этому контексту, использование исторических аналогий, ассоциаций, сравнений позволяет более объемно представить переживаемый момент и сделать интересные предположения относительно возможного будущего. Доминирует же в восприятии событий 1917 года у обоих авторов ощущения катастрофического распада привычных форм социального бытия, сложившейся университетской гетеротопичности.

Список литературы

1. Малышева С. Ю. «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства». Гетеротопичность университета // Диалог со временем. – Выпуск 57. – М., 2016. – С. 161–168.
2. Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. – М., 2011.
3. Богословский М. М. Историография, Мемуаристика, Эпистолярная. – М., 1987.
4. Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг.. – М.; СПб, 2015.

ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (1920 – СЕРЕДИНА 1941 ГГ.)*

Е. И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Статья посвящена характеристике коммеморативной составляющей Октябрьских торжеств, которые устраивались в городах Восточной Сибири (Иркутск и Красноярск) в период между 1920 г. и первой половиной 1941 г. Автором определены основные сценарные элементы массовых торжеств и их роль в формировании унифицированной версии памяти о революции, которая транслировалась посредством организованных коммемораций, выражавших официальную политику памяти.

Ключевые слова: Октябрьские торжества, политический праздник, коммеморация, политика памяти, Сибирь.

OCTOBER CELEBRATIONS IN EASTERN SIBERIA: COMMEMORATIVE ASPECT (1920 – MID 1941)

E. I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

The article is devoted to the commemorative component of the October celebrations, which were held in the cities of Eastern Siberia (Irkutsk and Krasnoyarsk) in the period between 1920 and the first half of 1941. The author defines the basic scenic elements of public events and their role in the unified version's formation of a revolution's remembrance that was broadcast through organized commemorate expressing the official politics of memory.

Keywords: the October celebrations, political celebration, commemoration, memory politics, Siberia.

Столетний юбилей Октябрьской революции, очевидно побуждает, как российских, так и зарубежных ученых, вернуться к изучению вопросов истории «Великого Октября», однако сегодня не менее актуально обратиться и к проблеме исторической памяти россиян о событиях 1917 г. Огромную роль в ее формировании сыграли ежегодные коммеморативные торжества, выражавшие унификаторскую советскую политику памяти. При этом память жителей разных регионов все-таки имела свою специфику. По-разному помнили революцию и представители разных поколений. Цель данной статьи – проследить динамику массовых торжеств, посвященных годовщинам Октябрьской революции, устраивавшихся в Красноярске и Иркутске в 1920 – первой половине 1941 гг., как коммемораций, то есть сознательных практик, направленных на увековечивание памяти (ее фиксацию, сохранение, актуализацию и трансляцию).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект а(р) №16-11-54002).

Опираясь на документальные источники и многочисленные газетные сообщения, мы можем констатировать, что массовые торжества, приуроченные к годовщинам Октябрьской революции, которые устраивались в изучаемый период, подчинялись единым для всей страны стандартам. Сценарный шаблон официальных празднований, использовавшийся большевиками, в самых общих чертах сложился еще в имперский период. При этом, сценарные элементы, имевшие религиозный характер, заменялись на мероприятия гражданского характера. Обязательным, как до революции, так и в межвоенные годы был военный парад, крестный ход большевики заменили на демонстрацию, торжественную литургию – на митинг, торжественное заседание городской администрации, мероприятия в клубах и учебных заведениях, театральные постановки и кинопоказы на исторические и политические темы продолжали устраиваться. Некоторые из этих мероприятий могли быть полностью коммеморативными, другие обычно содержали коммеморативную часть.

В начале 1920-х гг. праздники в честь годовщин Октябрьского переворота не привлекали массового внимания жителей городов Восточной Сибири. В 1920 г. с 5 по 8 ноября в Иркутске по клубам прошли концерты-митинги, ориентированные, прежде всего, на разъяснение текущей политической и экономической ситуации, сложившейся как результат «Великих революционных завоеваний» [1]. Практически сразу митинг стал неотъемлемым праздничным мероприятием. Уже в начале 1920-х гг. его стандартной темой стало подведение политических и хозяйственных итогов за срок, истекший с 1917 г.

Постепенно в городах Восточной Сибири в практику входили вечера воспоминаний, устраивавшиеся 6 ноября. В Иркутске и Красноярске эти мероприятия иногда называли «митингами», или даже «торжественными заседаниями». В Западной Сибири обычно не допускалось такой жанровой путаницы. В начале 1920-х гг. организация вечеров воспоминаний могла быть довольно спонтанной. Это касалось выбора докладчиков и содержания их рассказов. Изначально для участников вечеров важнее всего было традиционно помянуть павших в годы Гражданской войны товарищей. Однако, готовясь к празднованию пятилетия революции, организаторы мероприятий уже старались избегать спонтанностей и создания поминальной атмосферы. Существовала установка показать на вечере связь между событиями 1905 г., 1917 г. и «колчаковщиной». При этом иркутяне и красноярцы с наибольшим оживлением обсуждали все-таки не события 1917 г., а «колчаковщину», которую слишком хорошо помнили. Стандартно удачной темой для бесед становились «колчаковские зверства» («жестокие расправы над рабочими», «замученные герои подполья» и т. п.). Очевидно, что на вечерах велась целенаправленная работа над формированием в коллективной памяти сибиряков строго определенной версии революционного прошлого. Практика вечеров воспоминаний стала особенно популярна к середине 1920-х гг. Иркутская печать сообщала, что вечера затягиваются до полуночи, а молодежь «ходит из клуба в клуб» [2]. В этих «хождениях» чувствуется отголосок святочных традиций. В 1930-х гг. интерес к вечерам воспоминаний несколько угас, хотя эти мероприятия устраивались обязательно и повсеместно. Их содержательная часть стала формализованной и официозной.

Яркой приметой середины 1920-х – начала 1930-х гг. были молодежные факельные шествия [3], традиция которых коренится в античной культуре. Это мероприятие символически выражало солидарность молодежи со старшим поколением революционеров. Шествие, в котором участвовали комсомольцы и пионеры, стартовало 6 ноября в 17.00, уже в 18.30 его участники достигали конечной цели. Так красноярская молодежь двигалась с факелами к памятнику Ленина на площади Революции.

Военные парады в городах Восточной Сибири 7 ноября обычно не имели выраженной коммеморативной составляющей, в отличие от демонстраций. Первая демонстрация в Красноярске прошла лишь в 1922 г., а в Иркутске – лишь в 1923 г. Изначально эти мероприятия не являлись массовыми. Участие в них должны были принимать лишь члены профсоюзов [4]. Однако уже в 1924 г. организаторам праздника в Иркутске удалось собрать на демонстрацию около 30 тыс. участников из числа красноармейцев, рабочих, детдомовцев и пионеров [5]. В 1933 г. в Иркутске перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся [6].

Вплоть до 1924 г. демонстранты двигались к братским могилам жертв революции и Гражданской войны, как к конечной цели, что акцентировалось местной печатью. На могилах обычно устраивался краткий митинг, начинавшийся с поминовения погибших. Особенно впечатляющим стало поминовение погибших в 1922 г., когда на братской могиле в Красноярске открыли памятник, захороненным в ней лицам, почитавшимся, как герои [7, л. 131]. С середины 1920-х гг. коммеморативная составляющая демонстраций постепенно ослабевала. Символы памяти о военно-революционном прошлом занимали место фона торжеств. К примеру, начало демонстрации проходило под музыкальное сопровождение походных песен Гражданской войны. Сама демонстрация рассматривалась уже, прежде всего, как «демонстрация достижений» [8].

Вечером 6 ноября в здании самого большого городского театра ежегодно устраивалось торжественное заседание местной администрации и партийной элиты. В начале 1920-х гг. заседание начиналось под звуки Интернационала, после чего объявлялась минута памяти о погибших героях революции, во время которой исполнялся похоронный марш [9]. В дальнейшем печать редко акцентировала этот коммеморативный ритуал. С 1920 г. на таких заседаниях звучал обязательный доклад об итогах развития страны и региона к очередной годовщине революции. С середины 1930-х гг. основной темой докладов стали достижения пятилеток. В 1935 г. наибольшее внимание было уделено успехам местных стахановцев. Героев революции и Гражданской войны больше не вспоминали.

В дни Октябрьских торжеств театры, клубы и кино обязательно приглашали зрителей на бесплатные (либо по сниженным ценам) спектакли, концерты и фильмы. Однако не все зрелища были связаны тематически с революцией и Гражданской войной. 7 ноября 1921–1922 гг. в Красноярске можно было посмотреть, как первые агитационно-революционные пьесы, так и классические постановки, параллельно могли еще идти спектакли по сценариям авторов Серебряного века. Представления устраивали не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы. Сценарии могли быть местными, посвященными

местным же сюжетам. В 1930-х гг. праздничный театральный репертуар уже не отличался оригинальностью. На сцене шли преимущественно стандартные пьесы революционного содержания, как серьезные, так и комедийные.

В первой половине 1920-х гг. в кино демонстрировали старые и иностранные развлекательные картины. В 1925 г. можно было посмотреть приключенческий фильм о золоте Колчака «Золотой запас» и картину о судьбе революционера «На жизнь и смерть» [10]. Каждый год к 7 ноября в города Восточной Сибири привозились новые идеологические киноленты. Однако, некоторые из них попадали в Иркутск и Красноярск, спустя несколько лет после премьеры. С 1929 г. в дни Октябрьских торжеств стали показывать новые фильмы, связанные с контекстами индустриализации. В репертуаре кинотеатров 1930-х гг. были как новые фильмы о революции и Гражданской войне, так и картины, акцентирующие внимание на проблемах современности. Газетные объявления свидетельствуют, что в первой половине 1930-х демонстрировались фильмы: «Первый завод» (1933) о партизанской войне в Белоруссии в годы Первой мировой войны, новый звуковой фильм «Три песни о Ленине» (1934), посвященный преодолению «феодалных пережитков» в Азии, «Чапаев» (1934), «Вражьи тропы» (1935) о коллективизации в Казахстане, революционная картина «Юность Максима» (1935). Во второй половине 1930-х гг. зрители увидели такие идеологические картины коммеморативного содержания, как «Неустрасимые» (1937), «Петр Первый» (1937–1938), «Человек с ружьем» (1938), «Великий гражданин» (1939), «Великое зарево» (1938).

Праздничные мероприятия, приуроченные к годовщинам Октябрьской революции, устраивавшиеся в Иркутске и Красноярске, отвечали общим для страны стандартам и тенденциям политики памяти. Однако, в рассматриваемом контексте, Восточная Сибирь выглядит большей глубиной, нежели Западная Сибирь. Здесь было меньше мемориальных инициатив, исходивших от населения, с трудом достигалась массовость мероприятий, которые, особенно в начале 1920-х гг. не отличались хорошей организацией. Общей для всей Сибири была тенденция вытеснения из коммемораций сюжетов, связанных с памятью о событиях и героях местной истории.

Список литературы

1. К празднованию трехлетней годовщины в Иркутске // Власть труда. – 1920. – 9 нояб.
2. Седьмой Октябрь // Власть труда. – 1924. – 9 нояб.
3. Как мы будем проводить восьмую годовщину Октября? // Красноярский рабочий. – 1925. – 5 нояб.
4. План проведения шестой годовщины Октябрьской революции // Власть труда. – 1923. – 6 нояб.
5. Седьмой Октябрь // Власть труда. – 1924. – 9 нояб.
6. Перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся // Восточно-Сибирская правда. – 1933. – 10 нояб.
7. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382.
8. 14 Октябрь в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. – 1931. – 10 нояб.
9. Торжественное заседание Иркутского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября // Власть труда. – 1920. – 9 нояб.
10. [Объявление] // Власть труда. – 1925. – 6 нояб.

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОЛОГИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

М. А. Мамонтова, В. С. Груздинская

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

В центре внимания авторов стоит проблема отражения в школьных учебниках положений антропологического подхода при изложении истории революции 1917 года. На основе контент-анализа соответствующих параграфов не только был выявлен диссонанс между текстовым и визуальным материалами, но и дано объяснение сложившейся ситуации.

Ключевые слова: революция 1917 года, контент-анализ, антропологический подход, история повседневности.

THE TOPIC OF REVOLUTION ON THE PAGES OF SCHOOL TEXTBOOKS THROUGH A PRISM OF ANTHROPOLOGIZATION OF THE HUMANITIES

M. A. Mamontova, V. S. Gruzdinskaja

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The author focused attention on decisions of problem that how the anthropological approach has been used in the school textbooks. Based on content-analysis of the textbook paragraphs devoted history of Revolution in 1917, the author concluded to difference between textual and visual materials. Also this was explained.

Keywords: Revolution in 1917, anthropological approach, content-analysis, everyday life history.

Антропологизация гуманитарного знания, в первую очередь исторической науки, актуализирует ряд научно-исследовательских проблем, среди которых роль субъективного фактора в революционных процессах выходит на первый план. Извечный вопрос, кто же является двигателем исторического процесса, особенно в экстремальных ситуациях революции и гражданской войны: массы (классы, партии) или лидеры (герои, участники), – волновал как самих современников революционных событий [1], пытавшихся понять причины и логику сложного социального движения, так и профессиональных исследователей [2–4]. Одновременно актуализируется проблема формирования и трансляции образа исторического прошлого, таких сложных социально-экономических и политических явлений, как революция. Мощным транслятором в этом отношении выступает учебная литература, предназначенная передать уже устоявшиеся в исследовательской литературе точки зрения и сгруппировать фактический материал таким образом, чтобы сформировать у подрастающего поколения соответствующие представления о прошлом [5]. Насколько глубоко учебная лите-

ратура отражает процессы антропологизации исторического знания, насколько ярко представлена роль личности (субъективного фактора) в развитии революционных событий?

Для ответа на поставленные вопросы в качестве объекта исследования возьмем два учебника для 11 класса: «История России» [6] под редакцией кандидата исторических наук А. А. Левандовского (в авторский коллектив которого включены такие видные историки как кандидат исторических наук Ю. А. Щетинов, доктор исторических наук С. В. Мироненко) и «История России. 1900–1945 гг.» [7] под редакцией доктора исторических наук А. А. Данилова (среди авторов которого также известные исследователи как доктор исторических наук А. С. Барсенков, кандидат исторических наук М. М. Горинов, доктор исторических наук Л. Г. Косулина, кандидат исторических наук М. Ю. Моруков, С. А. Павлюченков, доктор политических наук И. С. Семененко, кандидат исторических наук А. Ю. Шадрин). Выбор этих учебников не случаен. Авторский коллектив первого издания во главе с Андреем Анатольевичем Левандовским известен своими исследованиями по истории революции и гражданской войны, истории России XIX–XX вв. Руководитель второго издания – Александр Анатольевич Данилов – в течение трех лет входил в состав Бюро Научного Совета РАН по истории революций в России (1994–1997), являлся членом редколлегии журналов «Преподавание истории в школе» и «Преподавание истории и обществознания в школе».

В первом учебнике тема революции представлена во втором разделе «Великая российская революция. Советская эпоха» в трех параграфах «По пути демократии», «От демократии к диктатуре», «Большевики берут власть» (из 384 страниц этой теме посвящена 21 страница), автором этих разделов является Юрий Александрович Щетинов (доцент кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета МГУ). Во втором учебнике данной теме посвящено 45 страниц (из 447) трех параграфов «Свержение монархии. Двоевластие (февраль – июль 1917 г.)», «Революция перед выбором: демократия или диктатура (июль – октябрь 1917 г.)», «Октябрь 1917 г.», авторство которых принадлежит Андрею Юрьевичу Шадрину (доценту кафедры Отечественной истории XX – XX вв. исторического факультета МГУ), Людмиле Геннадьевне Косулиной (профессору Московского педагогического государственного университета) и Сергею Алексеевичу Павлюченкову.

С помощью контент-анализа текста обозначенных параграфов были выявлены следующие особенности. В обоих учебниках преобладает терминология, указывающая на роль масс, классов, социальных групп в революционных процессах (по частоте упоминания в учебнике А. А. Левандовского персонифицированная терминология, а именно имена крупных политических деятелей, участников событий, встречается в 4 раза реже, чем терминология, обозначающая массы, классы, социальные группы; в учебнике А. А. Данилова такое соотношение составляет 2,5:1, соответственно).

Детализируя представленные расчеты, следует обратить внимание, что на страницах учебника А. А. Левандовского чаще всего встречаются слова «большевики» (53), «Советы» (31), «Временное правительство» (30), «эсеры» (25),

среди исторических личностей чаще всего упоминаются В. И. Ленин (19), А. Ф. Керенский (14), Л. Г. Корнилов (14). Похожий расклад можно увидеть на страницах учебника А.А. Данилова, здесь частота упоминаний «большевиков» (98), «Советов» (45) и «Временного правительства» (44) даже выше, помимо этого упоминаются «рабочие» (34), «народ» (29), «крестьяне» (26), «Учредительное собрание» (27), соответственно, и выше частота упоминания исторических личностей: В. И. Ленина (37), А. Ф. Керенского (35), Л. Г. Корнилова (22). Авторы тяготеют к представлению революционных событий как объективных процессов, в которых основным двигателем выступают массы, социальные группы (рабочие, крестьяне, солдаты, буржуазия, казаки), политические партии (большевики, меньшевики, эсеры, кадеты), социальные и политические структуры (Советы, Временное правительство, Петросовет, Государственная дума, Учредительное собрание).

Информация, передаваемая вербальным способом, подкрепляется визуальными средствами, – фотографиями и карикатурами. Например, в учебнике А. А. Данилова среди 14 фотографий, посвященных данному периоду, 8 передают настроения масс: «Демонстрация в Петрограде», «Сожжение символов царской власти» (на площади в присутствии опять же толпы), «Депутаты Петроградского Совета» (с многолюдного заседания), «Июльская демонстрация в Петрограде», «Отряд красногвардейцев в Петрограде», «Матросский патруль на улицах Петрограда проверяет пропуск», «Демонстрация в Чите с требованием перехода власти к Советам», «Демонстрация в Петрограде в поддержку открывшегося Учредительного собрания». На фотографиях изображены солдаты, матросы, офицеры, служащие, горожане, женщины, дети, но при этом отсутствуют часто упоминаемые в тексте крестьяне, казаки, представители буржуазии и помещиков. Среди персонифицированных образов на фотографиях изображены Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, причем дважды (и в том и в другом случае лидер большевиков запечатлен в окружении соратников, рабочих, участников парада на Красной площади), А. Ф. Керенский (тоже в окружении толпы военных), Л. Г. Корнилов (опять же на фоне солдат). Интересно, что представители прежней политической власти, в частности, Николай II, присутствует в визуальном образе лишь единожды и то в виде карикатуры «Император Николай II пляшет под дудку Гришки Распутина».

Визуальный образ на страницах учебника А. А. Левандовского несколько диссонирует с основным текстом. Среди трех фотографий представлены снимки В. И. Ленина, А. Ф. Керенского, изображение облигации Временного правительства; две карикатуры из журнала «Новый сатирик» презентуют образ диктатора в представлении разных политических сил, а также изображение труда и свободы. Совсем немногочисленные картинки не в состоянии передать дух эпохи, представленный в тексте («стихийные манифестации вооруженных солдат и рабочих», «антиправительственные выступления петроградских рабочих и солдат» и др.), а акцентируют внимание на двух фигурах революционных событий, которые на подсознательном уровне воспринимаются как ключевые персоны излагаемых исторических событий.

Помимо контент-анализа об антропологизации гуманитарного знания может свидетельствовать обращение авторов учебников к истории повседневности, которая «ставит задачу выяснить мотивацию действий индивида и приблизиться к их пониманию через “диалог” с источником» [8, с. 198]. Интерес к опыту и переживаниям «маленького человека» в текстах самих параграфов не был замечен. Однако выполняя задания, следующие после изложения материала, учащиеся все-таки могут посмотреть на события «изнутри», с позиции «маленького человека». Так, в учебнике А. А. Левандовского старшекласникам предлагается на основе дополнительного материала «ознакомиться с оценками современников и историков» личности А. Ф. Керенского и событий Октября 1917 года. Проникновение в историю повседневности произойдет только в том случае, если ученики обратятся к источникам личного происхождения. Немного лучше дело с проникновением в повседневную жизнь революционной России обстоит в учебнике А. А. Данилова. Авторы предлагают учащимся задания на анализ отрывков источников личного происхождения, принадлежащих В. В. Набокову, Дж. Риду.

Итак, проведенный контент-анализ страниц школьных учебников показал, что тема революции представлена сквозь призму массовых движений, социальных протестов с участием самых разнообразных слоев населения. И, если рассматривать антропологизацию гуманитарного знания как обращение к ключевой роли человека (известного или совершенно незнакомого истории) в исторических событиях, то можно отметить, что авторскому коллективу под руководством А. А. Данилова лучше удалось представить этот срез сквозь призму визуального образа, текстовый же материал больше транслирует обезличенные процессы с участием масс, социальных групп, политических партий, персонафицированный же элемент (в виде фамилий и имен известных участников событий) лишь дополняет сформированную картину прошлого.

Список литературы

1. Милюков П. Н. История второй русской революции. – М., 2001.
2. Шепелева В. Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии) : учеб. пособие [для вузов]. – 2-е изд., стер. – Омск, 2013.
3. Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы: (вопр. теории, методологии, историографии : монография). – Омск, 2009.
4. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011.
5. Сроканов А. А., Жданова С. Ю., Пузырёва Л. О. Анализ учебников истории России и США с точки зрения репрезентации в них второй мировой войны // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 203–210.
6. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С. В. История России. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень. – М., 2014.
7. Барсенков А. С., Горинов М. М., Данилов А. А., Косулина Л. Г., Моруков М. Ю., Павлюченков С. А., Семенов И. С., Шадрин А. Ю. История России, 1900–1945 гг. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений – М., 2009.
8. Девятайкина Н. И. История повседневности // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014. – С. 198–199.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ РОССИИ В 1917 ГОДУ В ОЦЕНКАХ
АВТОРОВ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ 1930–2010-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ Л. Д. ТРОЦКОГО, Л. Б. КАМЕНЕВА, Г. Е. ЗИНОВЬЕВА)**

И. С. Огоновская

*Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург*

Рассматриваются события 1917 г. в России и участие в них Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева. Представлены оценки, данные указанным историческим личностям авторами школьных учебников отечественной истории, изданных в 1930–2010-е гг. Делается вывод о субъективном подходе к характеристике указанных лиц авторов учебников советского периода и более объективной оценке взглядов и деятельности Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева в учебных изданиях 1990–2010-х гг.

Ключевые слова: большевики, революция 1917 г., учебники истории, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев.

**THE POLITICAL LEADERS OF RUSSIA IN 1917 IN THE ESTIMATES
OF AUTHORS OF TEXTBOOKS OF HISTORY 1930–2010-IES
(EXAMPLE OF L. D. TROTSKY, L. B. KAMENEV, G. E. ZINOVIEV)**

I. S. Ogonovskaya

Specialized educational scientific center of the Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg

Examines the events of 1917 in Russia and the participation of L. D. Trotsky, L. B. Kamenev, G. E. Zinoviev. Presented assessment data to the specified historical figures by the authors of school textbooks of national history, published in 1930–2010-ies. The conclusion is a subjective approach to the characterization of these persons the authors of the textbooks of the Soviet period and a more objective assessment of the attitudes and activities of L. D. Trotsky, L. B. Kamenev, G. E. Zinoviev in educational publications 1990–2010-ies.

Keywords: the Bolsheviks, revolution of 1917, history textbooks, L. D. Trotsky, L. B. Kamenev, G. E. Zinoviev.

Февраль 1917 г. вывел на историческую арену огромное количество лиц, оказавших влияние на политическое развитие страны и итоги революционных событий всего 1917 г. В их числе были члены Временного правительства, генералы Революционной армии свободной России (так была переименована в феврале 1917 г. Русская императорская армия), члены различных политических партий, предприниматели и лидеры общественных организаций и др. Источниковой базой нашего исследования являются 13 учебных изданий по истории СССР – России 1930–2010-х гг. В общей сложности во всех изданиях представлено 177 персоналий, и в «десятку сильнейших» вошли те, чьи имена чаще всего встречались и встречаются в учебниках. Это В. И. Ленин (674), А. Ф. Керенский (234), Л. Г. Корнилов (197), И. В. Сталин (66), П. Н. Милюков

(72), Л. Д. Троцкий (58), Л. Б. Каменев (58), А. И. Гучков (39), Николай II (45), Г. Е. Зиновьев (40), Г. Е. Львов (24). В силу ограниченности объема данной публикации мы выбрали трех представителей партии большевиков и поставили своей целью проследить, как менялись характеристики и оценки их деятельности в учебных изданиях для средней школы.

К примеру, в учебниках А. М. Панкратовой и ее соавторов (1941), А. В. Шестакова (1950) имя Л. Д. Троцкого упоминается только с эпитетом «враг революции», «скрытый враг революции», «предатель» [1, с. 153, 168; 2, с. 198–199], а в учебнике А. М. Панкратовой и ее коллег (1962) сам Троцкий представлен как человек, выдавший сроки восстания Временному правительству, но не названный в качестве председателя Петроградского Совета в сентябре 1917 г. [3, с. 103]. В учебнике И. Б. Берхина и И. А. Федосова (1976) содержится обвинение Троцкого в том, что он, став председателем Петроградского Совета, всячески пытался тормозить ход вооруженного восстания», стремился «оттянуть свержение буржуазного правительства», «требовал не предпринимать решающих действий по аресту Временного правительства до решения вопроса о власти Вторым Всероссийским съездом Советов», и такая позиция Троцкого «грозила успеху революции... В. И. Ленин... гневно осудил позицию Троцкого» [4, с. 165].

Только в конце перестройки о Троцком стали писать более активно и объективно. Ю. А. Кораблев, И. А. Федосов, Ю. С. Борисов (1989) пишут, что Л. Д. Троцкий поддерживал ленинскую установку на необходимость взятия власти большевиками как «злобу дня», не возражал против вооруженного восстания, его подготовки и участвовал в ней, хотя и «предлагал не спешить с восстанием, дождаться II съезда Советов, который даст отставку Временному правительству и возьмет власть в свои руки», а также сообщают, что вместе с Каменевым, Луначарским, Коллонтай, Ногиным и другими он занял место в президиуме на II съезде Советов, и там же, как и другие «известные в партии и народе революционеры, прошедшие тюрьмы, ссылки, эмиграцию», вошел в состав первого советского правительства [5, с. 125, 135, 139].

В учебниках новой России интерес к личности Троцкого значительно возрос. Л. Н. Жарова и И. А. Мишина (1992) сообщают, что на VI съезде РСДРП в ряды большевиков были приняты межрайонцы, в том числе Л. Д. Троцкий, сидевший в то время в тюрьме, но избранный в ЦК в результате голосования. За него проголосовали 131 человек из 134 присутствовавших на съезде [6, с. 151]. В. П. Островский и А. И. Уткин (1998) предлагают школьникам познакомиться с фрагментом из книги Троцкого «История русской революции», в котором сам автор «скромно» пишет о том, что В. И. Ленина, «самую большую фигуру русской политической истории», «окружал штаб сотрудников, которые, по признанию злейших врагов, знали, чего хотели, и умели бороться за свои цели» [7, с. 146]. А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов (2001) подчеркивают роль Петровета и лично Л. Д. Троцкого в создании ВРК, направившего своих полномочных комиссаров во все воинские части Петроградского гарнизона и тем самым фактически лишившего власти Временное правительство, называют Троцкого в

числе «видных большевиков», вошедших в состав Совета народных комиссаров [8, с. 114, 115].

Развернутую и блестящую характеристику Л. Д. Троцкому дает Н. В. Загладин с соавторами (2006), выделяя его в качестве одного из самых ярких ораторов русской революции, выдающегося организатора, публициста и полемиста, чрезвычайно популярного в годы Гражданской войны, автора теории перманентной революции. Они же пишут, что председатель Петроградского Совета Л. Д. Троцкий «непосредственно руководил восстанием и захватом власти в столице 24–26 октября 1917 г.» [9, с. 105]. Эту же мысль подчеркивают О. В. Волобуев и его коллеги (2016), которые констатируют, что Троцкий играл «наиболее видную организующую роль в подготовке восстания» [10, с. 44]. Коллектив авторов под руководством А. В. Торкунова (2016) сообщают обучающимся и тот факт, что Троцкий «в 1905 г. уже был фактическим главой Петербургского Совета рабочих депутатов», тем самым, подчеркивая его значимость в революционных событиях не только 1917 г., но и 1905–1907 гг. [11, с. 39]. В. А. Шестаков (2013) сообщает об инициативе Троцкого включить в состав СНК представителей партии левых эсеров [12, с. 94], показывая его как человека, склонного к компромиссам.

Вместе с именем Л. Д. Троцкого в советских учебниках 1940–1950-х гг. чаще всего упоминаются имена Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, негативный образ которых формируется на протяжении многих лет теми же эпитетами, что и в отношении Л. Д. Троцкого: «Против ленинских тезисов вместе с меньшевиками выступили Каменев, Рыков и другие *оппортунисты*¹, сопротивлявшиеся переходу к социалистической революции», «Скрытые враги революции – Рыков, Каменев и Троцкий – требовали явки Ленина в суд», «Против ленинских директив о подготовке восстания выступил только *изменник* Каменев», «Против Ленина выступили только *штрейхбрехеры* революции – Зиновьев и Каменев. Центральный Комитет осудил этих *защитников капитализма*», «Потерпев поражение в ЦК, Зиновьев и Каменев пошли на *неслыханное предательство*. 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» они напечатали заявление о своем несогласии с принятым ЦК решением о восстании. Это была *прямая измена*... Вслед за Каменевым и Зиновьевым Троцкий выдал врагу срок восстания... Это *предательство* было использовано Керенским, предпринявшим ряд военных мер для предупреждения восстания», «Временное правительство, предупрежденное *предателями* Каменевым, Зиновьевым и Троцким, предполагало, что восстание пролетариата начнется в день открытия II съезда Советов» [1, с. 140, 141, 153, 166, 167, 168]. Это цитаты из учебников для десятых классов, однако об этом же пишут А. В. Шестаков в книге для учащихся 4 класса: «Но в самые решающие дни подготовки восстания Каменев, Зиновьев и Троцкий выдали буржуазии планы и сроки восстания. Временное правительство, узнав от *предателей* о восстании, срочно мобилизовало для борьбы с восстанием верные ему войска» [2, с. 198–199].

¹ Здесь и далее – курсив автора.

После смерти И. В. Сталина и XX съезда КПСС из школьных учебников постепенно «ушли» названные выше эпитеты, и тон в отношении указанных лиц стал более спокойным. В учебнике И. Б. Берхина и И. А. Федосова (1976) скромно говорится, что против курса на социалистическую революцию «выступили Каменев, Рыков и некоторые другие члены партии», что накануне вооруженного восстания против ленинского резолюции голосовали Зиновьев и Каменев, «которые, неправильно оценивая соотношение классовых сил, не верили в успех восстания». Одновременно с этим авторы учебника по-прежнему оценивают публикацию заявления Каменева и Зиновьева в «полуменьшевистской газете» о несогласии с решением ЦК о восстании как «неслыханный акт предательства» [6, с. 143, 163, 164]. В учебнике под редакцией Ю. С. Кукушкина (1986) отсутствует обвинение в Каменева и Зиновьева в предательстве и констатируется факт: «Только два члена ЦК – Каменев и Зиновьев – высказались против восстания, пугая превосходством сил противника» [13, с. 138, 154].

Авторы учебников 1990–2000-х гг. употребляют в отношении Зиновьева и Каменева характеристику «умеренные большевики» и подчеркивают их стремление к парламентскому, мирному, пути развития России. Так А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов (2001), разъясняя позицию этих членов ЦК партии большевиков, приводят достаточное количество их аргументов против вооруженного восстания: отсутствие «роста революции в Европе», недостаточная популярность большевиков в народе, шансы получить около трети мест в Учредительном собрании и возможность играть там «роль сильной оппозиции» и др. [8, с. 113].

Если советские авторы подчеркивали, что против ленинских предложений о восстании возражали только Каменев и Зиновьев, то Н. В. Загладин и его коллеги (2006) акцентируют внимание на том, что «поддержать Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева, исходивших из идеи о неготовности России к социалистической революции», было склонно большинство ЦК. Они же в определенной мере оправдывают факт публикации статьи Каменева в газете «Новая жизнь: «Зиновьев и Каменев считали восстание «ленинской авантюрой», грозившей партии гибелью, и выступили в прессе против намерений В. И. Ленина» [13, с. 105]. Еще более широко позицию оппонентов В. И. Ленина представляет В. А. Шестаков (2013), который отмечает, что аргументами Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева были серьезные сомнения «в степени популярности партии в народе... надежды на Демократическое совещание, создание блока из меньшевиков, эсеров и большевиков для проведения коренных реформ» [12, с. 90, 91].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, заклеянные в советских учебниках как «предатели» и «враги» революции, в учебниках постсоветского периода в определенной мере реабилитированы и показаны как «видные революционеры», «известные большевики», люди со своей позицией, аргументированной точкой зрения на происходящие события, как активные участники революционных событий 1917 г.

Список литературы

1. Панкратова А. М., Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Фохт А. В. История СССР: учеб. для X класса средней школы. – М., 1941.

2. История СССР. Краткий курс: учебник для 4 класса. – М., 1950.
3. Панкратова А. М., Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Фохт А. В. История СССР: учеб. для 10 класса средней школы. – М., 1962.
4. Берхин И. Б., Федосов И. А. История СССР: учеб. для 9 класса. – М., 1976.
5. Кораблев Ю. И., Федосов И. А., Борисов Ю. С. История СССР: учеб. для десятого класса средней школы. – М., 1989.
6. Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества. 1900–1940 гг.: учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. заведений. – М., 1992.
7. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. – М., 1998.
8. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Россия в XX веке: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. 5-е изд. – М., 2001.
9. Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А. История Отечества. XX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразоват. учреждений. – 4-е изд. – М., 2006.
10. Волобуев О. В., Корпачев С. П., Романов П. Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. – М., 2016.
11. Горинов М. М., Данилов А. А., Моруков М. Ю. и др. История России. 10 класс. учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. – Ч. 1. – М., 2016.
12. Шестаков В. А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: профил. уровень. 6-е изд. – М., 2013.
13. Кораблев Ю. И., Кукушкин Ю. С., Федосов И. А., Шерстобитов В. П. История СССР: учеб. для 9 кл. сред. шк. – М., 1986.

**«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СОСТОИТ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»:
М. В. МУРАТОВ «ПЕРЕДУМАННОЕ»**

В. Г. Рыженко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Предлагается использовать в качестве эго-документа переломной эпохи рукопись М. В. Муратова «Передуманное», хранящуюся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Основное внимание в контексте интеллектуальной истории будет уделено размышлениям автора над ключевыми мировоззренческими проблемами, связанными с поведением «живых людей» в экстремальных условиях, с мотивами их поступков.

Ключевые слова: интеллектуальная история, эго-документ, рукописи переломной эпохи, М. В. Муратов.

**«HUMANITY IS COMPOSED OF INDIVIDUALS»:
M.V. MURATOV «RETHINKING»**

V. G. Ryzhenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The article is devoted the manuscript of M.V. Muratov "Rethinking" in the capacity of ego-document of the turning point of history. The manuscript remains deposited in the archive of Russian State Library. The author pays special attention to Muratov's reflections at worldview's problems of "life-people's" action in extreme conditions.

Keywords: intellectual history, ego-document, manuscript of the turning point of history, M. V. Muratov.

Внимание к источникам личного происхождения достаточно традиционно со стороны историков. В современной ситуации в контексте антропологического поворота и в проблемном поле интеллектуальной истории отношение к данному виду источников существенно изменилось. Это проявилось в последнее время в связи с постановкой в качестве отдельного акцента в источниковедческих исследованиях на эго-истории и эго-источниках. Подчеркивается, что это вызвано перемещением акцентов с истории событий на историю состояний [1, с. 6]. В этом случае значимость любого эго-документа, независимо от личности и статуса автора резко возрастает, поскольку на первый план выходят ощущения и переживания очевидца событий переломной эпохи. Отмечается, что использование термина «эго-документы» помогло бы снять проблему неполноценности источников личного происхождения, не просто их реабилитируя, но и выводя на новый уровень исследования письма, дневники, воспоминания и целый ряд документов пограничных жанров [1, с. 10].

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранится личный фонд книговеда, историка, писателя Михаила Васильевича Муратова (1892–1957), в котором особый интерес в качестве эго-документа представляет машинописная рукопись под названием «Передуманное» [2]. Прежде, чем перейти к ее специфике, воспользуемся краткой биографической справкой о М. В. Муратове [3]. Он родился 13 (25) декабря 1892 г. в с. Горячинское Забайкальской области в семье политссыльных. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В начале 1920-х гг. работал преподавателем кафедры внешкольного образования педагогического факультета Иркутского государственного университета. В 1921–1923 гг. руководил семинарием, привлекая студентов к разбору и изучению местных архивов. С 1924 г. преподавал в вузах Москвы, разрабатывал проблемы теории и методики краеведческой работы. На исходе 1920-х гг. научные и педагогические интересы М. В. Муратова сместились в сторону истории книжного дела. М. В. Муратов – автор ряда научно-художественных книг для детей и юношества о русских ученых, писателях, путешественниках, написанных им в 1940-е – 1950-е гг.

Из авторского раннего предисловия, которое относится к периоду гражданской войны, выясняется характер первого варианта рукописи. Автор (ему в это время еще не было и 30-ти лет) пишет: «В те годы, когда я жил особенно уединенно и много думал, у меня сложилась привычка записывать передуманное» [4, л. 1б-1г.] и продолжает: «Чтобы она [мысль. – В. Р.] не забылась и не пропала для меня бесследно, я делал записи в маленькой тетрадке с черной клеенчатой обложкой». Текст второго варианта предисловия, датированного 20 августа 1941 г., более выразителен с точки зрения источниковедческой характеристики данного эго-документа, поскольку подчеркивается специфика создания записок как заметок, которые делались «только для себя», но были приведены в порядок «зимой 1919 г., когда кругом умирали люди от сыпного тифа и недоедания». Муратов поясняет: «Мне показалось тогда, что тот душевный опыт одного человека, который нашел в них отражение, может быть нужен и для других людей». И далее узнаем, что приняв такое решение, он выбрал несколько заметок, и они были изданы в 1920 г. маленькой книжечкой, названной «Из передуманного» [5]. Однако позже он сожалел о том, что книжка была напечатана и она «была тщательно спрятана мною на моих книжных полках». В последнем варианте предисловия обнаруживается новый мотив подготовки рукописи к печати. Муратов пишет: «Сейчас, когда пришло время еще более страшное, чем 1919 г., я пересмотрел многие свои рукописи, в том числе заметки, которые когда-то делал для себя. И опять мне показалось нужным их сохранить, может быть, для тех неведомых людей, которые когда-нибудь будут думать о том, о чем приходилось думать и мне» [4, л. 1в].

В конце этого второго предисловия М. В. Муратов высказывает актуальное для рефлексии в рамках интеллектуальной истории и современного источниковедения суждение о судьбах наследия поколений людей, живших в экстремальных условиях. «По всей вероятности, эта рукопись пропадет, как пропадут и многие другие рукописи в наступающие трудные дни. Но если она сохранится

и когда-нибудь другой человек, также привыкший вынашивать свои мысли, найдет в ней близкое и нужное для себя, то она, вероятно, окажется для него важнее, чем те мои работы, которые были напечатаны» [4, л. 1г]. Машинописный текст заверен подписью-автографом.

Общая хронология заметок охватывает время с 1914-го по 1930-й г. О прекращении записей он пишет: «От уединенной внутренней работы меня в силу разных причин стали отвлекать некоторые внешние дела. А потом я и совсем перестал делать эти записи, так как утратилась привычка фиксировать то, о чем приходилось думать» [4, л. 1б.] На это же время приходится и его переход от культурно-исторического краеведения (работы 1919, 1924, 1925 и 1930 гг.) к истории книжного дела. «Утрату привычки» можно объяснить резким изменением общей ситуации.

Над чем же размышлял М. В. Муратов? Из заметок, датированных, например, 1916 г. выделяются его попытки объяснить мотивы участия в войне тех, кого он относит к «идейным работникам» (таковых он делит на три категории, но подводя итог, подчеркивает, что речь идет о людях, выбитых войной из привычной колеи) [2, л. 133–134]. Другое раздумье этого же года связано с необходимостью проведения исследований общественных настроений и переживаний военного времени. Он пишет, что одним из лучших способов такого исследования могло бы быть непосредственное наблюдение и общение: «провести несколько месяцев в вагоне железной дороги, заводить разговоры с разными, едущими в разных классах людьми и записывать слухи, философические рассуждения обывателей, рассказы, возвращающихся с театра военных действий, разговоры дельцов и т. д.» [2, л. 137]. Он задает вопрос, а понимают ли значение такой работы молодые историки или они будут ждать пока настоящее станет прошлым и формально перейдет в их ведение? Актуальность изучения психологии общества по программе М. В. Муратова очевидна для любого отрезка переломных этапов истории.

Примечательна его запись от 9 марта 1917 г., в которой он размышляет о возможных изменениях жизни. «Мне думается, что если новый порядок упрочится, то это будет важно и хорошо, главным образом, по одной причине: у людей, которые стараются жить идейно, пожалуй, окажется больше возможности приложить свои силы к той или иной созидательной работе. Но я сомневаюсь в том, чтобы жизнь изменилась очень существенно. Люди ловкие и изворотливые жили хорошо при старом режиме и будут благополучно жить и при новом. Люди, не умеющие приспособляться, приноравливаться к какой-нибудь колее и захватывать удобное и видное место, надламывались при старом порядке и будут надламываться теперь» [2, л. 159].

Внимание к психологии людей, к их отношениям друг с другом присуще записям периода революции и гражданской войны. Так, 1 августа 1919 г. он обобщает свои наблюдения: «В такие моменты, когда война, смута и другие бедствия срывают с людей все покровы, приходится признать, что эгоистические интересы вообще и классовые в частности, в значительной мере направляют все поведение людей. Пусть верно, что история – это борьба классов и что интересы желудка больше всего управляют поступками людей. Но то, что это

так, еще не означает, что это хорошо. Пусть хотя бы все человечество руководствуется этими стимулами – они не становятся от этого более ценными. <...> Ценно только то, что дает постоянную духовную радость, а соответствует ли оно житейским законам – это безразлично» [2, л. 181]. И в последующих записях 1919 г. и 1920 г. приводится мысль, в которой выражена принципиальная мировоззренческая позиция М. В. Муратова: «успех всей нашей жизни отчасти зависит от того, как мы относимся к людям» и «Именно потому, что мы забываем, что жизнь в целом складывается из жизней отдельных людей, те понятия и идеи, которые у нас существуют в области общественной деятельности, по большей части являются просто фикциями и несут с собой только зло и вред» [2, л. 183; л. 196].

Список литературы

1. История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург, 2014.
2. ОР РГБ. – Ф. 486. – Карт. 1. – Ед. хр. 13.
3. Сибирское наследие. Газета краеведческого сообщества Прибайкалья. 2004. № 6/7 [Электронный ресурс] // Иркутская областная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского: [сайт]. URL: <http://i.irklib.ru/nasled/6/03.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
4. ОР РГБ. – Ф. 486. – Карт. 1. – Ед. хр. 9.
5. Муратов М. В. Из передуманного. Изд. Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого. – М., 1920.

НИГИЛИСТИЧЕСКИЙ ЗАРЯД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. И. Саврушева

Омская государственная областная научная библиотека имени А.С. Пушкина, Омск

В статье автор пытается определить русскую революцию 1917 г. как Великую, а также указывает на истоки и итоги этой революции.

Ключевые слова: нигилизм, революция, история, Советский союз, бюрократия, революционная идея.

NIHILISTIC CHARGE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

M. I. Savrusheva

Omsk A.S. Pushkin State Regional Research Library, Omsk

In this article the author tries to identify the Russian Revolution of 1917 as the Great, as well as indicate the sources and results of that revolution

Keywords: nihilism, the revolution, the history, the Soviet Union, the bureaucracy, the revolutionary idea.

Великой революцию 1917 г. можно назвать потому, что главным итогом этого события явилась перезагрузка, окончательный слом существовавшей до нее картины мира и языка его описания и осмысления. Октябрьская революция была и остается великой в силу масштабности изменений, которые она с собой принесла.

Что же касается титула «Великая», то его можно рассматривать с двух позиций: как характеристику масштаба влияния на историю или же в плане качественной (скажем, этической) оценки этого влияния. С первой точки зрения при любом отношении к октябрьским и предшествующим им февральским событиям их «величия» как переломного момента не только в русской, но и в мировой истории, отрицать невозможно. Что же касается оценочных критериев – сыграли ли эти изменения положительную роль? Ответ представляется мне также абсолютно однозначным. Ни одна революция в истории – нигде и никогда – не сыграла положительной роли. Образ революции в виде Сатурна, пожирающего своих детей абсолютно доказателен. И, наконец, «посеявший бурю, пожнет ее».

Революция всегда есть возвращение к варварству, ибо она действует варварскими методами, всегда насилием, всегда в обход законов – зачастую несовершенных, неудовлетворительных, но все же обретенных в процессе длительного социального «обтачивания». Здесь недурно бы вспомнить латинское «... sed lex». Иного способа создать новый совершенный закон (если он вообще возможен), кроме как продолжать совершенствовать прежний, не существует в природе, поскольку все основательное достижимо лишь опытом, а не скачком. Революция всегда выдвигает лозунги, созвучные знаменитому «liberte, egalite,

fraternite»), но реализуются все эти гражданские права в одинаковом праве всех – и гонимых и гонителей – на плаху.

Что ж говорить об укладе, когда сама кладка жизни разрушена до основания. Тот абсурд, который имел место в период революции и после нее, лучше созерцать с удаленной исторической дистанции.

Вне зависимости от итогов революции ее можно назвать «Великой», как и французскую, потому что она переписала всю нашу историю и до сих пор является самым важным событием во внутренней истории России наряду с принятием христианства, петровскими реформами, реформами Александра II и коллективизацией. Но среди этих деяний революция, безусловно, ключевое событие в истории России.

Революция – важнейшее событие XX века. Россия отстаивала свой глобальный мировой проект, создав СССР, который открыл эпоху великих достижений, мужества и героизма. Революция не была случайна. Октябрьская революция стала первой национальной освободительной революцией, по примеру которой совершили революции в Китае (1949), во Вьетнаме (1945) на Кубе (1953), в Венесуэле (1998). Можно давать различные оценки этой череде революций, но невозможно отрицать их мировой масштаб.

Нередко в наше время можно услышать слова, преисполненные горечью: «Какую Россию мы потеряли». Происходит идеализация дореволюционного периода, но если все так была замечательно, то почему случились три революции в только что начавшемся XX в. Грядущие перемены, вероятно, назревали в то самое время (80–90-е годы XIX столетия), – когда человечество переживало долгий период «затишья перед бурей» – период «без больших войн в новой и средневековой истории». Период конца XIX – первой трети XX века принес человечеству много нового: менялись индивидуальное сознание, образ мира. Мир менял свое обличье, менял самым кардинальным образом. Нигилистическая энергия, зарождавшаяся в недрах традиционного общества, предвещала величайшие кризисы, и первым из них был кризис культуры. Она перестала отвечать на запросы целых поколений. Медленно распространялась в душах потерянных для общества, молодых в основном, людей яд неверия в Абсолют, в свои духовные силы, яд одиночества и протеста. Не случайно многие писатели и философы рубежа XIX и XX веков причину революционного раскола русского общества видели в наличии в социальной структуре групп людей, не желавших интегрироваться в общество. Индивиды с неразвитыми потребностями стремятся преодолеть раскол между собой и обществом путем его захвата, «переделки» социума под себя [1, с. 5–6].

Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» отмечает, что русский нигилизм, это не только социальное явление, это явление скорее метафизическое. Русский нигилизм возник на почве православия, для которого характерно признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве и мысли. Нигилизм роскошью полагает также и религию. Все силы личности, с точки зрения нигилизма, должны быть направлены на освобождение трудового народа от непомерных страданий, на создание условий счастливой жизни, на уничтожение суеверий и предрассуд-

ков, условных норм и возвышенных идей, порабощающих человека и мешающих его счастью [2, с. 38].

В одном из своих самых знаменитых эссе, «Поколение на повороте», Лидия Яковлевна Гинзбург вспоминала, с какой радостью она подростком встретила известия о Февральской революции и как, надев красный бант, влилась в торжествовавшую на одесских улицах толпу. Гинзбург выделила три основных механизма, заставлявших интеллигенцию той поры поддержать коммунистическую революцию: 1) «прирожденная традиция русской революции», 2) «желание жить и действовать со всеми его сознательными и бессознательными уловками», 3) «чувство конца старого <...> и необратимого наступления нового, ни на что прежнее не похожего мира» [3, с. 281–282]. Эти механизмы продолжали действовать и после того, как изменилась «психологическая карта» окружающей действительности, вынудив людей ее поколения и социального слоя искать «точку совместимости» с новым режимом даже тогда, когда он начал необратимо переламывать их собственные судьбы. В смысле сознания революция породила «людей двадцатых годов», людей активных, амбициозных, не видевших никаких препятствий к осуществлению себя. Препятствия (порой смертельные) появились довольно скоро, но дерзкий дух поколения двадцатых сохранял свое влияние вплоть до конца века, возродившись – в несколько преобразованной форме – в революционных романтиках шестидесятых.

Но революция породила не только людей, которые делом своей жизни считали борьбу за свободу людей, но и особый вид советского бюрократа, который любую идеологию приспособливает к удовлетворению своих потребностей. Амбиции и пороки людей на вершине политической власти маскируются самой высокопарной политической риторикой, а обездоленность населения становится лучшим фоном для концентрации политического капитала. Мораль и нравственность в этом случае конфискуются в пользу политиков, которые начинают выступать от имени Народа, Свободы, Истины, любых самых значительных общечеловеческих ценностей. В политическом плане нация превращается всего лишь в население, занимающее определенную территорию. В самом начале своего становления партия большевиков могла позволить себе использовать труд буржуазных «спецов». При Сталине они были почти все изгнаны с высоких должностей, расстреляны, уничтожены в ГУЛАГе, а одержанные с их помощью победы партийные функционеры распределили между собой. На протяжении всего периода существования Советской власти она определяла, какое место займет человек в социальной структуре, в государственной системе распределения. Она бесконтрольно распоряжалась общественным богатством, созданным трудом миллионов.

Итогами нигилистического запала русских революций, а точнее Великой русской революции стала смена политической и экономической элиты. Та, что властвовала в государстве 1000 лет, задавала тон в политике, экономике, общественной жизни, была примером для подражания и предметом зависти и ненависти, уступила место иным, кто до того действительно «был ничем». Российская империя пала, но ее место заняла империя Советская, которая на несколько десятилетий стала одной из двух стран (вместе с США), возглавившей миро-

вое сообщество Царя сменил Сталин, приобретший значительно большие, чем любой российский император, полномочия. Идеология православия сменилась коммунистической. Россия (точнее Советский Союз) в течение нескольких лет превратилась из аграрной в мощную индустриальную державу. Грамотность населения стала всеобщей. Советский Союз добился вывода образования и медицинского обслуживания из системы товарно-денежных отношений. В СССР не было безработицы. В последние десятилетия руководство СССР добилось почти полного равенства населения в доходах и возможностях. В Советском Союзе отсутствовало деление людей на бедных и богатых. В многочисленных войнах, которые вела Россия в годы Советской власти, в результате террора, от различных экономических экспериментов, погибли десятки миллионов человек, судьбы наверняка стольких же людей были сломаны, исковерканы, миллионы покинули страну, став эмигрантами. Катастрофически изменился генофонд страны. Отсутствие стимулов к труду, абсолютная централизация экономики, огромные военные расходы привели Россию (СССР) к значительному технологическому, техническому отставанию от развитых стран мира. В России (СССР) на практике полностью отсутствовали демократические свободы – слова, совести, демонстраций, митингов, печати (хотя и декларировались в Конституции).

Список литературы

1. Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Большевик – социокультурный феномен. (Опыт исследования, 2) // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 5–6.
2. Бердяев Н. С. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Гинзбург Л. Я. Поколение на повороте / Литература в поисках реальности. – М., 1987.

ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

М. А. Смирнова

Северный государственный медицинский университет, Архангельск

В статье анализируется городское пространство Архангельска, где сохранились памятные места, связанные с революциями 1917 года. Коллективная память об этих событиях размывается, трансформируется, но закреплённая в мемориальных досках, наименованиях улиц и других объектах, все-таки остается в сознании поколений. Историческая наука собирает, хранит и оценивает конкретные факты прошедших событий, чтобы передать эту информацию современникам, для лучшего восприятия – в юбилейные события, используя для этого сохранённые памятные места.

Ключевые слова: 1917 год, Архангельск, коллективная память, памятные места.

THE MEMORY OF THE 1917 REVOLUTIONS IN ARKHANGELSK

M. A. Smirnova

North State Medical University, Arkhangelsk

The article analyzes the urban space of Arkhangelsk, which has preserved the memorable places connected with the revolutions of 1917. The collective memory of these events is blurred, transformer, but enshrined in a plaque, the names of streets and other facilities, still remains in the minds of generations. Historical science collects, stores and evaluates the concrete facts of past events to convey this information to the contemporaries, for better perception – the anniversaries of the event, using the saved landmarks.

Keywords: 1917, Arkhangelsk, collective memory, memorial place.

События 1917 года на Архангельском Севере растянулись на несколько лет. Февральская революция была принята благожелательно большинством населения, Октябрьская оказалась непонятной для многих. Первый раз советскую власть провозгласили мирно и почти незаметно 17 ноября 1917 года, второй раз – 21 февраля 1920, после смены еще двух правительств – Антанты и белогвардейского. Но в памяти сегодня живущих поколений революционные события почти исчезли, невзирая на многочисленные попытки официальной власти закрепить их в умах людей. Если школьно-студенческая молодежь в период обучения примерно еще представляет самые «веховые» моменты революции, относящиеся в основном к Петрограду, может назвать несколько значимых имен участников, то более взрослый народ и те же школьники и студенты спустя несколько лет (месяцев) после сдачи экзаменов об этом забывают. Назвать же события и имена, относящиеся к своему родному населенному пункту смогут единицы, специализирующиеся на этом периоде истории. Местные СМИ в юбилейные годы пытались кое-что интересное напоминать, но эти материалы уже не пользуются спросом.

Для Архангельского Севера более важными стали события Гражданской войны и интервенции, которые своей трагичностью перекрыли память о переломном 1917 году. Приближается 100-летний юбилей двух революций, которые изменили страну и мир. Университеты и культурно-научные учреждения проведут конференции, выпустят сборники, попытаются осмыслить то, что было. А что сейчас в далеком северном городе может напомнить об этих событиях?

В 14 километрах от Архангельска находилась знаменитая радиостанция имени Я. И. Тимме, которая первая в России приняла сообщение о свержении Временного правительства, переданное крейсером «Аврора», а затем продублировала эту новость на весь мир. Об этом в Архангельске знали многие. Радиостанция была построена в начале Первой мировой войны (сент. 1913 г.), для связи на море войск стран Антанты, в годы Второй мировой войны обеспечивала радиосвязь кораблей и авиации, поддерживала связь полярных конвоев, все последующие мирные годы обеспечивала связь с судами, находящимися в любом уголке Мирового океана. В 2001 году вдруг приняли решение ее убрать и поставить современную телерадиомачту, которая должна была бы обеспечивать устойчивую связь на все окрестности. Историческая радиовышка была разобрана, современная до сих пор до конца недостроена, хотя часть антенн на ней установлены [1]. С выстрелом «Авроры» ее уже никто не будет ассоциировать. Имя Якова Тимме в Архангельске знают лишь как наименование одной из крупных новых улиц, но кто он был, многие и не вспомнят. Несколько улиц Архангельска носят имена активных участников революционных событий, в том числе латышский докер Тимме, присланный в Архангельск в 1915 году в составе большой группы латышских портовиков, чтобы помочь работе Архангельского порта. Он стал одним из создателей профсоюза транспортных рабочих, членом Архангельского комитета РСДРП, членом Архангельского губисполкома, редактором большевистской газеты «Известия Архангельского Совета» и северо-двинской газеты «Борьба бедноты» (Великий Устюг), он участвовал в подготовке и проведении первой губернской партийной конференции, в 1921 году его избрали членом ВЦИК, но в 1922 году он умер от туберкулеза. Его имя когда-то было присвоено партийному клубу (Дом политпросвещения), противотуберкулезному санаторию в Архангельской области, радиостанции, сегодня осталось только в наименовании улицы [2, с. 334–335].

Улицы обычно именуется в честь каких-либо событий или людей. Дореволюционный портовый Архангельск свои улицы называл первоженителями, самыми богатыми и уважаемыми жителями (купечество русское и иностранное), по наименованию церквей, а также по наименованию государств и городов, с кем торговали, рек, по которым шли грузы. Малая часть улиц сохранили эти имена, но большинство давно их поменяли – в 1920-е, в 1970-е годы. С расширением строительства города во второй половине XX века появились и новые имена, но уже связанные с конкретными историческими событиями или именами. Революционеров среди них мало, но есть бывшие ссыльные (улицы Володарского, Урицкого, Баумана, Александра Грина, Серафимовича), государственные деятели (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Калинин, И. Ф. Арманд, Л. Б. Красин, Ф. Э. Дзержинский), международные деятели (К. Либкнехт,

Р. Люксембург, К. Маркс – улицу Энгельса в 1993 году переименовали в Воскресенскую). Есть улицы в честь героев Гражданской войны на Севере, которые также были и участниками революций (улицы Александра Петрова, Вельможного, Гуляева, Закемовского, Зеньковича, Левачева, Михаила Новова, Петра Стрелкова, площадь Павлина Виноградова, улицы Романа Куликова, Суздальцевой, Чумбарова-Лучинского, Шестакова). Но революционное их участие не акцентируется, прежде всего – это герои Гражданской войны и событий интервенции стран Антанты, большинство из них погибли в эти годы.

События Октябрьской революции, как ни странно звучит, помогли сохранить историческую память о старинном деревянном Архангельске. Дореволюционный город имел много красивых и добротных особняков, расположенных на центральных проспектах, принадлежавших архангельскому купечеству. Обычные жители тоже жили в деревянных домах, но не в особняках, они селились чуть дальше от реки, на третьем-четвертом проспектах (всего их было пять до 1960-х годов). Дерево – материал недолговечный, но уничтожать красоту стали не из-за ветхости. Город, спланированный во времена Екатерины II и воплощенный в реальность после пожара 1793 года, требовал реконструкции. Современные безликие жилые кварталы, решали жилищную проблему, но не вызвали эстетических эмоций. При подготовке к 400-летнему юбилею Архангельска, который торжественно отмечали в 1984 году, власти решили «осовременить» центр, расширить хотя бы один центральный проспект. Для этого стали безжалостно убирать бульдозером особняки и купеческие магазины, которые находились у края дороги, формируя улицу. Но остановились у дома бывшего Коммерческого собрания, в котором 17 ноября 1917 года была провозглашена советская власть. Убирать его в конце 1970-х не рискнули, так как только что отметили 60 лет революции, а попробовали перенести здание на другую улицу.

Исторической улицей решено было сделать проспект Чумбарова-Лучинского, бывший Псковский, еще ранее – Средний (из пяти проспектов) и в самом начале своей истории – Большая Мещанская улица. Ветхие дома на ней убрали, а с других улиц стали переносить сохранившиеся интересные по архитектуре здания. Первым «новоселом» и стал дом бывшего Коммерческого собрания, у которого восстановили и внешний, и внутренний облик, сохранили мемориальную доску о провозглашении советской власти. На эту работу потратили восемь лет, дальше все шло быстрее. Официальное решение о создании исторической улицы, где еще оставалась старинная застройка, было принято лишь в 1983 году.

Сегодня – это уютный уголок Архангельска, расположенный в центре города, застроенный двухэтажными в основном домами, украшенный городской скульптурой. Улица пешеходная, ее любят и туристы, и местные жители [3, с. 28]. Здесь и жилые дома, и кафе, и офисы, и магазины. Горожане зовут ее ласково – «Чумбаровка», хотя многие и не знают, кто такой – Федор Степанович Чумбаров-Лучинский. А был он большевиком, красногвардейцем, лектором-организатором Северного фронта, воевал и на Южном фронте. Вернувшись в Архангельск, создал и возглавил секцию Пролеткульта, писал революционные

стихи, активно работал в губернской партийной организации. Делегат X съезда партии, погиб при подавлении Кронштадтского мятежа в марте 1921 года.

Самое красивое здание на Чумбаровке – дом бывшего Коммерческого собрания, в нем около тридцати последних лет располагалось отделение Всероссийского общества охраны памятников, которое возглавляла Марфа Ивановна Меньшикова, превратив это здание в культурный центр. Сегодня все называют это здание «Марфин дом» и принадлежит оно музею деревянного зодчества «Малые Корелы», который стал музеефицировать отдельные городские особнячки.

Память о революциях 1917 года сохраняется в Архангельске, но без фанатизма, присущего советскому времени. Историки, безусловно, будут досконально изучать эти события, преподаватели – объяснять своим ученикам все, что положено по программе, и кого-то из учеников заинтересуют события столетней давности. А просто жители или гости города смогут вспомнить об этих событиях, если прогуляются по улицам, прочитают тексты на мемориальных досках, полюбопытствуют, в честь кого названы улицы.

Отношение к революциям у современных поколений неоднозначное. Навязывать идеологические установки сегодня невозможно, каждый выбирает свою оценку. Но знать свою историю надо любому поколению. Уже нет прямых свидетелей тех событий, но памятные места, зафиксированные любым способом, всегда будут напоминать о них.

Список литературы

1. Моденов Н. Поет морзянка на Исакиевой горке: первой на Севере морской радиостанции – сто лет // Правда Севера. – 2013. – 14 сент.; Бартенев В. Г. Россия – родина Радио: ист. очерки. – М., 2014.
2. Овсянкин Е. И. Имена архангельских улиц. – 4-е испр. и доп. изд. – Архангельск, 2008.
3. Ключев С. Ю. Заповедная улица (проспект Чумбарова-Лучинского). – 2-е изд., испр. и доп. – Архангельск, 2011.

СУДЬБА ПАМЯТНИКА-ОБЕЛИСКА РАССТРЕЛЯННЫМ В СТАРОЗАГОРОДНОЙ РОЩЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

Н. Ф. Хилько

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омск

Статья рассказывает о значении уникального историко-культурного памятника Омска – обелиска в Старозагородной роще, который послужил основой мемориального комплекса, имевшему не простую историю и претерпевшему различные модификации со временем. При этом менялось отношение к истории.

Ключевые слова: историческая память, памятное место, мемориальный комплекс, культура памяти.

DESTINY OF A MEMORIAL OBELISK SHOT IN THE OLD COUNTRY GROVE AND HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

N. F. Khilko

Siberian Branch the Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Omsk

Article focuses on the value of a unique historical and cultural monument of Omsk – an obelisk in Starazagorodnaya grove which has formed a basis of a memorial complex, having not simple story and undergone various modifications over time. At the same time the relation to history changed.

Keywords: historical memory, memorable place, memorial complex, culture of memory.

Сначала – несколько строк из известной омичам книги о памятных местах города, автором которой является А. Ф. Палашенков: «Колчаковские войска отводили заключенных в Загородную рощу и там, у оврага, расстреливали из винтовок, наганов, рубили шашками, прикалывали штыками. Дно оврага заполнилось 120 человеческими трупами. На месте расстрела, у оврага, сооружен памятник. Высокий каменный постамент с конусообразной кирпичной верхней частью, увенчанной звездой. На грани постамента – доска с надписью: “Здесь в ноябре 1919 года белогвардейскими бандами Колчака зверски замучена большая группа борцов за дело социалистической революции”» [1, с. 234].

Об этом также писал краевед Иван Петров: «До того, как покинуть Омск. колчаковцы расправились со всеми политическими заключенными омской тюрьмы, они были расстреляны на берегу оврага. 30 ноября 120 человек были похоронены в Старозагородной роще под звуки оркестра. 14 ноября Красная Армия вступила в Омск. Останки казненных перенесли в центр города и захоронили в братской могиле – там, где сегодня Вечный огонь. Однако расстрелы в загородной роще проводились на протяжении всего периода колчаковщины. Только по суду было казнено несколько тысяч политзаключенных. А сколько

расстреляно без суда, узнать сегодня невозможно. Так, известно, например, что именно здесь, в овраге, добывали последних защитников Омска при захвате города белогвардейцами» [2, с. 258].

Историческая память и культура памяти тесно взаимосвязаны. Нужно сказать, что течением времени многие понятия и представления, связанные с патриотизмом меняются. Меняются представления о белом и красном патриотизме, о терроре и насилии, начинает вызревать парадигма примирения белого и красного движения, примирения хотя бы в истории. Все эти катаклизмы не могли не отразиться на судьбе данного монумента. Надо понимать, что в этом – долг потомков и осуществление исторической справедливости по отношению к павшим. В 70-е – 80-е годы велась большая работа по патриотическому воспитанию и на всех городских экскурсиях производилась высадка экскурсантов, которых водили к оврагу и показывали место расстрела.

Считается, что культурный ландшафт – это комплекс изменений, внесенных в природный ландшафт человеком» [3, с. 126]. Однако не всегда понятно: насколько продуманны, органичны и гуманны изменения, которые вносятся в ландшафт человеком? Так, в конце 80-х годов данное памятное место было реконструировано. Зона прудов оказалась значительно расширена и в результате землеустроительных работ появился второй пруд. В центре нового памятного места появился куб, символизирующий борьбу противостоящих стихий и сил революции. Однако внизу под этим объемным сооружением в стиле «модерн» – никаких надписей и пояснений.

Автору этих строк в период работы со школьниками в 80-е годы XX века в Доме пионеров Советского района доводилось проводить экскурсии на это место, на которых мы пытались делать небольшие самостоятельные раскопки. В ходе одной из таких раскопок мы обнаружили кость предплечья, которую отнесли в краеведческий музей. Ребята воочию увидели следы захоронений.

В начале XXI в. (2008 г.) со студентами ОмГУ им. Ф.М. Достоевского мы проводили выездную фотосъемку в этих местах. Мы не поверили своим глазам: рельеф местности был до неузнаваемости изменен, оврага как такового уже не существовало, но по ходу его бывшего местонахождения впереди нас возле стоящегося коттеджного поселка мы обнаружили тот самый обелиск, который был окружен заграждением. Было сделано памятное фото. Остается загадкой: стоял ли он на прежнем месте в измененном рельефе данного культурно-исторического ландшафта или был перенесен?

В 2016 г. нам со студентами довелось проводить поисковую работу вновь на этом месте. На территории бывшего оврага и впереди него на обозримой территории обелиска обнаружено не было. Возникает вопрос: где он и что с ним? И как нужно преподносить сегодня уроки истории, когда утрачивается даже понимание назначения памятного места, где свалка мусора, катание на роликах и велосипедах, прогулки и никакого знака памяти для молодежи, и никакой ясности, что же собой символизирует данный куб?

Памятник «Борцам революции, расстрелянным в Старой Загородной роще в ноябре 1919 года» (Скульптор В. А. Погодин, архитектор А. В. Сухоруков) был открыт в 1987 г. Памятник не завершен. По первоначальному замыслу ав-

торов самой выразительной частью памятника должна была стать стела, символизирующая собой горящую свечу, а полыхающий огонь – знамя [4].

При Советской власти этот трагический эпизод истории нашел свое отражение и в документах, и в памятниках. Однако, что печально, память человеческая постепенно начала истираться.

Еще в 1980 году первый монумент, посвященный памяти погибших от рук белогвардейцев, был взят под охрану областным отделом культуры. И – что важно – до сегодняшнего дня с охраны его никто не снимал. То есть этот монумент – собственность области. В середине восьмидесятых был создан новый мемориальный комплекс – уже непосредственно на улице Красный Путь. Был объявлен конкурс на лучший проект. На конкурс было предложено семь проектов – и монументальные сооружения, и скромные памятники. После обсуждения, в котором приняли участие архитекторы, художники, общественность города, предпочтение было отдано проекту скульптора В. А. Погодина в соавторстве с архитектором А. В. Сухоруковым. Вот как описывают мемориал в искусствоведческих источниках: «Характерной чертой этого произведения является прием деконструкции, позволивший создать памятник большой художественной выразительности. Скульптор Виктор Погодин, принимая решение участвовать в конкурсе на создание памятника жертвам колчаковских расстрелов, отчетливо представлял картину трагедии, произошедшей в 1919 г. Для своего произведения В. Погодин нашел художественный образ, построенный на сочетании каменного куба, символизирующего устойчивость, нерушимость и вечность, с глубокими рваными деструктивными трещинами на его гранях (границы как будто иссечены пулями и шашками). На плите у памятного знака высечены слова: «Здесь, на месте старой Загородной рощи, в ноябре 1919 г. зверски замучена белогвардейцами большая группа борцов за дело социалистической революции. Вечная слава погибшим за власть Советов!». Торжественный митинг по поводу открытия памятного знака в Старозагородной роще состоялся накануне 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции». А что сегодня? Новодельный мемориальный комплекс давно лишился бассейна. Выломана табличка, на которой было написано, что, собственно, символизирует этот рассеченный куб. Выломана часть мраморных плит... Правда, к чести местного отдела по благоустройству, ситуация по сравнению с 1990-ми годами изменилась. Здесь приятно посидеть, отдохнуть от городской суеты. Сюда приезжают фотографироваться молодожены. Появилась странноватая традиция – вешать в день свадьбы замок на перила мостика через нижнее, почти заросшее сегодня, озерцо Лебединка. А вот что за «куб» стоит среди поляны, сегодня знают далеко не многие. Я спрашивала у отдыхающих здесь людей: «Где находится памятник жертвам колчаковщины?», но никто не смог ответить. Говорили недолжно: «Не знаем, мы – не местные». Хотя вот он – в зоне прямой видимости... Откуда молодым знать о настоящей истории? Все ее приметы стерты – причем намеренно, целенаправленно.

А что же произошло с тем, первым памятным знаком? Тут ситуация вообще криминальная. Долгие годы он находился на территории предприятия «Декоративные культуры». К нему водили организованные экскурсии, но свобод-

ного доступа не было». Каким-то таинственным образом на этом участке оказались «верхнее» озеро, которое официально считается частью мемориального комплекса, открытого в 1987 году, и тот участок, на котором расположен монумент, построенный в пятидесятые годы. Этот монумент находился на территории стройки, которую ведет фирма «Мрия». По проекту он должен оказаться в закрытом дворе восьмиквартирного элитного дома. Естественно, ни о какой реконструкции и речи не может быть – это частная территория. Хотя, думается, дело тут не в совести, а в совершенно конкретной политике властей. Целенаправленное уничтожение памяти о жертвах белогвардейцев и возвеличивание этих самых белогвардейцев – это совершенно четкое указание на идеологический вектор поведения власти [5].

Список литературы

1. Палашенков А. Ф. Памятные места Омска. – Омск, 1976.
2. Петров И. Ф. В камне и бронзе. – Омск, 1981.
3. Туровский Р. Ф. Структурный, ландшафтный и динамический подходы в культурной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 1. – М., 2004. – С. 120–137.
4. Памятник «Борцам революции, расстрелянным в Старой Загородной роще в ноябре 1919 года» // Panoramio: [сайт]. URL: <https://www.panoramio.com/photo/109426442> (дата обращения: 21.04.2017).
5. Лифантьева Е. Там, где обелиск, – земля под застройку // БЕЗФОРМАТА.RU: [сайт]. URL: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/obelisk-zemlya-pod-zastrojku/7295646/> (дата обращения: 21.04.2017).

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС 1917 ГОДА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

В. Б. Шепелева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Рассматриваются концептуальные и методологические подвижки в современной историографии 1917 года с учетом изменений политико-социальной атмосферы и с акцентацией на эволюции воззрений историка, политолога академика А. И. Фурсова в контексте наработок «нового направления» – представителей и сторонников «школы А. Л. Сидорова» с опорой на требования постнеклассической познавательной парадигмы.

Ключевые слова: революция, гуманитаристика, историография, А. И. Фурсов, А. Л. Сидоров.

THE REVOLUTIONARY PROCESS OF 1917 AND THE PROBLEMS OF ITS PERCEPTION IN MODERN HUMANISTIC STUDIES

V. B. Shepeleva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Conceptual and methodological developments in modern historiography of 1917, taking into account changes in the politico-social atmosphere and with an emphasis on the evolution of the views of the historian, political scientist Academician A. I. Fursov in the context of the developments of the "new direction" – representatives and supporters of the «school of A. L. Sidorov» based on the requirements of the post-nonclassical cognitive paradigm.

Keywords: revolution, humanities, historiography, A. I. Fursov, A. L. Sidorov.

Приближающееся к завершению третье постсоветское десятилетие, видимо, позволяет поставить под сомнение *линейный* способ суждения о целом, об исторической эпохе новейшего времени по конкретному, в том числе и катастрофическому результату. Если судить о телевидении – «Красный проект» на ТВЦ, кажется, ошутимое тому свидетельство, как и целый ряд аналитических материалов в газете «Завтра», неожиданно получивших поддержку в виде *государственных* грантов. Показательна «пронэповская» эволюция поисков приверженца идей Л. Д. Троцкого А. В. Бузгалина («Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине». – М., 2011). Активно включился в толкование 1917 года авторитетный гуманитарий А. И. Фурсов – речь о работе «По-над пропастью, по самому по краю» (2017).

С конца «перестроечных» лет среди исследователей, считающих *трагедией* развал СССР, наметилось несколько концептуальных подходов. В частности, державники-почвенники (круг журналов «Москва», «Наш современник», газе-

ты «Завтра», члены «Изборского клуба») оказались среди тех, кто увидел в антисталинизме эффективное средство подрыва страны – сначала Советского Союза, потом РФ. При этом для большинства из «державников» большевики-интернационалисты, Октябрь, 1920-е годы, в отличие от И. В. Сталина и его сторонников, от «сталинского периода» воспринимались (для целого ряда и воспринимаются) как разрушительные, неадекватные цивилизационному коду России [1].

Любопытны в этой связи трансформации толкований революционного процесса 1917 г. А. И. Фурсовым. В 1990-е годы сотрудничавший на уровне соавторства с известным либерального толка гуманитарием Ю. Пивоваровым, в 2000/10-е годы он стал писать о «вывихе русской истории 1917–1927/29 гг.», настаивая, что «революция у нас прошла две фазы». Первая – «условно... интернационал-социалистическая (1917–1927/29 гг.)», вторая – «импер-социалистическая или... национал-большевистская (1927/29–1939 гг.)», при том что «цель первой фазы – мировая социалистическая революция; ее герои – “гвардейцы кардиналов мировой революции” Ленина и Троцкого». Ленинский проект, по утверждениям автора, «отводил России роль хвоста, который собирались бросить в топку мировой революции», хотели «завалить трупами /русских/ Европу ради интересов “властелинов колец” революции мировой» [2]. «Почвенность» Ленина, смысл его концепции Октября, коллизии вокруг Бреста, ленинское «пронэповство» с первых месяцев Советской власти, наконец ленинская концепция нэпа, истоков советского проекта – все это вчистую миновало внимание исследователя. Хотя он сам признает в другой ситуации, что «в XX веке с Марксом по глобальности, всемирности значения и значимости, может конкурировать только Ленин», притом что Маркс в этом смысле – «суперчемпион» [3].

Однако вернемся к «России – вязанке хвоста»: к счастью, по словам автора, Сталин стал генсеком: «ленинская гвардия... сама вложила ему в руки ... мощнейшее, смертоносное оргоружие» – партаппарат. И генсек вскоре – в 1926/27 гг. совершил первый, «затрагивающий не только Россию, а мир в целом», *великий перелом*: перевел «стрелки исторического пути России с курса “мировая революция” на курс “построение социализма в одной... стране”». И мол «это означало отход от линии Маркса–Ленина–Троцкого, но полностью соответствовало логике развития России как большой системы». В итоге «место проекта “мировая революция”, в котором», оказывается, были заинтересованы как «левые глобалисты-коминтерновцы», так и правые глобалисты – «банковский фининтерн», занял проект «красная империя» (каким образом задействован здесь фининтерн – остается малопонятным) [2; 3].

Почему в таком случае «вторая фаза революции» не открывается этим «первым великим переломом» – не ясно, как и основания для отождествления нэповца Ленина и Троцкого, бичующего нэповцев как впадающих в народническую ересь, страдающих «национально-деревенской ограниченностью» [4]. Кстати, и роль Н. И. Бухарина (да и Ленина) относительно формулы «построения социализма в одной стране» – т. е. относительно «первого великого перелома», по А. И. Фурсову, – все это упущено. Здесь у автора снова серьезное

расхождение с действительностью. В утверждениях автора немало и других спорных моментов: это и «коллективизация, главная задача», которой «превращение крестьянства в граждан страны»; и что «началом выхода СССР из смуты стал отстрел “ленинской гвардии”»; и что якобы в «1929 г... было проедено наследие самодержавия» и потому «острейшим образом встал вопрос о превращении СССР в сырьевой придаток Запада и полной десоверенизации страны... к чему объективно [мол и] вели дело гвардейцы кардиналов мировой революции» – т.е. Ленина и Троцкого, а значит «как левые, так и правые»; в этом кругу сомнительного и алогичного и утверждение, что «Сталин в 1920-е годы предотвратил то, что» произошло с СССР «во времена горбачевщины и ельцинщины» и т. д. [2]. Но все приведенные выше соображения А. И. Фурсова относятся к 2009–2012 гг.

В последней работе – к столетию революционного процесса 1917 года автор, по его словам, предпринял попытку рассмотреть семнадцатый год в контексте времен средней и большой длительности в рамках отечественной и мировой истории, поскольку «понять 1917-й с его Февралем и Октябрем и их скрытыми шифрами можно только в контексте большой эпохи» (и это бесспорно) [5, № 2, с. 163]. В итоге в работе получилось, что 1917-й – «переломный» в рамках периода внедряемого в Россию капитализма (упоминаются как точка отсчета то первая половина XIX в. /уже – Николай I /, то 1861 г. и как завершение периода – год 1939-й, «погасивший последний всполох большой революционной эпохи») [5, № 2, с. 162–163]. 1939-й – верхняя граница *всего периода*: все-таки о чкм речь? – объективно, по фактам – о *периоде капиталистической трансформации страны*. Но тогда причем здесь Октябрь и первые десятилетия советской эпохи? Или они рассматриваются в алгоритме *большевики – модернизаторы*? Но тогда почему 1917-й – *переломный*, а завершение приходится на 1939 год (Сталин и после Великой Отечественной считал индустриализацию важнейшей задачей). И как быть с упомянутым противопоставлением *двух фаз* большевистской революции? В любом случае включение в *один период* качественно разнородного в политическом, экономическом, социальном, идеологическом срезам вызывает вопросы.

Кроме того, 1917 год трактуется автором как *переломный* и в рамках периода мировой истории, открытого Великой Французской революцией и «возникновением Большого Левого (якобинского) Проекта эпохи Модерна» (расшифровки нет) и завершившегося «разрушением СССР и системного антикапитализма в 1991 году» [5, № 2, с. 163]. И снова недоумение: Великая Французская революция, Большой Левый (якобинский) Проект эпохи Модерна – это одно, это формирование цивилизации Нового времени. Но советский проект, СССР, системный *антикапитализм* – как они могут быть в *этом* историческом периоде? (разве что здесь переключка у автора с Им. Валлерстайном, но в таком случае 1917-й год не переломный).

Однако главное в последней работе А. И. Фурсова в другом. Автор, опираясь на российских консерваторов, особенно на М. О. Меньшикова, вторя фактически русской религиозно-философской мысли от Н. Ф. Федорова до Н. А. Бердяева, старается доказать «неорганичность», чуждость, гибельность

для страны, для русского народа капиталистической модернизации [5, № 3, с. 211]. Солидарно цитирует Меньшикова: «Если не произойдет какой-нибудь *смены энергии*, если тягостный процесс подражания Европе разовьется дальше, то Россия рискует быть разоренной без выстрела». И потому «придется или иметь мужество оказаться от соблазна, или обречь себя на вечный плен» у Запада [5, № 3, с. 162]. Андрей Ильич настаивает: «прогресс капитализма в России есть фактор и мерило регресса России». И Александр II, оказывается, не столько освободил, сколько «высвободил... процессы социального гниения, разложения» [5, № 3, с. 166]. И «самая главная из “великих реформ” ... закладывала фундамент для будущих грозных революционных потрясений... еж развитие вырабатывало социальный динамит... в начале XX века оставалось... присоединить бикфордов шнур и поднести... спичку» – и в такой оценке, по автору, сходятся и Н. А. Некрасов, и М. О. Меньшиков, и В. И. Ленин.

Историк рассматривает самые разные срезы социально-экономической динамики страны со времен «царя-освободителя», роль иностранного капитала, обнаруживая склонность к явно *понижательной* тенденции относительно успехов модернизации и *повышательной* в оценке давления на Россию иностранного капитала, степени обнищания народа (идет сплошная линия обнищания с начала XIX в. по 17-й год). Однозначно негативно оценивается деятельность «реакционера» П. А. Столыпина вопреки не только нынешней «моде» на премьера, но толкованиям Ленина [5, № 2, с. 164–174]. При этом автором упущены серьезные наработки советских и постсоветских исследователей «новонаправленческого» круга.

Как уже доводилось отмечать, «новое направление» обеспечивало системный, диалектический, нелинейный *анализ* социально-экономической, политической, затем и ментальной реальности России рубежа XIX–XX вв., анализ, *дающий* возможность целостного, с выявлением намечавшихся альтернатив *видения* реальности. Отказ от этого исследовательского подхода оборачивается неуловлением России как сложноорганизованной многоукладной нелинейной системы, как своего рода «модели мира». Но именно отсюда многосоставной революционный процесс 1917 года, при том что и сам Февраль – это две революции вместе, чего не удалось увидеть автору «По-над пропастью...». «Новонаправленческий» подход дает и возможность выхода на *историософскую* (отсутствующую у автора) перспективу, вне которой суждения о революции вообще, и о революции семнадцатого года тем более, малопродуктивны [1].

Историк спрямленно усматривает движение страны к социалистической революции непосредственно от реформ Александра II. Смысловой стержень таких суждений в цивилизационном подходе исследователя, то подспудно, то явно пронизывающем весь текст. Но опора на культурный код привела автора от недавнего еще отождествления Ленина и Троцкого к выводу, что именно большевики во главе с Лениным, в противовес «кадетским и прочим вождям, мнившим себя европейцами, а народ азиатами», явились «людьми длинных мыслей и длинной воли». Они и народ – вместе, тогда как вожди-европоцентристы задумали «обмануть и подмять русскую историю». Потому-то «большевики и победили – и февралистов, и белогвардейцев, и Запад» [5, № 3, с. 203].

Ясно пока одно: при всех противоречиях и срывах в линейность в интерпретации А. И. Фурсова речь идет о начатой Октябрьскими событиями 1917 года некапиталистической народной революции, при том что, «нам нужно абсолютно точное, честное и беспощадное знание о самих себе... нужно мобилизующее знание, знание-штук. Его создание – залог русского успеха в XXI веке» [6].

Список литературы

1. Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). – Омск, 2009.

2. Как посредственный Сталин гениев мировой революции Ленина с Троцким обыграл // Комсомольская правда: [сайт]. – URL: <http://www.kp.ru/daily/25861/2828311/> (дата обращения: 03.02. 2016).

3. Фурсов А. И. Биг Чарли, или о Марксе и марксизме (к 180-летию со дня рождения К. Маркса) // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск: [сайт]. – URL: http://andreyfursov.ru/news/big_charli_ili_o_markse_i_marksizme_k_180_letiju_so_dnja_rozhdenija_karla_marksa_1_big_charli_nepobeditel_poluchivshij_vse/2009-01-01-179/ (дата обращения: 01.01.2017).

4. Проблема альтернатив общественного развития страны и Л. Д. Троцкий // Научная конференция памяти Н. М. Ядринцева. Проблемы отечественной истории. – Омск, 1992. – С. 33–39.

5. Фурсов А. И. «По-над пропастью, по самому по краю» // Наш современник. – 2017. – № 2–3.

6. Фурсов А. И. Русский успех в исторической ретроспективе // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск: [сайт]. – URL: http://andreyfursov.ru/news/russkij_uspek_v_istoricheskoy_retrospektive/ (дата обращения: 05.01.2017).

II. БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УДК 94 (47).084.3

КРЕСТЬЯНСКИЕ ЛИДЕРЫ ЗЕЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

М. В. Васильев

Псковский государственный университет, Псков

В статье рассматриваются личности лидеров крестьянского повстанческого движения в Псковской губернии в годы Гражданской войны. Выделены различные группы крестьянских вожаков. На примере отдельных персон, прослеживается их роль и значение в Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война, Псковская губерния, «зеленое» движение, повстанцы, крестьянские вожаки.

PEASANT LEADERS OF THE GREEN MOVEMENT PSKOV PROVINCE IN THE CIVIL WAR

M. V. Vasiliev

Pskov State University, Pskov

The article analyzes the individual leaders of the peasant rebel movement in the Pskov province during the Civil War. Identify different groups of peasant leaders, for specific people, traced their role and importance in the Civil War.

Keywords: Civil war, Pskov province, "Green" movement, rebels, peasant leaders.

Псковская Губерния в силу своего приграничного и прифронтового положения, близости к Петрограду и большой концентрации войск на ее территории с первых дней гражданского конфликта оказалась втянута в водоворот бурных военно-политических событий. В 1917 г. по ее территории продвигались военные команды ген. Л. Г. Корнилова, выступившего летом на Петроград, а сразу после Октябрьской революции к столице с боями продвигались казаки генерала П. Н. Краснова [1, с. 174–181]. В 1918 г. Псковская земля стала местом зарождения двух противоборствующих сил – Красной армии и Белого движения на Северо-Западе, которые в следующем году развернут ожесточенные бои за Петроград. Вплоть до 1926 г. на территории Псковщины будут действовать различного рода бандитские и террористические отряды из числа белогвардей-

цев, направляемые из-за границы. Во всей многогранности и сложности протекающих процессов борьбы различных военно-политических сил необходимо выделить так называемую «третью силу» гражданской войны – крестьянский мир. Эта многочисленная и разрозненная людская масса, оказавшись между жерновами гражданского конфликта, выступила с оружием в руках, отстаивая свои интересы. Специфика Гражданской войны в Псковской губернии не позволила крестьянскому миру сформировать крупные армии по принципу антоновщины или махновщины, однако отдельные повстанческие отряды численностью от нескольких десятков человек до нескольких тысяч создавались повсеместно и играли значительную роль в регионе. Возглавлялись такие стихийные формирования людьми различными по своему социальному происхождению, зачастую лицами случайными и не имеющими отношения к военной сфере или политике. Изучение массива таких персон является делом достаточно сложным, так как биографии многих из них ограничиваются лишь кратким упоминанием участия в восстании, или только инициалами. Крайне сложно проследить их политические ориентиры и подробную судьбу. Думается, что создание единой базы данных по крестьянским повстанцам Гражданской войны в России является делом будущего. Изучая личности крестьянских вожаков, по материалам псковских архивов, можно разделить всех «зеленых» лидеров на несколько групп. Первая и наиболее распространенная – это бывшие офицеры царской армии, как уроженцы Псковской земли, так и люди в силу случая оказавшиеся на Псковщине и возглавившие вооруженную борьбу. Эта категория лидеров в силу имеющегося военного опыта, являлась наиболее успешной в военнотактическом плане. Именно отряды, руководимые офицерами, смогли добиться наибольших успехов, провести мобилизацию в свои ряды и организовать качественное военное сопротивление. Вторая группа вожаков – это выходцы из крестьянской среды, солдаты и унтер-офицеры, прошедшие поля сражений Первой мировой войны, обладающие военным опытом и пользующиеся определенным авторитетом у своих односельчан. Третья группа лидеров «зеленого движения» представляет собой лиц случайных, которые в силу стихийности восстания оказались на волне крестьянского сопротивления и в силу личных качеств (образования, инициативности, зажиточности) были выдвинуты самим крестьянским сообществом. Четвертую группу представляют наиболее активные представители дезертиров, которых было достаточное количество в прифронтовой Псковской земле. Не желая служить ни белым, ни красным эта группа населения, формировала свои военные отряды и провозглашала лидера (атамана) из своих рядов. Пятую группу вожаков представляют выходцы из криминальных слоев: беглые каторжники, воры и прочие преступники всех мастей. В условиях революционного безвластия им удалось сколотить вокруг себя немногочисленные, но хорошо вооруженные отряды и заниматься разбоем среди местного населения. Иногда таким бандитствующим лидерам удавалось переманить на свою сторону часть дезертиров, однако большинство крестьян старалось дистанцироваться от откровенной преступности по принципу: «уркаганы сами по себе, а мы сами по себе» [2, с. 151–156].

Попытаемся проиллюстрировать некоторые группы крестьянских вожаков краткими биографическими примерами. В феврале 1919 г. в Новоржевском уезде Псковской губернии вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Возглавили его два молодых поручика Исаев и Цветков (инициалы не известны). Причиной послужило сокращение продовольственной нормы. Раздраженная крестьянская масса арестовала председателя продовольствия и советских сотрудников, разгромила исполком и выбрала себе лидеров в лице офицеров. К восставшим примкнули соседние волости. Лидерами восстания была совершена попытка к объединению разрозненных повстанческих отрядов в единую группировку. Переходя с боями из одной волости в другую, крестьянские повстанческие отряды объединялись. Узнав о происходящих событиях, Новоржевский исполком 22 февраля Аксеновскую и Новинскую волости объявил на осадном положении, а в Новоржеве была организована Военно-революционная чрезвычайная комиссия. Собрав местные силы, советская комиссия вновь вступила в Аксеновскую волость, где произвела некоторые аресты. Более длительные бои происходили в Новинской волости, где на протяжении нескольких дней с переменным успехом шли бои у деревни Марыни. Численность повстанцев, действовавших под командованием офицеров, исчислялась до 3000 человек. По некоторым данным восставшие планировали захват Новоржева и его оружейных складов. С подходом в Новоржевский уезд достаточно крупных сил Московского и Дновского отрядов Красной армии повстанческое движение удалось рассеять и ликвидировать. Два офицера, осуществлявших общее руководство повстанческими отрядами, поручик Исаев и поручик Цветков попали в плен и были расстреляны Дновской ЧК. Всего были арестовано 151 участник выступления, 18 из которых расстреляны [3, л. 22, 22 об., 23]. Другим ярким примером крестьянских вожаков может быть Михаил Цветков, предположительно из крестьян Опочецкого уезда. Летом 1919 г., являясь дезертиром РККА, он сумел создать вооруженный отряд из числа дезертиров и организовать нападение на местный исполком. В результате чего местные советские работники были уничтожены, а отряд пополнился новыми новобранцами. Первоначально в его отряде было около 30 человек, затем – 80, после первых побед количество отряда существенно возросло – до 300 дезертиров. По материалам следствия ревтрибунала установлено, что отряд Цветкова устанавливал контакты с другим более крупным повстанческим отрядом, действующим в это время в Опочецком уезде под руководством офицера М. Васильева. Следующую задачу по разгрому уездного центра – Опочки – выполнить не удалось, так как подошедший крупный отряд Красной армии наголову разгромил повстанцев. Лидеру отряда удалось скрыться и повторно вступить в ряды РККА. В марте 1921 г. он успел вступить в ряды РКП(б) и вернуться в Опочецкий уезд, где и был опознан местными жителями. В ночь на 11 августа 1921 г. арестован сотрудниками ГПУ. 20 апреля 1922 г. решением Военного отдела Псковского губернского ревтрибунала М. Цветкову была вынесена высшая мера наказания – расстрел. Приговор был приведен в исполнение [4, л. 86, 104–105]. Представителем дезертирского движения с явно бандитскими наклонностями являлся Яшка Кудрявцев. Известно, что в 1921 г. уроженцу Порховского уезда Я. Кудрявцеву по

прозвищу Макей удалось сколотить небольшой отряд из местных крестьян-дезертиров. Материалы следствия указывают, что количество в его отряде было всего 16 человек – все дезертиры. В документах ревтрибунала указывалось, что дезертиры добровольно примыкали к отряду Кудрявцева. В некоторых деревнях бандитам оказывалась поддержка со стороны родственников и жены Яшки. В тоже время, на допросе, некоторые участники банды показали, что их удерживали силой, не отпуская из рядов банды. Другим удавалось обмануть лидера бандитской шайки и убежать из ее рядов. По всей видимости, сам лидер был так же из числа злостных дезертиров РККА. Отряд был вооружен винтовками, револьверами и пулеметом. В течение лета – осени 1921 г. отряд Кудрявцева занимался откровенным бандитизмом, прикрываясь лозунгами борьбы с Советской властью. Однако основные нападения совершались на представителей советской власти и милиционеров. С появлением в августе в Порховском уезде диверсионно-террористического отряда поручика Н. Михайлова, Яшка установил контакты с бывшим белогвардейским офицером и затем поступил «на службу» в этот отряд. Хотя, по всей видимости, как это видно из материалов следствия, продолжал действовать самостоятельно, лишь формально подчиняясь поручику. К ноябрю 1921 г. бандитская группа Кудрявцева была разгромлена губернским отрядом ЧК. Дальнейшая судьба Якова Кудрявцева не прослеживается [5, л. 16–74].

Чем ближе к финалу подходила Гражданская война в России, тем больше появлялось бандитских шаек. Это были как закоренелые преступники, уркаганы, откровенные садисты, всячески «проявившие» себя в Гражданской войне, злостные дезертиры, неоднократно убегающие с оружием в руках из рядов Красной армии, так и просто несчастные, запутавшиеся в сложных хитросплетениях жизни люди. Вся эта разнообразная масса, выброшенная за пределы закона и повседневности, вынужденная скрываться от властей, с легкостью поддавалась на уговоры и призывы своих лидеров и вновь бралась за оружие. Идеиные вопросы борьбы были уже давно отброшены и забыты, а главным лейтмотивом действий подобных отрядов был поиск удачи, наживы и возможности отомстить всем, в ком они видели причину своего горького положения [6, с. 327–330]. Такие бандитские формирования легко и быстро создавались и с такой же быстротой исчезали с арены истории, уничтоженные Советской властью, а на их место приходили новые бандитские шайки.

Список литературы

1. Васильев М. В. Выступление Л. Г. Корнилова и Псковская губерния (август 1917 г.) // Псков. – 2010. – № 33. – С. 71–77; Он же. Казаки под Петроградом. Октябрь 1917 г. // Псков. – 2013. – № 39.
2. Васильев М. В. «Зеленая армия» Порховского уезда в 1919 г. // Псков. – 2012. – № 36.
3. ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 799.
4. ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 125.
5. ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 639.
6. Васильев М. В. Грани крестьянского бандитизма // Научный альманах. – Тамбов, 2016. – № 10-2.

СОВЕТИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ 1918–1922 ГГ. И КОРЕЙСКИЕ ИНСУРГЕТЫ В МАНЬЧЖУРИИ

В. А. Гайкин

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

На основе изучения впервые введенных в оборот японских архивных источников, секретных докладов японских спецслужб автор рассматривает процесс формирования в прилегающих к российскому Дальнему Востоку районах Маньчжурии антияпонских и коммунистических организаций, обусловленный влиянием гражданской войны и борьбы против японской интервенции на востоке российского государства. Корейские националисты в Маньчжурии, стремившиеся освободить Корею от колониального гнета Японии, видели в России, столкнувшейся с японской агрессией, естественного союзника. Переход «на рельсы» коммунистической идеологии для одних националистов был вынужденной платой за услуги могучего «спонсора», для других закономерной коалицией с близкими по духу российскими большевиками.

Ключевые слова: японская интервенция, Дальний Восток, корейские партизаны, Маньчжурия.

REVOLUTIONARY EVENTS IN THE FAR EAST OF RUSSIA 1917–1922 AND THE KOREAN INSURGENTS IN MANCHURIA

V. A. Gaikin

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East, FEB RAS, Vladivostok*

Article is devoted to the process of formation in the adjacent to the Russian Far East parts of Manchuria anti-Japanese and Communist organizations, owing to the influence of the civil war and the fight against the Japanese invasion to the East of the Russian State. The emergence on the political map of the world Soviet Russia was for colonized state example of successful political transformation. Korean nationalists, in Manchuria, seeking free Korea from colonial oppression of Japan seen in Russia, struggling with the Japanese intervention in the far East the natural ally. Move the «on rails» another ideology (Communist) for the nationalists was forced to pay for services of the mighty «sponsor». For other – natural coalition with close in spirit Russian Bolsheviks.

Keywords: Japanese intervention, the Far East, Korean guerrillas, Manchuria.

Долину пограничной реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). К началу XX в. она превратилась в своеобразный корейский анклав на китайской территории. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72076 корейцев и только 21983 китайцев [1, т. 1, с. 326]. Концентрация на территории Цзяньдао после аннексии Кореи Японией в 1910 г. активных участников национально освободительной борьбы и деятелей просвети-

тельского движения привела к созданию в этом районе нескольких корейских политических обществ антияпонского характера.

Появление на политической карте мира советской России, государства бросившего открытый вызов капиталистическому окружению стало для колониальных и зависимых стран наглядным примером «технологии» успешной политической трансформации, изменения государственного устройства. Притяжение было взаимным: Советская Россия – изгой в капиталистическом окружении, была обречена на поиск союзников. Корейские националисты, стремившиеся освободить страну от колониального гнета Японии, видели в России, боровшейся с японской интервенцией на Дальнем Востоке, естественного союзника. Переход «на рельсы» коммунистической идеологии для одних националистов был вынужденной платой за услуги могучего «спонсора». Для других закономерной коалицией с близкими по духу российскими большевиками.

Согласно материалам японских разведорганов, на территории Цзяньдао в 1920 г. действовало семь основных националистических военно-политических организаций, в состав которых входило 3 500 человек. Наиболее мощной в военном отношении группировкой считалось общество «Кунчонсо» (Военно-политическое управление) в уезде Ванцин во главе с Со Иром (численность 1600 человек). Поддерживались связи с корейскими патриотами на советском Дальнем Востоке. По данным японской разведки, в мае 1920 г. члены организации распространяли в Ванцине листовки коммунистического содержания [1, т. 8, с. 232]; организация «Кунму тотокпу» (Военно-гражданское правительство) во главе с Чэ Мён Нок насчитывала 600 человек; «Кукминхве» (Национальное общество) заменило на политической арене «Канминхве» (Общество колонистов). Оно выступало за административную автономию Цзяньдао. Численность общества составляла приблизительно 450 человек. После мартовского восстания 1919 г. был взят курс на вооруженную борьбу с колониальным режимом в Корее. В разных районах Цзяньдао имелись отделения общества, пытавшиеся выполнять функции местной корейской администрации; В уезде Яньцзи действовала «Тэхан токнипкун» (Армия независимости великой Кореи) под руководством известного борца за независимость Кореи Хон Бом До. Численность организации составляла 400 человек. Японскими аналитиками она рассматривалась как одна из самых влиятельных корейских группировок в Цзяньдао; в том же уезде базировалось «Кванпутан» (Общество возрождения), руководителем которого был Ли Бом Юн. Целью этой организации провозглашалось восстановление власти корейского императора; в уезде Ванцин находилась база «Ыйкунтан» (Армия справедливости), которой командовал Пан Мо ён (200 членов). Организация подчеркивала свою независимость от «Временного правительства»; группировка «Синминтан» (Общество нового народа), возглавляемая Ким Чун Кыном большого влияния в Цзяньдао не имела (численность 300 человек) [1, т. 8, с. 206–209].

Корейские военно-политические организации в районах Чанбайшаня и р. Ялуцзян были слабее и малочисленнее обществ Цзяньдао. По японским данным, здесь, в 1920 г. существовали следующие группировки: «Токниптан» (Общество независимости), возглавляемое Пак Чан Хо, связано с обществом

«Кунчонсо» (в Цзяньдао) и имело отделения в нескольких уездах. Целью борьбы декларировалась реставрация династии Ли. В организации состояло примерно 30 человек; «Ханчокхве» (Корейское общество) было основано в период борьбы против японского протектората над Кореей, базировалось везде Люхэ. Имело тесные связи с «Токниптан», признавало «Временное правительство». Выступало за административную автономию района, численность общества – 300 человек; Общество «Чунхынтан» (уезд Тунхуа) примыкало к «Корейскому обществу». Выступало за возрождение Кореи. Особым влиянием не пользовалось; «Тэхан сэннётан» (Молодежное общество великой Кореи) ориентировалось на «временное правительство», выпускало газету, пропагандировавшую идеи независимости Кореи. В 1920 г. руководители общества были расстреляны японским карательным отрядом; «Тэхан токнип кунбитан» (Общество военной подготовки независимости великой Кореи) (уезд Чанпай) представляло одну из самых сильных групп этого района (300 членов); «Хяняктан» планировало реставрацию династии Ли в Корее. Председатель общества был расстрелян японским карательным отрядом в 1920 г.; немногочисленная организация «Мусатан» (Общество борцов) действовала в уезде Фусун [1, т. 8, с. 307–310].

В корейском национально-освободительном движении в Маньчжурии начала 1920-х гг. доминировало революционно-демократическое течение. Ведущие военно-политические группировки «Кукминхве» (глава Ку Чхун Сон), «Кунчонсо» (лидер Со Ир), «Тэхан токнипкун» (лидер Хон Бом До) оценивались японской разведкой как «красные» [1, т. 8, с. 68, 232]. Эти группировки установили контакты с корейцами на советском Дальнем Востоке. Корейские отряды из Цзяньдао принимали участие в борьбе за власть Советов и против японской интервенции на Дальнем Востоке. Во время боев с японскими карательными отрядами, в 1920 г. вторгнувшимися в Маньчжурию, несколько корейских соединений отошли на территорию советского Дальнего Востока и включились в борьбу с японской армией. Это отряды Ли Бом Юна, Хе Гюна, Син Ир Хена, соединения «Общества военной подготовки независимости Кореи» во главе с Ли Ёном, «Армии независимости» под командованием Чэ Мян Сена. В Амурскую область перешли отряды Хон Бом До, Ан Му; «Военно-политического управления» под командованием Ким Сын Бина и Со Ира [2, с. 25].

Революционные события на советском Дальнем Востоке были лучшей агитацией за соединение национально-освободительного движения с социальной революцией. И руководители, и бойцы корейских партизанских отрядов быстро усваивали радикальные идеи. Так, по японским данным, лидер общества «Симинтан», базировавшегося на территории советского Дальнего Востока, провел в Имане совещание антияпонских отрядов, перешедших в Приморье из Цзяньдао. В результате было принято коммюнике, в котором говорилось: «... необходимо уничтожить капитализм в Корее и за ее пределами, осуществить победу коммунизма» [1, т. 8, с. 86]. Многие корейские интернационалисты, прошедшие на территории советского Дальнего Востока школу борьбы против японских интервентов, впоследствии вступили в Компартию Кореи.

В 1921–1922 гг. во многих уездах Маньчжурии существовали отделения компартии Кореи, развернувшие среди националистов агитпропработу, приносящую результаты. По данным японской разведки, видные деятели «Военно-политического управления» и «Национального общества» занимались в августе 1921 г. в Хунчуне коммунистической пропагандой [1, т. 8, с. 69]. В 1921 г. 8 из 12 членов президиума влиятельного общества «Кукминхве» были членами корейской компартии, а его лидер Ку Чхон Сон стал в 1922 г. председателем «Объединенного общества Корейской компартии», созданного в провинции Цзилинь [1, т. 7, с. 190]. В апреле 1923 г. Коминтерн послал из СССР в Цзяньдао 10 корейских интернационалистов, распространявших коммунистические листовки и пытавшихся создать комсомольскую организацию [1, т. 8, с. 128].

Список литературы

1. Тёсэн тодзи сирё = Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах. – Токио, 1970–1971.
2. Ким М. Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922). – М., 1979.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАУРАЛЬЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

О. Н. Гончаренко

Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень

В статье дается представление о политических предпочтениях интеллигенции. Рассматриваются вопросы отношения к советской власти данной социальной группы. Характеризуется становление и деятельность профессиональных союзов в период революций и первых месяцев после установления советской власти в регионе.

Ключевые слова: интеллигенция, революция, профсоюзы, политические позиции, советская власть.

THE INTELLIGENTSIA OF THE TRANSURALS IN THE PERIOD OF THE REVOLUTION OF 1917 AND THE ESTABLISHMENT OF SOVIET AUTHORITY

O. N. Goncharenko

Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen

The article provides an insight into the political preferences of intellectuals. Discusses the relation to the Soviet regime of the social group. Is characterized by the formation and activities of trade unions in the revolutionary period and the first months after the establishment of Soviet power in the region

Keywords: intellectuals, the revolution, trade unions, political positions, the Soviet power.

Революционный 1917 год является важным в истории России, так как именно в это время происходили события, изменившие судьбу как отдельных людей и социальных групп, так и всего государства в целом. Интеллигенция Зауралья не явилась исключением. Точно так же как и другие социальные группы России, она была втянута в политический круговорот. Изучение социально-политических позиций русской интеллигенции этого периода позволяет понять процессы, связанные с изменением социальной структуры общества, актуальные и для современной России. Вопросы о роли и месте интеллигенции в изучаемый период, ее политических предпочтениях рассматривались в отечественной историографии в работах С. А. Федюкина, В. Т. Петрова, М. П. Кима и других советских историков.

Современные российские историки также не обходят вниманием изучение вопросов, связанных со структурой интеллигенции, ее отношением к приходу к власти большевиков. В этом плане большой интерес представляют работы В. Т. Ермакова, В. С. Меметова, Л. Н. Когана, С. А. Красильникова. Фрагментарно отдельные вопросы социально-политических предпочтений интеллигенции Тобольской губернии в период революции 1917 г. изучались тюменскими

историками А. А. Кононенко, Н. В. Меньщиковым, И. В. Скипиной. Это делает целесообразным изучение общественно-политических позиций интеллигенции в жизни края в 1917–1918 гг.

Февральская революция 1917 г. породила новые мысли и новые потребности, одна из которых – стремление к коллективному действию – привела к созданию профессиональных союзов, отразивших профессиональные и политические взгляды интеллигенции Зауралья. Профессиональный союз медицинских работников Тобольской губернии заявил о себе 5–6 апреля 1917 г. [1]. В июле оформился Тобольский Учительский Союз, в апреле – мае 1917 г. состоялись организационные собрания и съезды Тюменского, Ялуторовского, Ишимского профессиональных учительских обществ и союза мусульманских учителей [2, с. 108–109]. С 22 октября 1917 г. по сентябрь 1918 г. прошли учредительные собрания Союза учащейся молодежи, Союза агрономических работников, Союза ветеринарных врачей и ветфельдшеров, Союза представителей уездных земских управ и бухгалтеров [2, с. 192]. Среди интеллигенции в этот период пользовались популярностью руководители и активные члены профсоюзов: А. И. Дирдовский, А. Туктобаев, В. А. Макаров, Г. Г. Верди, В. М. Тихомирова, А. А. Благоволин и другие [2, с. 31, 34, 147].

Анализ программных решений и резолюций съездов учителей, служащих, медицинских и ветеринарных работников позволяет определить политические ориентации интеллигенции Зауралья и ее отношение к позиции РКП(б). Одна из самых полных политических программ была выработана на съезде учителей Курганского уезда 20–24 апреля 1917 г., в которой были изложены положения либерально-демократического направления. В резолюции съезда была подчеркнута областническая направленность членов учительского союза [2, с. 31–34]. На Тобольской губернской конференции профессиональных союзов 19 августа 1918 г. была принята резолюция, из которой следует, что «профсоюзы независимо от власти связывают себя с социалистическими партиями в достижении своих целей» [2, с. 193]. Очевидец октябрьских событий, тюменский краевед П. А. Рассомахин в своей неопубликованной работе «Первая Советская власть в Тюмени» утверждает, что большая часть интеллигенции примыкала к меньшевиками и эсерам [3, л. 34]. Следовательно, интеллигенция Зауралья была настроена на либерально-демократические преобразования, ориентируясь на умеренно-социалистические партии и придерживаясь выжидательной тактики. На приход к власти большевиков и установление диктатуры пролетариата основная масса интеллигенция Зауралья отреагировала протестом, но без революционной истерии. Откровенная революционность не была ей свойственна. Настроение интеллигенции периода установления советской власти в регионе хорошо прослеживается в постановлении Собрания Тюменского профессионального учительского общества, которое состоялось 11 ноября 1917 года: «Постановили: присоединиться к резолюциям Совета Всероссийского Учительского Союза, протестующим против захвата власти большевиками, а также против примыкания к забастовке как методу политической борьбы» [4, л. 1].

Отношение большевиков к интеллигенции было неравнозначным. Деятельность многих правительственных учреждений была прекращена с увольне-

нием всех служащих. Некоторые служащие добровольно не захотели работать при большевистском режиме, так как уже тогда начала складываться оценка интеллектуального труда как второстепенного [5, л. 1]. Исключение составили земские специалисты, которые не просто становились работниками советского аппарата, но и получили возможность для лучшего применения своего опыта и знаний. Данная категория специалистов активно включилась в советскую работу [6, с. 202].

Советская власть специальными декретами и постановлениями пыталась ускорить политическое расслоение интеллигенции и изолировать контрреволюционные элементы. Важным событием стали выборы учителей на основе постановления Госкомиссии по просвещению от 27 февраля 1918 г. Процедура выборов в Зауралье состояла в заполнении анкет, в которых, кроме основных данных о возрасте, образовании, стаже работы, необходимо было указать, к какой политической партии принадлежит анкетированный, признать советскую власть как истинную власть трудового народа и выразить желание работать с данной властью в полном контакте [7, л. 221]. В связи с данной политической акцией профессиональный союз учителей Тюменской губернии провел референдум учителей по данному вопросу. Листки голосования поступили от учителей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского и Тюменского уездов. Всего в референдуме приняло участие 339 человек. Результаты референдума показывают, что основная часть учителей (84,7 %) была против такого анкетирования. 10,3 % учителей, принявших большевистскую власть и поддерживавших ее, были готовы подать заявления о приеме на работу, 2,2 % учителей воздержались и 2,9 % были «за», но с оговоркой, «проявляя нейтралитет по данному вопросу». Так как большинство учителей – 84,7 % – были против анкетирования, большевики сочли действия учительства за саботаж, и в начале июня 1918 г. комиссия по народному образованию Тюменской губернии поместила в местной печати объявление, предупреждающее, что учителя, не подавшие заявления о желании работать с Советской властью, считаются отказавшимися от занимаемых должностей. Одновременно были назначены последние сроки подачи таких анкет-заявлений: для учителей городских школ – 10 июня, для учителей уезда – 1 июля 1918 г. Мнения вокруг этих решений власти сложились самые разные, но в результате решено было все-таки подавать заявления в целях недопущения разрушения школы как таковой. Мероприятия по подготовке к выборам ускорили процесс политического самоопределения учительства [7, л. 160].

Большинство судебных деятелей признало «недопустимой» работу в новых народных судах. Медицинская, сельскохозяйственная интеллигенция и некоторые представители чиновничества пошли на сотрудничество с Советами. Позиции интеллигенции хорошо прослеживаются в материалах периодической печати. Анализ статей «Сибирского листка» и «Земской сибирской деревни» за первую половину 1918 г. указывает, что отношение к советской власти было скорее выжидательным, чем негативным [7, л. 161]. В связи с введением политики «военного коммунизма», представители профессиональных групп интеллигенции терпели нужду, многие вынуждены были распродавать имущество, и находились в тяжелом материальном положении [8, л. 1].

Список литературы

1. Сибирский листок. – Тобольск, 1917. – 21 мая.
2. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск. 1992.
3. ГАСПИТО. – Ф. 1545. – Оп. 1. – Д. 49.
4. ГАСПИТО. – Ф. 3941. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАТО. – Ф. И-92. – Оп. 1. – Д. 5.
6. Красильников С. А., Соскин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за утверждение Советской власти. 1917–1918 (лето). – Новосибирск, 1985.
7. ГАСПИТО. – Ф. 3941. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГАТО. – Ф. 92-И. – Оп. 1. – Д. 5.

«КРАСНЫЕ СВЯЩЕННИКИ» В ВИХРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. П. Дворецкая

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярск

В настоящее время судьба православия в годы Гражданской войны активно обсуждается в научных и общественных кругах. В это время в противоборство сторонников и противников советской власти оказалось втянуто и духовенство. Архивные документы свидетельствуют о поддержке отдельными духовными лицами большевиков и службе духовенства в партизанских отрядах. Данные священники получили в народе название «красных».

Ключевые слова: Православие, Гражданская война, социальная катастрофа, Енисейский регион.

«RED PRIESTS» IN THE VORTEX OF THE CIVIL WAR

A. P. Dvoreckaya

Humanities Institute of Siberian Federal University, Krasnoyarsk

At present, the fate of Orthodoxy during the Civil War is actively discussed in scientific and social circles. At this time, the clergy also became involved in the confrontation between supporters and opponents of Soviet power. Archival documents testify to the support of individual clerics of the Bolsheviks and the service of the clergy in partisan detachments. These priests have been called "reds" by the people.

Keywords: Orthodox; Civil war; social disaster; Yenisei region.

Революционные преобразования 1917 г. привели к декларативному отказу религиозных организаций от обязательной для всех политической ориентации – политическая деятельность признавалась делом личной совести и ответственности верующих и духовенства. Они могли выражать поддержку одним политическим группам и осуждать другие, неудобные им социальные режимы. Так, в силу своего авторитета, религиозные институты и особенно господствующая в Енисейском регионе Русская православная церковь оказывали влияние на решения верующих граждан в этот период. Вопреки продекларированному Поместным Собором 1917–1918 гг. отказу от политической зависимости церковные власти не смогли отстраниться от воцарившегося в стране противостояния и были вынуждены определиться в своих предпочтениях.

На первом заседании четвертого Енисейского епархиального съезда духовенства и мирян 6 (19) августа 1918 г. вновь избранный епископ Красноярский и Енисейский Назарий приветствовал решения Временного Сибирского правительства и благодарил его за дарование свободы веры и совести, возвращение в школы Закона Божьего [1, л. 10, 16–17, 22]. Сами миряне на приходских собраниях самостоятельно избирали священнослужителей (Большеинский приход

Минусинского уезда, 20 июня 1918), священников удаляли из церкви (Александровский приход, 25 июля 1918) [2, л. 1 об., 3 об.].

В политическое противостояние оказалось втянуто и рядовое духовенство. Значительная часть приходских священнослужителей поддержала белое движение. 24 мая 1919 г. церковное управление Сибири наградило 12 священников Красноярско-Енисейской епархии за их деятельность в борьбе с партизанским движением [3].

С другой стороны, после падения власти советов летом 1918 г., в протоколах заседаний Енисейского епархиального церковного совета появляются сведения о поддержке отдельными духовными лицами большевиков и службе духовенства в партизанских отрядах. Данные священники получили в народе название «красных». 21 августа 1918 г. епархиальный совет рассматривал дело о запрещении И. Вашкорина в служении, отстранении от священнического места за службу в Красной Армии. Сам Вашкорин в это время находился в тюрьме [2, л. 10 об.].

23 августа слушалось дело священника Ужурского прихода Горбунова (инициалы не указаны) о служении молебна большевикам. Дело оставили без решения. По-видимому, епархиальные выборные органы просто не знали, как поступить в такой ситуации. За священника заступились и прихожане. 5 февраля 1919 г. было вынесено решение о его продолжении службы в должности настоятеля «в виду установления мира и порядка» [2, л. 11 об., 83 об.].

3 декабря рассматривалось дело по поводу агитации священником Александровского прихода Николаем Воцинским против Временного Сибирского правительства. Решение по делу было отложено до выяснения всех обстоятельств. 3 января 1919 г. дело рассматривалось повторно, что говорит уже о его «злостном» характере. По делу требовалось провести дознание [2, л. 56, 71 об.] 11 декабря 1918 г. по делу о большевистской агитации привлекался к ответственности священник Таштыпского прихода Василий Новочадовский. Священнику было решено «поставить на вид» и напомнить об его «пастырском долге» [2, л. 59].

Самыми громкими в этом ряду стали церковные процессы над служителями церкви, которые были запрещены в служении и рясоношении. Два священника И. Вашкорин и Васильев (имя не указано), и четыре псаломщика были участниками благочиннического съезда пятого участка Канского уезда, принявшего резолюции антицерковного и антиколчаковского характера (дело от 14 сентября 1918 г.). Первый запрещался в служении на «неопределенное» время и назначался на вакантное место псаломщика, второй заключался на один месяц в Красноярский Успенский монастырь в клиросное послушание. Псаломщики Данилов, Страшенко, Забелин и Иванов были отправлены на месяц чистить трубы в этом же монастыре. Все заключенные в монастырь, кроме этого, должны были выплачивать четыре рубля в день на свое содержание. Один из мирян Немченко отлучался от церкви вплоть до раскаяния, остальные миряне – от Святого причастия на год. Браки, которые были заключены И. Вашкориным, считались недействительными [2, л. 22, 22 об.]. Уже 1 ноября священнику Васильеву было объявлено о запрещении в священнослужении [2, л. 47 об.]. 4 сентября с И. Вашкорина и В. Орлова снят священнический сан [4, л. 3].

После захвата власти военными, в духовной среде сформировались антиколчаковские настроения. Идея верховности православия и провозглашение приоритета исконных духовно-патриотических традиций сами по себе были привлекательны для православного духовенства, но служение церкви абсолютной диктатуре, которой на практике являлась власть Колчака, отвергалось. Священнослужители отрицательно относились к вмешательству во внутрицерковную жизнь военных властей, запрещавших хоронить и помянуть убитых большевиков. Они не раз обращались к епархиальным властям с требованием указать военным, что эти вопросы являются прерогативой церкви [5, л. 106, 111 об., 112].

В августе – сентябре 1919 г. православным епархиальным комитетом были приняты еще более непопулярные меры: в поддержку правительства Колчака создавались комитеты помощи армии, проводились молебствия о даровании победы белой армии. Было опубликовано воззвание епископа Красноярского и Енисейского Назария к пастве с призывом к церковному покаянию и проведению крестных ходов и всенародного моления о даровании победы русским (колчаковским) войскам [6].

В результате внутренних разногласий православная церковь частично лишилась имиджа объединяющей силы и утратила моральное право выступать от имени всего народа. Кризисный процесс затронул рядовое духовенство и разлагающе действовал на паству. Упадок духовной дисциплины в священнической среде, отказ от исповеди, святого причастия и исполнения других христианских обязанностей, распространение «незаконных» (невенчанных) браков среди мирян – далеко не полный перечень нарушений церковных предписаний, зафиксированных епархиальными властями [7, л. 27, 28; 8, л. 97 об.]. Многие запрещенные священнослужители продолжали служить и не подчинялись епархиальной власти (как например, священник Галактионовской церкви Облакевич) [2, л. 101].

В целом, в период революций 1917 г. и Гражданской войны религиозные организации стали активно использоваться различными политическими силами, они оказались втянуты в политическое противостояние, что значительно понизило их общественный статус. В целом, служители православного культа не стали монолитной опорой монархии: спектр их политической ориентации был довольно широк и обнаруживал давнюю внутреннюю нестойкость их общественных взглядов (в церковной среде в различных пропорциях нашли поддержку все оппозиционные партии).

Список литературы

1. ГАКК. – Ф. 674. – Оп. 2. – Д. 80.
2. ГАКК. – Ф. 297. – Оп. 1. – Д. 153.
3. Эйнгорн И.Д. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири (1917–1937). – Томск, 1983.
4. ГАКК. – Ф. 297. – Оп. 1. – Д. 154.
5. ГАКК. – Ф. 674. – Оп. 2. – Д. 101.
6. Енисейский вестник, сентябрь – октябрь 1919 г.
7. ГАКК. – Ф. 674. – Оп. 2. – Д. 80.
8. ГАКК. – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 281.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРИ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Е. А. Дегальцева

Бийский технологический институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Бийск

В статье рассматриваются условия существования неполитических общественных организаций Сибири в годы революции 1917 г., раскрываются основные направления их деятельности, эволюция, результаты.

Ключевые слова: революция, благотворительность, общественные неполитические организации, Сибирь.

PUBLIC NON-POLITICAL ORGANIZATION OF SIBERIA IN REVOLUTION IN 1917

E. A. Degaltceva

Biysk Technological Institute (branch) of the Altay State Technical University, Biysk

In this article discusses the conditions of existence of the non-political social organizations of Siberia during the revolution 1917, reveals the basic directions of their activity, evolution, results.

Keywords: revolution, charity, public non-political organization, Siberia.

Долгое время в историографии утверждалось, что демократические институты общественной самоорганизации могут развиваться исключительно в стабильных мирных условиях, и не могут решать вопросы мобилизационного характера, служить рычагами вывода экономики и культуры из кризиса. Однако способность исследуемых нами институтов самоорганизации к адаптации к любым, самым сложным, условиям вполне очевидна из опыта их деятельности в годы первой мировой войны и революции.

Активизация работы существующих и появление новых неполитических общественных объединений пришлось в Сибири на начало 1880-х гг., середину 1890-х и конец 1900-х гг. К середине 1890-х гг. общественных организаций в Западной Сибири насчитывалось уже более 100. Именно в период с начала 1880-х до начала 1890-х гг. были созданы организации, ставшие впоследствии самыми крупными и деятельными в регионе и просуществовавшие до 1917 г. и позже. Среди них отделы ИРГО (Императорского Русского географического общества), ИРМО (Императорского Русского музыкального общества), МОСХ (Московского общества сельского хозяйства), Общества для распространения просвещения между евреями в России, филантропические, художественные, религиозные и научно-просветительные общества в больших и малых городах.

Всего с 1905 по 1914 гг. количество неполитических общественных организаций по сравнению с предшествующим десятилетием возросло в Томске,

Каинске, Колывани, Семипалатинске, Бийске и Ялуторовске в 2,5 раза, в Омске – в 2 раза, в Барнауле – в 1,5 раза [1]. В Томске в 1914 г. действовало около 80 общественных формирований, большинство из которых ставили перед собой культурно-просветительные цели. К февралю 1917 г. в Западной Сибири действовало более 250 городских формирований. К примеру, в г. Тобольске на 500 жителей в этот период приходилось одно общество [2, л. 24 об.].

Если после поражения революции 1905–1907 гг. неполитические общества использовались политическими, то в революционный период такая необходимость отпала, и они действовали в рамках устава. Большинство из них в 1917 г. носили культурно-просветительный и благотворительный характер. На окраинах империи такого рода организации пытались организовать досуг населения, доносить актуальную информацию. Так, например, в Бийске Обществом попечения о начальном образовании систематически велись народные чтения. Они проходили каждое воскресенье в 3 аудиториях: в центре (в Народном Доме) и в школьных зданиях на окраине города. Средняя посещаемость чтений была около 300 человек, в их проведении принимали активное участие все местные общественные организации [3]. Для примера можно привести программу бесплатных народных чтений, проводимых Бийским обществом попечения о начальном образовании в конце 1916 – начале 1917 г.: 1) О войне (из газет); 2) «Маска» Чехова; 3) «Эпизоды войны»; 4) «Слово» – стихотворение Надсона; 5) «Царство потребителей» Ш. Жида; 6) «Индюк» – стихотворение Франка; 7) О Франции [4, л. 64; 5, л. 1, 4].

Несмотря на тяжелое финансовое положение в 1917 г. аналогичное общество в Барнауле организовывало благотворительные спектакли, сбор с которых шел на военные нужды [6, л. 1, 4]. Пьесы ставились с характерными для того времени названиями: «Песнь горя», «Каторжник», «Прахом пошло», «Вне жизни», «Сатана и человек», «Босьяк и регент» и др. [7, с. 3]. Весь 1917 год любительский театр действовал и в Новониколаевске. В Омске к 1917 г. досуг заполняли несколько действовавших цирков, кинотеатров (электро-театров), общественных библиотек, детских площадок, городской сад и городской театр, дом Общества «Просвещение» и театральные помещения других общественных организаций, велось строительство Народного Университета.

В 1917 г. большинство общественных организаций еще продолжали успешно функционировать. Так, Томским обществом попечения о народном образовании, помимо прочих мероприятий, ставится 32 спектакля. Многие художественные общества также продолжали свою активную деятельность и в революционный период, предлагая новые формы работы с населением. Сибирское музыкальное певческое общество открыло народную консерваторию, где широкие слои горожан могли, как познакомиться с музыкальной классикой, так и попытаться найти свое призвание. В консерватории также был открыт доступный для населения класс декламации и практической подготовки к сцене [8].

Существовавшие в крае организации откликнулись на потребности революционного времени, которые активизировали не только общественно-политическую, но и духовную жизнь населения. Большую роль в организации досуга горожан сыграли все виды общественных организаций, привлекавшие

горожан разных сословий в библиотеки, театры, музеи, клубы, Народные дома, на концерты, ипподромы, выставки. Таким образом, в добровольных обществах отражались коллизии тогдашней общественно-политической жизни. Но в конечном итоге, в самих этих объединениях все же возобладала умеренная, собирающая силы тенденция, направленная на решение поставленных специфических задач.

В 1917 г. работали и спортивные общества, ставшие популярными еще в начале XX в.: гимнастические, атлетические, конных скачек, лыжные и др. Почин полезному делу положило созданное в 1895 г. Томское общество содействия физическому развитию. Подъем этих организаций как раз пришелся на канун революции. Российской спецификой стала милитаризация спортивного движения. Согласно «Положению о мобилизации спорта» (8 января 1916 г.) на время войны спортивные и гимнастические общества «как по собственному почину, так и по предложению Главного наблюдателя за физическим развитием народонаселения» образовали по одному военно-спортивному комитету и проводили допризывную подготовку.

В 1917 г. труд, вложенный в создание спортивных клубов, не пропал. Материальную базу, а отчасти и людские ресурсы, именно дореволюционных спортивных обществ, стал использовать Всевобуч. Поменялись только акценты: физическая культура и спорт отныне стали рассматриваться не как развлечение, а как одно из средств решения политических и идеологических задач. После социальных катаклизмов 1917 г. спортивные общества продолжали существовать и даже поощрялись новыми властями. Можно даже утверждать, что до революции правительство лишь наметило свои приоритеты в области спорта, а пришедшие к власти большевики использовали его в своих интересах. Клара Цеткин писала в те годы: «Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт – гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, – разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно!» [9, с. 115].

В 1917 г. активизировалась и деятельность отделов Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям [10, л. 12]. Объединительные тенденции усилились уже во время войны. По инициативе Тюменского уездного отдела в октябре 1915 г. удалось объединить деятельность всех правительственных учреждений, общественных организаций и благотворительных обществ. Собрание представителей этих формирований учредило общий Объединительный Комитет [11, л. 49]. Членами местных отделов становились известные в городе люди. Так, в Тюменский отдел входили В. Л. Жернаков, А. Н. Серебренников, Я. Д. Новосильцев, А. Гикман, А. А. Калинин. В 1917 г. его Правление собиралось более 30 раз. Ликвидировали отдел в конце мая 1918 г. в связи с передачей его полномочий Союзу увечных воинов [11, л. 15].

С 1918 г. в крае постепенно сворачивается благотворительная помощь, закрываются общественные комитеты и организации. Но революционная эпоха дала импульс развитию другого рода общественных организаций, тесно связанных с властью. Таким образом, стабильные существовавшие в Сибири общественные неполитические организации продолжили свою работу и в период по-

литических катаклизмов, тем более, что основные направления их работы касались как раз разных форм поддержки населения. Они стали очагами консолидации общественных сил в период, когда государство теряло рычаги управления в самых разных сферах. Накануне и в годы революционных изменений 1917 г. мы видим устойчивую консолидацию общественных сил, тесное сотрудничество общественных формирований и органов местного самоуправления, как материальное, так и организационное. Общественные организации гораздо раньше поняли необходимость консолидации усилий, заявляя, что государство, местное самоуправление и частные инициативы должны помогать друг другу, совершая «соответствующую для каждой работу независимо от различий их политических взглядов» [12, л. 34].

Список литературы

1. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861 – 1917 гг.) (монография). – Барнаул: Изд. АлтГТУ, 2002. – 288 с.
2. ГАТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1014.
3. Жизнь Алтая. – 1916. – 29 ноября.
4. ЦХАФАК. – Ф. Д. 170. – Оп. 1. д. 658.
5. ЦХАФАК. – Ф. Д. 72. – Оп. 1 доп. Д. 5.
6. ЦХАФАК. – Ф. Д. 72. – Оп. 1 доп. Д. 6.
7. Отчет Общества попечения о начальном образовании в Барнауле за 1917 г. – Барнаул, 1919. 29 с.
8. Народная консерватория в Томске // Сибирская жизнь. – 1918. – 13 янв.
9. Из воспоминаний К. Цеткин о В. И. Ленине // Подписаны Лениным. – М., 1979.
10. ГАТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 547.
11. ГАТО. – Ф. 203. – Оп. 1. – Д. 7.
12. РГИА. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 10.

**ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: КТО ОН?
(СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИЧИН
И ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)**

А. П. Карпов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары

Революция 1917 г. рассматривается как преодоление социального раскола российского общества начала XX века, следствием чего стало построение альтернативного (некапиталистического) индустриального советского общества на базе крестьянской социальности (общины-общности) и превращенного типа крестьянского социального типа – советского человека.

Ключевые слова: Крестьянская социальность, ренессанс общины, «школа революции и фронта», колхозная деревня, советский человек, профессионализация и «автономизация», «постсоветский» человек.

**PEOPLE OF THE 1917 REVOLUTION: WHO IS HE?
(A SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE CAUSES
AND CONSEQUENCES OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION)**

A. P. Karpov

Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Revolution of 1917 is seen as overcoming the social divisions of Russian society of the early XX century, which resulted in the construction of alternative (non-capitalist) industrial Soviet society on the basis of peasant sociality (the peasant community) and developed a type of peasant social type how of the Soviet man.

Keywords: Peasant sociality, Renaissance of the peasant community, "the school revolution and front", collective farms, the Soviet man, professionalization and «autonomy», «post-Soviet» man.

Специфику России начала XX века, переживавшей начальный этап модернизации и формирования буржуазного гражданского общества, характеризует острота противостояния и противоборства двух типов социальности. Один из них («общность») охватывал огромное пространство территориально локализованных общественных связей и массы вовлеченных в них людей (крестьян), отличался крепостью своих вековых традиций и длительной поддержкой самодержавия, другой («общество») – лишь только нарождался и встречал, к тому же, оппозицию в лице царской бюрократии и привилегированного дворянства.

В итоге, особая констелляция исторических обстоятельств того времени в России привела к преодолению раскола, частичности и разорванности социального пространства на базе крестьянской социальности [1, с. 182–203]. Интеграция российского крестьянства в надлокальную систему социальных связей про-

изошла не как итог их классической (в западной традиции) взаимной эволюции в целостность гражданско-правового, рыночно-индустриального общества, поглощающего частичность («микрокосм») крестьянской общности путем социализации крестьянина частным собственником – фермером, а в виде «обратного» поглощения крестьянским социумом всего социального пространства: в результате «выброса» мощной энергии общности, сжатой давлением внешних и внутренних сил, подавившей все институты и структуры «старого» российского общества и государства.

Октябрьский (1917 года) «Декрет о земле», составленный, как известно, на основе наказов крестьян, отменил частную собственность на землю, провозгласил ее «всенародным достоянием», передал в руки «сельских обществ» более 150 млн. десятин конфискованной у различных собственников земли, включив ее тем самым в режим уравнительного внутриобщинного распределения.

Этот многозначный факт стал поворотным в движении страны по пути практического осуществления альтернативной модернизации. Последующие годы стали подлинным ренессансом общины [2, с. 100–150], особо ярко проявившимся в ее активной земельно-передельческой деятельности, натурализации крестьянских хозяйств и повсеместной локализации общественных связей. Права общины как юридического лица (статус «земельного общества») были утверждены Земельным кодексом РСФСР 1922 года и подтверждены в основном союзными «Общими началами землепользования и землеустройства» 1928 года. В 1927 году в общинном землепользовании в РСФСР находилось более 90 процентов всех крестьянских земель.

И в годы НЭПа власть принципиально ограничивала социально-экономическую дифференциацию крестьянства, последовательно блокируя возможное развитие рыночно-ориентированных форм семейного трудового хозяйства. «Истина... заключается в том, – писал в 20-е годы известный экономист Б. Д. Бруцкус, – что никогда еще – ни до освобождения крестьян, ни после их освобождения, ни до Столыпинской реформы, ни после нее – русское крестьянство не было так сильно нивелировано, как сейчас» [3, с. 136].

Кооперация 20-х годов, не затрагивая собственно производственную сферу крестьянского хозяйства, в послеоктябрьской деревне практически не имела шансов для своего развертывания в устойчивое направление социально-экономического развития. Слишком велика была инерция 1917 года. Слишком масштабны социальные изменения, наступившие в результате войн и революций. Как отмечал выдающийся аграрный экономист того времени А. В. Чаянов, в деревне произошла «почти повсеместная... смена руководящего персонала крестьянских хозяйств». К «власти» пришли «бывшие солдаты мировой и гражданской войны, прошедшие школу революции и фронта» [4, с. 215].

Они воевали под разными знаменами, но победили те, кто шел под красными. Они привыкли к атаке, напору, натиску, штурму как методам преодоления жизненных препятствий; они утвердились в общекрестьянском неуважительном отношении к богатству, имущественным правам, рациональному экономическому поведению. Они победили в жестокой междоусобной войне, но не могли стать победителями в хозяйственном строительстве – здесь требовались

совсем иные качества. Они испытывали комплекс «неполноценной» победы без материально осязаемых результатов, без зримого имущественного превосходства. Этот комплекс обостряли государственное «вспомоществование», льготы по бедности и хозяйственные успехи соседей.

Многие из них получили партийные и советские портфели от революции и готовы были к любым решительным преобразованиям деревенского миропорядка [5, с. 153, 159]. Любые послабления в условиях экономического развития крестьянских хозяйств, в расширении политических прав всех слоев крестьянства встречали их яростное сопротивление. В дальнейшем именно они составили опору сталинской политике «раскулачивания» и коллективизации.

Результатом этой политики стала ликвидация институтов семейного и общинного землевладения и их агентов, что привело к созданию социально однородного земельного пространства как необходимой предпосылки развертывания принципа общности в государственное образование.

Исчезли чуждые и враждебные элементы в близком и понятном крестьянству земледельческом мире. Новое государственное обложение, по своему размеру не уменьшившись с дореволюционным [6, с. 200], а затем и намного превзошедшее его, воспринималось, тем не менее, как более терпимое, поскольку «повинности» теперь исполнялись в пользу «своего» (а не «чужого», как в старой России) общества, в котором уже не было помещиков, купцов, ростовщиков, да и своих деревенских «мироедов». По сути, во всем государстве действовал суррогат режима обычного права, что также создавало ощущение «родственности» власти. Натуральный строй советской колхозной деревни, со своей стороны, воспроизводил близость и «понятность» советского общества традиционному крестьянину.

Культивирование народных традиций, обычаев, «малой культурной традиции» в фольклорном и «большом» искусстве придавало этому обществу настоящему традиционный облик. Не будем забывать, что в деревне того периода были и энтузиазм, и соревнование, и ударничество, и стремление к просвещению и культуре, спорту и т. д. Стало быть, *mutatis mutandis*¹, можно утверждать, что колхозный строй (несмотря на весь трагизм своего создания) в целом явился органичной для российского общинного крестьянства формой интеграции в большой мир – советское индустриальное общество.

Его субъектом стал превращенный тип крестьянского социального типа – советский человек: первый массовый тип личности в российской культуре. Он воспринял коллективистские нормы и традиции крестьянской жизни, ее «мирской дух», но был сформирован и мощными импульсами модернизации, пафос которой особенно характерен для периода строительства нового общества (1920–1950-е годы).

«Советский человек» формировался как новатор, но новатор общинно-коллективистского типа, с острым желанием обновления жизни – но не столько своей, индивидуальной, сколько – «всего трудового люда»; с жадой образования, культуры – но в упрощенных формах ускоренного присвоения поверх-

¹ *mutatis mutandis* (лат.) – с некоторыми оговорками (изменениями).

ностных знаний и навыков, отфильтрованных «классовым подходом» и политико-идеологической цензурой; как самовластный и рабски зависимый одновременно индивид [7, с. 86], преисполненный решимости самозабвенно осуществлять «решения партии и правительства», выражающие единую «сущностную» общенародную волю.

Благодаря его героизму и самоотверженности было построено советское (некапиталистическое) индустриальное общество. Крестьяне растворились в этом обществе, став доминирующим социальным субстратом в формировании целостного (монокультурного) социального типа – «советского человека», как своего собственного отрицания. Те, кто остался в деревне, были прикреплены к «колхозам» в качестве «наемных работников с наделом», осуществлявших на национализированной земле производство сельскохозяйственной продукции для государства.

Вместе с тем крестьянская общность передала советскому обществу в качестве своего наследия не только принципы организации социума как целостности, но и свою внутреннюю противоречивость, двойственность, усиленную процессами модернизации дореволюционной России. Фундаментальное социальное противоречие крестьянского суборганизма – между принципом «общей связи» (общностью) и хозяйственной индивидуальностью крестьянина, в свернутом виде существовало на всех этапах становления и эволюции личности советского человека.

Развертывание этого противоречия было подчинено логике индустриализации и урбанизации, которые неумолимо вели к профессионализации и «автономизации» советского человека, формированию у него потребности в индивидуальных способах самоутверждения и социального признания. На поздних этапах эволюции государства-общности его унаследованное противоречие стало явным, приобрело разнообразные формы открытого столкновения личностных устремлений к свободе индивидуального выбора с монополично господствовавшими партийно-коллективистскими институтами социального контроля.

Отказавшись от них и разрушив советское государство, советский человек потерял свою социальную определенность – он стал «постсоветским» человеком. Его переход к новой сущности – сложный процесс трансформации и становления нового «несоветского» социального типа, требующий пристального внимания социологической науки, всего комплекса социально-гуманитарных наук современной России.

Список литературы

1. Карпов А. П. Крестьянская общность и модернизация России // Проблемы социально-политической теории и практики в современной России: сборник статей. – Чебоксары, 2006.
2. Кабанов В. В. Октябрьская революция и община // Исторические записки. – 1984. – Т. 111.
3. Бруцкус Б. Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба // Вопросы экономики. – 1991. – № 9.

4. Чаянов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с его довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 6.

5. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М., 1988.

6. Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 7.

7. Успенский Г. И. Власть земли. – М., 1985.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.

Н. Ю. Кривопалова

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Самара*

В статье рассматриваются основные направления общественно-политической деятельности буржуазной интеллигенции в составе Самарской организации партии кадетов в 1917 г.

Ключевые слова: буржуазная интеллигенция, Самарская организация партии кадетов, общественно-политическая деятельность.

SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES OF THE BOURGEOIS INTELLIGENTSIA OF THE SAMARA PROVINCE IN 1917

N. Yu. Krivopalova

Samara National Research University, Samara

The article discusses the main directions of social and political activities of the bourgeois intelligentsia in the composition of the Samara organization of the Cadet Party in 1917.

Keywords: bourgeois intelligentsia, the Samara organization of the Cadets, social and political activities.

После Февральской революции 1917 г. начинается качественно новый этап политической деятельности буржуазных организаций в России и, в том числе в Среднем Поволжье. Временное правительство, пришедшее к власти 2 марта, преследовало цели обновить государственные институты и выиграть войну, оставив проведение структурных реформ Учредительному собранию.

В этот период возрастает политическая активность региональных организаций буржуазных партий. В Самарской губернии это относится, прежде всего, к местной организации партии кадетов, социальный состав которой в значительной степени пополнялся из представителей различных групп интеллигенции. В Самарскую кадетскую организацию входили видные интеллигенты-либералы: присяжные поверенные А. Г. Ёлшин, В. В. Ветров, П. П. Подбельский, врачи Е. Л. Кавецкий, П. П. Крылов, журналист А. К. Клафтон, земские гласные Г. Н. Костромитинов, В. А. Племянников и др. Анализ исторических источников показал, что интеллигенция сыграла решающую роль в создании Самарской организации партии кадетов, определении основных направлений ее развития и руководстве деятельностью партии в 1905–1917 гг. [1, с. 330–332]. В 1917 г. председателем губернского комитета конституционно-демократической партии являлся Александр Григорьевич Ёлшин – присяжный поверенный Самарского окружного суда. После Февральской революции А. Г. Ёлшин возгла-

вил в Самарской Городской Думе фракцию партии кадетов, выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания.

Важнейшим направлением политической активности кадетской партии было участие ее представителей в деятельности местных органов власти после свержения самодержавия в России. Временный комитет Государственной Думы и Временное правительство принимали меры по обеспечению прихода буржуазии к власти на местах. В Самаре 1 марта состоялось частное совещание гласных Городской Думы, на котором был создан Особый временный городской комитет безопасности из 14 человек [2, с. 27], который пополнялся представителями Военно-Промышленного комитета, Союза городов, кооперативов, воинских частей, Совета рабочих и солдатских депутатов. За месяц состав Самарского комитета увеличился до 200 человек, в исполкоме количественно преобладали кадеты. Основные положения комитета гласили: «Временный Самарский комитет народной власти является в пределах Самарской губернии представителем Временного правительства. Свои мероприятия он координирует с директивами и задачами Временного правительства» [3, с. 357–359].

Но в условиях двоевластия, сложившегося в стране после февраля 1917 г., буржуазия вынуждена была считаться с наличием политического противника в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Отношения складывались сложные, что и нашло отражение в резолюции прошедшего в Самаре 30 апреля 1917 г. губернского делегатского съезда партии народной свободы: «политика советов рабочих и солдатских депутатов по отношению к Временному правительству лишает последнего возможности сосредоточить в своих руках всю полноту власти с целью вывода страны из современного критического положения» [4].

Кадеты занимали позицию последовательной поддержки Временного правительства по всем направлениям, в том числе, по вопросу продолжения войны. На апрельском 1917 г. Самарском губернском делегатском съезде партии принимается резолюция о том, что «война должна быть продолжена до тех пор, пока военное положение позволит России и ее союзникам выработать такие условия мира, которые бы обеспечили полную неприкосновенность территориальных владений. Всякие разговоры о сепаратном мире считать позорными» [4].

В русле принятых решений одним из направлений общественно-политической деятельности кадетской партии стала активная пропаганда «Займа Свободы». Для привлечения широких коммерческих кругов к участию в реализации займа при Самарском торгово-промышленном обществе была образована особая комиссия, на которую возлагалась обязанность войти в непосредственные контакты со всеми слоями торгово-промышленного класса; ознакомить их с условиями, льготами подписчикам и держателям при покупке, хранении и залоге облигаций займа [5]. 14 мая в Самаре была устроена манифестация для популяризации «Займа Свободы», и в ответ на это на объединенном заседании советов военных, рабочих и крестьянских депутатов местные большевики в резкой форме доказывали, что участие в займе на руку буржуазии и принесет непосредственный вред делу революции. В случае неуспеха займа ответственность возлагалась на имущие классы [6].

Полемика кадетов с политическими оппонентами происходила на страницах самарской газеты «Волжский день», главным редактором которой являлся

А. К. Клафтон, активный участник местной партии кадетов. А. Г. Ёлшин возражал против резкой полемики с меньшевиками, которую начали в газете сторонники А. К. Клафтона. Он считал, что время требует деловой работы. Позицию А. Г. Ёлшина в партии поддержали врач Е. Л. Кавецкий, заведовавший лабораторией в Самарской земской больнице, и присяжный поверенный П. П. Подбельский – председатель Самарского общества поощрения образования. В целом представители интеллигенции в составе партии кадетов в этот период занималась широким кругом общественно-значимых вопросов. Так, А. Г. Ёлшин, являвшийся председателем Самарского археологического общества, изучал наиболее старые дела из архива окружного суда [7, л. 115]. Под его руководством проводилась работа по созданию революционного и церковно-археологического отделов в городском музее. А. К. Клафтон и П. П. Подбельский участвовали в разработке вопроса об открытии в Самаре университета [8, л. 761–764].

Осенью 1917 г. в условиях обострения общенационального кризиса представители кадетской партии делали последнюю ставку на участие в завоевании возможного большинства голосов при выборах Учредительного собрания. Однако надежды на широкое представительство в новом государственном органе власти не оправдались в условиях неспособности буржуазного Временного правительства коренным образом изменить ситуацию в стране. В ходе выборов в целом по России из 44 433 309 избирателей за кадетов проголосовало 2 088 121 человек (4,7 %), за эсеров 17 942 974 человека (40,4 %), большевики получили 10 661 130 голосов (24 %), меньшевики – 1 144 615 (2,7 %) [9, с. 58–59]. В средневолжском регионе картина была схожей с общероссийской: по итогам выборов в Учредительное собрание по партийным спискам за кадетов было подано около 2 % голосов из общего числа голосовавших [10, с. 80].

Таким образом, общественно-политическая активность буржуазной интеллигенции Самарской губернии в 1917 г. была связана с деятельностью местной кадетской организации в целях поддержания политики Временного правительства, с участием в работе местных органов власти и попытками воздействовать на политическую ситуацию в регионе.

Список литературы

1. Кривопалова Н. Ю. Роль интеллигенции в создании и деятельности Самарской организации партии кадетов в 1905–1917 гг. // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: материалы XVII Международной научно-теоретической конференции. – Иваново, 2006.
2. Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). – М., 1983.
3. Блюменталь И. И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: Хроника. – Самара, 1927. – Приложение 5.
4. Волжский день. – Самара. – 1917. – 3 мая.
5. Волжский день. – Самара. – 1917. – 14 мая.
6. Волжский день. – 1917. – Самара. – 17 мая.
7. ГАСО. – Ф. 352. – Оп. 2. – Д. 1.
8. ГАСО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 197.
9. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). – М., 1967.
10. Салова С. В. Буржуазия в России в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. – Самара, 2005.

**СУДЬБА УРАЛЬСКИХ ЛЕВОЭСЕРОВСКИХ АКТИВИСТОВ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИИ И. А. ШАБАЛИНА)**

М. И. Люхудзаев

Музейный ресурсный центр, Ноябрьск

На примере биографии И. А. Шабалина показаны ценностные ориентации и поведенческие практики региональных левозэсеровских лидеров в период Революции 1917 г. и Гражданской войны. Рассматривается его участие в работе органов советской власти и причины конфликта с большевиками. В статье представлены неизвестные ранее биографические сведения.

Ключевые слова: история политических партий, партия левых социалистов-революционеров, Гражданская война в России, Урал, репрессии.

**THE FATE OF THE URAL LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARY
ACTIVISTS DURING THE REVOLUTION OF 1917 AND THE CIVIL WAR
(BASED ON MATERIALS FROM THE BIOGRAPHY OF I. A. SHABALIN)**

M. I. Lyukhudzaev

Museum resource centre, Noyabrsk

For example, the biography of I. A. Shabalin shown the value orientations and behavioral practices of regional left socialist-revolutionary leaders in the Revolution of 1917 and the Civil war. Discusses his participation in the work of the organs of Soviet power and the causes of the conflict with the Bolsheviks. The article presents previously unknown biographical information.

Keywords: history of political parties, the party of the left socialist-revolutionaries, the Civil war in Russia, Ural, repression.

Исследование жизни представителей политически активной части населения в период революции 1917 г. и Гражданской войны раскрывают ценностные ориентации, жизненные стратегии, поведенческие практики, механизмы противоборства, характерные для этой эпохи. Особое внимание исследователей привлекает история партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), являющейся важным элементом российской политической системы на этапе становления советской власти. В данной работе сделана попытка на примере партийной деятельности лидера левых эсеров Вятской губернии И. А. Шабалина показать судьбу уральских левозэсеровских активистов в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны.

Иван Андреевич Шабалин (1888–1937), родившийся в г. Петербурге, происходил из крестьян Вятской губ. Во время службы на флоте он вступил в эсеровскую партию в 1910 г. До апреля 1912 г. Шабалин служил кочегаром 1-й статьи на броненосце «Рюрик» на Балтике. При подготовке восстания на флоте

его схватили вместе с другими заговорщиками и по приговору временного Военно-морского суда осудили на 14 лет каторжных работ (по другим данным: его приговорили к смертной казни, замененной 20-летним сроком каторжных работ.). Около двух лет он провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости и «Крестах», а затем отбывал каторгу в Шлиссельбурге.

Освобожденный в 1917 г., Шабалин был делегирован от Балтийского флота в состав исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов 1-го созыва и стал редактором журнала «Шторм» – органа матросского клуба «Объединение». Одновременно он активно публиковал свои очерки по истории революционного движения на флоте в газете ревельских левых эсеров «Борьба» и журнале «Моряк» [1, л. 99]. Оставаясь с апреля 1917 г. до середины 1918 г. членом ВЦИК, Шабалин примкнул к левым эсерам после раскола эсеровской партии. Занятие немцами г. Ревеля, где Шабалин был в составе президиума городского Совета, привело к тому, что он вернулся в Вятскую губернию, став членом Котельнического уездного исполкома Советов и редактором местной газеты «Земля и Труд».

Шабалин принял активное участие в восстановлении порядка в Котельническом уезде и противодействии летучему отряду Л. Журбы, разгонявшему исполкомы местных Советов, проводившему обыски, аресты, расстрелы [2, л. 86, 113, 205]. По итогам этой работы VII уездный съезд Советов выразил ему благодарность наряду с другими членами исполкома, которые приложили усилия к освобождению Котельнича и уезда от «позорных элементов, в корне подрывавших авторитет советской власти» [3, с. 4]. Участвуя в налаживании партийной работы в Вятской губернии, И. А. Шабалин был избран председателем на I губернской конференции ПЛСР, открывшейся 16 июня 1918 г. и собравшей представителей от восьми уездов, объединявших до двух тысяч членов партии. На ней было принято решение о немедленном вооружении всех членов партии, организации губернского бюро, принят проект устава о трудовых сельскохозяйственных коммунах.

Столкнувшись с противодействием большевиков при выборах представителя на V Всероссийском съезде Советов, Шабалин заявил 26 июня на заседании Котельнического уездного исполкома, что ПЛСР идет на кровные уступки, позволяя небольшой группе коммунистов, которая оказывает давление на исполком, отправить своего делегата [4, л. 263]. Он заявил, что это обстоятельство будет доведено до сведения VIII уездного съезда Советов. Оказавшись в Москве вместе с левыми эсерами делегатом V Всероссийского съезда советов А. Н. Махневым и делегатом III Всероссийского съезда ПЛСР А. С. Мисуно, он был арестован по делу о выступлении левых эсеров 6–7 июля 1918 г. и отпущен только 13 июля [5, л. 113].

По решению губернской конференции ПЛСР Шабалина избрали в члены Вятского комитета партии, а также официально пригласили принять участие в редактировании новой ежедневной партийной газеты в Вятке [6, с. 4]. Подчиняясь партийной дисциплине, Шабалин сложил с себя полномочия ответственного редактора газеты «Земля и труд» и переехал из Котельнича в Вятку. 3 августа 1918 г. на первом губернном съезде работников печатного дела в Вятке

Шабалин, как левый эсер, не разделяющий политики части ЦК, вошел в состав губернского совета [7, с. 3]. Возможно, это обстоятельство спасло его от участи его соратников А. С. Мисуно и А. Н. Махнева, расстрелянных по постановлению ЧК в Котельниче за принадлежность к ПЛСР [8, с. 1].

Возвратившись в Петроград, Шабалин вместе с П. Богдановым возглавил левоэсеровское подполье, но был арестован чекистами на конспиративной квартире левых эсеров 15-го февраля 1919 г. Встретившись в заключении с А. А. Блоком, Шабалин заявил поэту, что писатели все происходившее должны видеть своими глазами, подчеркнув: «Кто сможет сказать, что пережил русскую революцию, если он ни разу не побывал в Чрезвычайке» [9, с. 65]. Шабалин был доставлен в Москву 2 апреля 1919 г. по ордеру областной ЧК как член ПЛСР. Бывший одновременно с ним в Бутырской тюрьме историк С. П. Мельгунов писал, что Шабалин, перенесший много лишений в дореволюционных тюрьмах, человек честный и не склонный к преувеличениям, с горечью сообщил о более суровых пытках, которым его подвергли в Чрезвычайке [10, с. 137]. Осенью 1919 г. Шабалин подписал «Тезисы ЦК ПЛСР» о единстве революционного фронта. В апреле 1921 г. он был вывезен в Орловский централ, откуда ему удалось совершить побег. (По другим данным: арестованный в 1920 г., через год Шабалин был освобожден без суда). После этого Шабалин стал членом Центрального Секретариата ПЛСР – технического органа, заменявшего арестованных членов ЦК партии. В марте 1922 г. Шабалин был снова арестован на конспиративной квартире в Петрограде, и при аресте подвергнут жестокому избиению. 14 апреля по распоряжению ОГПУ под усиленным конвоем он и еще три члена ПЛСР (Д. Сапер, А. Соколова, Е. Литвинова) были отправлены в Москву [11, с. 284–285]. Однако Шабалину удалось бежать 16 апреля по дороге, когда, не доехав 50 верст до города, он выбрался из вагона в окно и, несмотря на открытый по нему чекистами огонь, скрылся. Снова его арестовали с десятью другими левыми эсерами 31 декабря 1922 г. по обвинению в организации партийной конференции под видом встречи Нового года. Шабалина осудили коллегией ОГПУ на два года политизолятора, затем сослали в Сибирь на два года.

После окончания ссылки в Красноярской губернии, лишенный права проживания в шести губерниях, с прикреплением к определенному месту жительства, Шабалин 27 августа 1926 г. прибыл в Нижний Новгород, где сразу оказался под пристальным наблюдением губернского отдела ОГПУ. Согласно докладом в 3-е отделение секретного отдела ОГПУ начальника Нижегородского губотдела ОГПУ Леймана и начальника секретного отдела Загвоздкина, в этот период Шабалин связался с административно-высланными левыми эсерами М. И. Крупновой и Е. Я. Евстафьевой, которые позднее познакомили его с другими административно-высланными эсерами, меньшевиками и анархистами в Нижнем Новгороде. Шабалин завязал переписку с административно-высланными левыми эсерами Е. Н. Мальмом в Новониколаевске, В. И. Петровым в Казани и Г. Я. Голубковым-Хохловым в Челябинске. Одновременно он приступил к работе над «Историей революционного движения в Нижегородской губернии». Перлюстрацией документов в октябре – декабре 1926 г. была установлена связь

Шабалина с лидерами ПЛСР И. К. Каховской, И. А. Майоровым, М. А. Спиридоновой, И. И. Ивановым, Д. Л. Сапером, а в феврале 1927 г. – с М. Д. Самохваловым и Б. Д. Камковым. Сетую на слабую взаимосвязь среди ссыльных в Нижнем Новгороде, он пытался организовать помощь ссыльным книгами и деньгами, для чего предлагал вести активную агитацию среди студенчества. Возможно, по причине такой активности, в апреле 1928 г. Шабалин был отправлен на жительство в Тверь.

Вернувшись позднее в Ленинград, Шабалин работал научным сотрудником Военно-морского музея и сотрудничал с Обществом бывших политкаторжан. В начале 1933 г. его арестовали по делу о «Народническом центре» и осудили на три года ссылки. Шабалин отбывал наказание в Челябинском изоляторе, откуда в 1934 г. его перевели в Тобольск, где он работал на судовой верфи Лесотреста. В июне этого же года Шабалина перевели в Остяко-Вогульск (Ханты-Мансийск), где он стал одним из основателей местного краеведческого музея [12, с. 227–229]. Приказом по ОкрОНО Шабалина назначили с 1 июля 1934 г. в штат отдела на должность научного работника по организации музея. Имея высшее образование, опыт научной работы, обладая организаторскими способностями, Шабалин подготовил справки о необходимых управленческих решениях для создания музея и приступил к поиску людей, способных помочь собрать музейный фонд. В 1935 г. официально музей уже существовал, и Шабалину стали поручать устройство выставок. Однако 20 февраля 1936 г. он был отстранен от должности без какой-либо мотивировки. Шабалина осудили на 5 лет, но отбывал он наказание лишь несколько месяцев. Хотя его освободили 20 января 1937 г. по постановлению Тобольского городского суда, к работе в музее Остяко-Вогульска Шабалина не вернули. В этот период он мало общался с другими ссыльными, находясь в стороне от отбывавших в Остяко-Вогульске наказание левых эсеров. По его словам, с 1923 г. никакой политической работы он не вел, о существовании контрреволюционных организаций ему ничего не было известно. Накануне последнего в своей жизни ареста 8 июля 1937 г. Шабалин работал архивистом Тобольского горкомхоза. Тройкой УНКВД по Омской области он был приговорен к высшей мере наказания 5 августа 1937 г. и расстрелян в г. Тобольске 12 августа 1937 г. Реабилитировали Шабалина 6 июня 1989 г.

Посвятив большую часть своей жизни политической борьбе, после освобождения в 1917 г. Шабалин получил возможность активно участвовать в революционных событиях, являясь членом ВЦИК. Занимая ряд руководящих должностей в Советах, играя важную роль в деятельности ПЛСР, в 1918 г. он вел партийную и советскую работу в Вятской губернии, но позднее был вынужден уйти в подполье. Чем активнее он действовал в рядах поставленной вне закона левоэсеровской партии, тем меньше вариантов у него оставалось примириться с существующим большевистским режимом. Подвергаясь репрессиям со стороны большевиков, Шабалин был лишен возможности заниматься научными исследованиями в условиях сложившейся политической системы даже после прекращения активной партийной деятельности.

Список литературы

1. ГАРФ. – Ф. 8419. – Оп. 1. – Д. 273.
2. ГАРФ. – Ф. 393. – Оп. 3. – Д. 116.
3. Земля и Труд (Котельнич). – 1918, 16 апреля.
4. ГАКО. – Ф. 875. – Оп. 1. – Д. 142.
5. ЦА ФСБ. – Ф. Н-8. – Т. 15.
6. Известия Котельнического исполкома Советов крестьянских, армейских, рабочих депутатов. – 1918, 24 июля.
7. Известия Вятского губисполкома Советов. – 1918, 7 августа.
8. Известия Котельнического исполкома Советов. – 1918, 29 сентября.
9. Белый А., Иванов-Разумник Р. В., Штейнберг А. З. Памяти Александра Блока. – Томск: Водолей, 1996.
10. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990.
11. Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. – М., 2007.
12. Белобородов В. К. Две жизни // Музей: вехи жизни. Историко-краеведческий сборник. – Ханты-Мансийск, 2007.

КОМИССАРЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е. В. Миронова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань

В статье рассматривается институт комиссаров Временного правительства, существовавший с марта по октябрь 1917 г. На примере Казанской губернии показаны социальный состав губернских комиссаров, задачи, стоявшие перед ними, их взаимоотношения с правительством и местным населением, проблемы, возникавшие в ходе работы. Исследуется не только комиссарство как политический институт, но и приведены краткие биографические сведения о лицах, занимавших комиссарские должности в этот период.

Ключевые слова: история, Казанская губерния, Временное правительство, губернские комиссары, 1917 год, Февральская революция, Октябрьская революция.

COMMISSIONERS OF INTERIM GOVERNMENT IN KAZAN PROVINCE

E. V. Mironova

Mardjani Institute of History of Academy of Science of Tatarstan Republic, Kazan

The article discusses the institution of the commissars of the Provisional Government that existed from March to October in 1917. In Kazan province were shown the social composition of the provincial commissioners, their tasks, the relationship with the government, local population, problems encountered in the course of work. We study commissarstvo as a political institution and give short biographies of commissioners in this period.

Keywords: history, Kazan province, Provisional government, provincial commissioners, 1917, the February revolution, the October revolution.

После Февральской революции 1917 г. на местах был создан институт комиссаров, заменивший власть губернаторов. По словам председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова, комиссары были лишь посредниками между центральной властью и создавшимися местными органами власти, чтобы облегчить процесс их оформления [1, с. 65]. Однако создавшиеся иногда стихийно общественные комитеты не признавались органами власти [2, с. 31], и над ними ставились комиссары, через которых можно было проводить политику Временного правительства непосредственно. Согласно постановлениям новой власти, комиссарами назначались председатели земских управ, как на губернском, так и на уездном уровнях. Такой выбор комиссарами председателей земских управ был не случаен. Это были демократически избранные представители народа, но в то же время они не были радикально настроенными революционерами, и большинство из них придерживались либеральных взглядов, как и министры правительства.

За время нахождения у власти Временного правительства в Казанской губернии сменилось 3 комиссара. Избрание председателя Казанского губернского

земского собрания состоялось лишь накануне его назначения комиссаром – 5 марта. Во время выдвижения кандидатур большинство записок было подано за А. Н. Плотникова. Однако для его вступления в должность требовалось утверждение со стороны министра внутренних дел Львова, что продлилось почти месяц, и к исполнению своих служебных обязанностей Плотников официально приступил только 30 марта.

До этого момента его обязанности исполнял В. В. Молоствов. Владимир Владимирович Молоствов родился 3 мая 1869 г., окончил Николаевское кавалерийское училище, делал военную карьеру, но в боевых действиях не участвовал. В 1908 г. он выходит в отставку в чине полковника и начинает работу в земских и дворянских органах самоуправления в Тетюшском и Спасском уездах, где у него находились имения. Был женат на дочери князя Имретинского, Нине Михайловне, от которой у него был сын Николай, но брак расторгнут в 1897 г. с воспрещением Молостнову навсегда жениться [3]. Неизвестно, чем он занимался во время войны, но к 1917 г. опыт управления у него, если и был, то небольшой, но и находился у власти он недолго.

Сменивший его Александр Николаевич Плотников являлся его одногодкой, но обладал большим опытом земской деятельности. Он окончил 1-ю Казанскую гимназию и прослушал курс наук в Московском университете. Бесплатно преподавал гигиену в Сумароковской второклассной школе, за что получил благодарность от Казанского епархиального училищного совета. С 1895 г. состоял гласным Тетюшского уездного земского собрания, выбирался его председателем, в 1911 г. утвержден заступающим место председателя губернской управы. Был женат на крестьянке А. Е. Вотяковой, что служило в пользу его демократического образа [3].

Оба комиссара были дворянами со средним землевладением, зрелого возраста, но еще не старые. Разительно отличался от них последний губернский комиссар, прослуживший дольше всех – с мая по ноябрь 1917 г., – Валериан Андреевич Чернышев. На момент вступления в должность ему было лишь 24 года. Нам неизвестна его сословная принадлежность, но он примыкал к партии эсеров, окончил юридический факультет Казанского университета и до 1917 г. служил лишь присяжным поверенным [4, с. 308]. Такой внезапный взлет был невозможен до революции. Чернышев состоял помощником губернского комиссара Плотникова, и когда тот покинул свой пост из-за болезни, практически без выборов был назначен на его место. Только про него имеются сведения о жизни после отставки. Он был отстранен после Октябрьской революции, жил в Куйбышеве, где был арестован в 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной пропаганде» и «контрреволюционной организационной деятельности» и приговорен к расстрелу [4, с. 308].

Губернские комиссары обязаны были беспрекословно слушаться верховную власть, но самые ответственные вопросы им приходилось решать самим. Так, министр внутренних дел разъяснял, что вопрос о применении вооруженных сил для предотвращения насилия и грабежей находится в ведении губернских комиссаров и должен решаться ими по согласованию с военными властями. Также они занимались разъяснениями спорных вопросов, улаживали кон-

фликты с другими властными органами. Сельские и волостные комитеты действовали зачастую без оглядки на законы и самовольно отбирали землю у помещиков. А 13 мая Совет крестьянских депутатов Казанской губернии и вовсе выпустил постановление, согласно которому частновладельческая земля передавалась в ведение крестьян [5, л. 6].

Кроме того, на губернском комиссаре лежали обязанности председателя земской управы. Естественно, совмещение этих постов требовало полной самоотдачи, что не всякий мог выдержать. Н. А. Плотников уже во время избрания его председателем губернской земской управы хотел отказаться от баллотировки, назначение же его на пост руководителя губернии оказалось ему явно не по силам. 19 мая он обращается в МВД, и сообщает, что по состоянию здоровья больше не может нести свои обязанности и передает их своему заместителю Чернышеву. Хотя Плотников и предоставил справку от врачей, но вполне возможно, что он просто использовал ее как повод для освобождения от тяготившей его должности.

Весьма показательно, как после него стал губернским комиссаром Чернышев. Плотников писал в МВД, что выборы нового комиссара отложены до 28 мая. В ответе, полученном из министерства, говорится, что губкомиссаром назначен Чернышев, поэтому отпадает необходимость в обсуждении кандидатур. Здесь надо отметить, что Временное правительство стремилось именно назначать губернских комиссаров, где это было возможно. Но назначение Чернышева не «проглотили» просто так. На заседании Казанского губернского комитета общественной безопасности 28 мая сам Чернышев заявил, что он не считает себя вправе занимать эту должность до избрания его губкомитетом. По этому вопросу завязалась дискуссия. Голосование все же было проведено, в результате которого Чернышев был избран 85-ю избирательными шарами против 4-х неизбирательных [6, л. 63–64].

Чернышев и ранее, находясь еще на посту помощника комиссара, несколько осаживал запросы центральной власти. В мае пришел запрос из МВД, не считает ли губернский комиссар князь П. А. Урусова соответствующим кандидатом на открывающиеся вакансии членов административного отделения окружного суда, которое осуществляло надзор за действиями органов местного самоуправления. В то время пост товарища министра внутренних дел занимал князь С. Д. Урусов, вполне возможно состоявший в родственных связях с вышеназванным кандидатом, и который мог похлопотать о выгодной должности для своего родственника. Как бы то ни было, Валериан Андреевич, который, видимо, замещал тогда Плотникова, дает твердый ответ, что князь Урусов безусловно не соответствует этой должности и может быть назначен податным инспектором, что более соответствует его способностям [7, л. 319, 326].

И, наконец, следует сказать о бытовых условиях губернских комиссаров. Это были обеспеченные люди, владевшие поместьями и получавшие с них доход, позволявший им вести безбедную жизнь. Жалованье им не выплачивалось, но существовали суточные при командировках. В пределах губернии губернские комиссары и их помощники получали по 5 рублей в сутки, за пределы губернии – 10, а при деловых поездках в столицу суточное довольствие составля-

ло 15 рублей. На пароходе и поезде им оплачивалась стоимость билета 1 класса [7, л. 390]. Как мы видим, сама должность дохода не приносила, но комиссары и их подчиненные могли использовать пост для получения маленьких радостей жизни. Так, летом 1917 г., когда в губернии не хватало сахара, и он выдавался только больным, комиссар Чернышев направил в губернскую продовольственную управу запрос на получение этого продукта для служащих комиссариата, поскольку в служебные часы они пьют чай.

Губернский комиссар являлся также председателем губернского комитета общественной безопасности (КОБ). Однако это положение было введено позже, между тем сам комитет образовался еще 4 марта, причем по инициативе губернатора Боярского, который предложил казанскому городскому голове В. Д. Боронину создать небольшой общественный комитет из гласных Думы. Боярский предполагал, что это учреждение будет только контролировать действия полиции, но оно объединило разнородные общественные силы и стало наиболее демократичным органом власти того времени. Первоначально председателем КОБа стал Боронин, но после создания института комиссаров, они возглавили комитет.

Таким образом, в феврале-марте 1917 г. система государственного управления страной была переустроена коренным образом. Ранее для России был характерен традиционный тип власти, при котором лица, занимающие определенные должности и имеющие определенный статус, считались законными руководителями. После революции политическое лидерство стало важнейшим механизмом формирования органов власти [8, с. 37]. Однако пережитки прошлого продолжали чувствоваться и в новых условиях. В Казанской губернии местные общественные силы не выдвинули на ключевые посты личностей, способных увлечь за собой народ. Губернские комиссары были назначенцами, следящими за исполнением постановлений Временного правительства, и их положение отличалось от положения прежних губернаторов только меньшей степенью влияния. В результате основной институт власти, на который опиралось Временное правительство, – комиссары оказались либо простыми исполнителями, либо выходили из-под его контроля. Личностные качества этих людей нивелировались внешними обстоятельствами, делая из них марионеток. После Октябрьской революции и победы Советов в Казанской губернии институт комиссаров был ликвидирован.

Список литературы

1. Кабытова Н. Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук. – Самара, 1999.
2. Мансуров Р. З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006.
3. НА РТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 939. Л. 1–7 об., 123–141.
4. Чернышев Валериан Андреевич // Татарская энциклопедия. – Т. 6. – Казань, 2014.
5. НА РТ. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Д. 28.
6. НА РТ. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1.
7. НА РТ. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Д. 30.
8. Халилова Т. В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000.

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЫЛОВЫХ ЧАСТЕЙ
РУССКОЙ АРМИИ НА ПРИМЕРЕ 38-ГО СИБИРСКОГО
СТРЕЛКОВОГО ЗАПАСНОГО ПОЛКА**

Д. О. Никулин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск

В статье рассматриваются изменения в командном составе 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, а также в уровне дисциплины, положении и правах солдат и их подготовке к боевым действиям, имевшие место в связи с Февральской революцией и демократизацией армии. Дается оценка указанным изменениям и, в первую очередь, эффективности нового руководства полка – рассматриваются его взаимодействие с командованием и Гарнизонным Советом солдатских депутатов, права и обязанности их.

Ключевые слова: Февральская революция, армия, Сибирь, дисциплина, командование.

**THE IMPACT OF THE FEBRUARY REVOLUTION UPON THE DAILY
ACTIVITIES OF THE REAR UNITS OF THE RUSSIAN ARMY
ON THE EXAMPLE OF THE 38TH SIBERIAN RIFLE
RESERVE REGIMENT**

D. O. Nikulin

The Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

This article deals with the changes in the command of the 38th Siberian Infantry Reserve Regiment, as well as in the level of discipline, the position and the rights of soldiers and their preparation for combat, which took place in connection with the February Revolution and the democratization of the army. These changes and, first of all, the effectiveness of the new leadership of the regiment, considering its interaction with the command and the Garrison Council of the soldier deputies, rights and duties are evaluated.

Keywords: the February revolution, army, Siberia, discipline, command.

Среди многообразия проблематик, которые ставит перед нами Первая мировая война, выделяется проблема изменений, имевших место в русской армии в результате Февральской революции 1917 г. Опыт той эпохи по демократизации армии и по сей день остается наиболее глубоким для нашей страны, но в историографии он чаще рассматривается применительно к действующей армии и столичному гарнизону, не затрагивая тыловые регионы и влияние новых порядков на отдельные полки и их подразделения. В этой связи стоит отметить диссертацию И. А. Попова, посвященную Советам военных депутатов Западной Сибири [1]. Помимо исследования работы Советов, автор дает оценку деятельности войсковых комитетов, которые играли немаловажную роль в войсках после революции. О новых порядках писал и В. Л. Кожевин в книге «Российское

офицерство и Февральский революционный взрыв», отмечая, что органы самоуправления «по своей природе абсолютно неприемлемые для армии» [2, с. 170]. Тем не менее, тема заслуживает отдельного исследования.

Вскоре после Февральской революции в 38-м Сибирском стрелковом запасном полку в г. Томске состоялось собрание солдат и офицеров. На нем были определены новые правила их взаимоотношений – в строю солдат исполняет все приказы начальника, который может наказывать, не унижая при этом. Вне службы офицер и солдат имеют одинаковые гражданские права, приветствия на улице – добровольны [3, л. 133]. Кроме того, выражение солдатом «недоверия» ротному командиру могло служить основанием для проведения трехдневного дознания [4, л. 108 об.].

Революция, как известно, сопровождалась неприязненным отношением солдат к офицерам. В связи с этим в Томске вышел приказ по гарнизону, в котором отмечалось, что «в последнее время вновь замечено стремление отдельных частей Гарнизона к самовольному смещению начальствующих лиц. Ввиду существования военных Органов, стоящих на страже порядка и справедливости, подобные явления совершенно недопустимы» [5, л. 127].

6 марта 1917 г. в полку был образован полковой комитет. В результате выборов, в которых участвовали 99 офицеров и 116 солдат, в состав комитета было выбрано по пять офицеров и солдат. Председателем стал офицер [6, л. 1]. Уже 12–13 марта состоялись повторные выборы. 14 апреля 1917 г. полковой комитет был разделен на строевую, хозяйственную и судную секции [6, л. 16]. При Гарнизонном совете была образована главная строевая секция.

31 марта 1917 г. власть вынесения дисциплинарных наказаний в отдельных ротах «временно переходит к ротному комитету» [7, л. 9 об.]. Власть же наказаний на уровне полка перешла к полковому комитету, который сам приводил их в исполнение [7, л. 50]. Ротные комитеты были подчинены полковым; так, ротный комитет учебной команды отказался охранять арестанта по требованию полкового комитета, за что получил выговор, так как был обязан подчиняться полковому комитету [8, л. 157]. Власть новых органов управления хорошо демонстрирует жалоба исполняющего обязанности командира полка подпоручика Р. Собоновича на дерзости в его адрес со стороны унтер-офицера его же собственного полка, а также его просьба наказать обидчика [6, л. 210]. Полковой комитет, однако, не был полностью самостоятельным органом, по важным вопросам часто обращаясь в Гарнизонный совет.

С Февральской революцией и демократизацией армии в войсках ожидаемо упала дисциплина. Так, солдат учебной команды был обнаружен лежащим в караульном помещении; лежа же он приветствовал офицера [6, л. 75]. Помимо этого, писарь отказался печатать приказание, мотивируя это тем, что он «не мальчик ходить в полковой комитет» [9, л. 659].

В 1917 г., как выше упоминалось, ситуация еще ухудшилась. 12 июня 1917 г. от начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба пришло сообщение, что солдаты маршевых рот требуют незапланированных остановок, угрожая начальству железной дороги [10, л. 28], грозя сойти самовольно [9, л. 78].

Для того, чтобы бороться с проблемой побегов, гарнизонное собрание приняло резолюцию, в которой оговаривались такие меры для борьбы с побегами из эшелонов, как воззвания, беседы с солдатами, снабжение их агитационной литературой. Кроме того, солдаты должны были организовывать особые путевые коллективы в каждом вагоне, из которых составлялись бы ротные путевые коллективы, а из тех – эшелонные коллективы [11, л. 72].

Вскоре после Февральской революции подверглась реформам судебная система. Военно-полевые суды были отменены; разбирательства дел военными окружными судами было приказано ускорить [4, л. 190 об.]. Реорганизованы были и тыловые полковые суды; даже 19 мая 1917 г. в полку объявлялось, что «в настоящее время Полковые суды еще не существуют» [8, л. 129 об.]. Позднее организовать суд все же удалось в результате выборов [10, л. 10].

Постоянно ухудшалась и дисциплина среди офицерства полка – так, в ноябре 1917 г. получили выговор за несвоевременное выполнение приказов командиры десяти рот 38-го полка. Пренебрежение своими обязанностями такого количества офицеров, свидетельствует об имевшейся тенденции к ухудшению функционирования подразделения [12, л. 75].

Стала играть роль и появившаяся политическая борьба внутри подразделений. За протест против переизбрания ротного комитета арестовали командира 16-й роты и командира четвертого батальона [9, л. 365]. Председатель ротного комитета этой роты Миронов впоследствии дезертировал с казенными вещами [9, л. 453].

К осени стало наблюдаться значительное сокращение кадров. С 27 сентября увольнялись призывы 1895–1898 гг. [4, л. 408]. Солдат стали отправлять по домам значительными партиями – одна из них насчитывал 906 чел [12, л. 137–143]. Была предусмотрена отправка на полевые работы, если солдат не входил в очередную роту пополнения и не являлся кадровым. Солдаты указанных призывов возвращению в подразделение при этом не подлежали [13, л. 383]. В результате большая часть личного состава оказалась на полевых работах [14, л. 312].

Большинство указанных изменений, имевших место после Февральской революции, усугубляли проблемы, испытываемые армией. Политическая борьба солдат и офицеров, отправка значительного числа личного состава на полевые работы и связанные с этим затруднения, приостановление функционирования полковых судов, передача высшей власти в пределах полка от командира к выборному органу замедляли принятие важных для полка решений. Неспособность этого органа принимать решения самостоятельно, выражавшаяся в частых обращениях в Гарнизонный совет, не могли не способствовать падению дисциплины среди солдат, что наиболее ярко выражалось в разнообразных происшествиях, имевших место при отправке маршевых рот на фронт.

Список литературы

1. Попов И. А. Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.
2. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011.

3. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 44.
4. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 22.
5. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 24.
6. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 32.
7. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 31.
8. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 26.
9. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 34.
10. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 27.
11. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 25.
12. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 28.
13. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 30.
14. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 35.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ В АРМЕЙСКИХ ЧАСТЯХ ВОРОНЕЖА 1917 Г.

М. Е. Разиньков

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Воронеж

В статье изучены способы взаимодействия, осуществляемые в армейских частях, расположенных в Воронеже, в февральско-октябрьский период 1917 г. Выявлены механизмы сотрудничества солдат и офицеров, армейского командования и Советов.

Ключевые слова: Революция 1917 г., армия в революции, социальное взаимодействие, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

THE SOCIAL INTERACTION, REGULATION AND CONTROL IN THE ARMY UNITS IN VORONEZH 1917

M. E. Razinkov

Morozov Voronezh State Forestry University, Voronezh

The article studied the methods of interaction in the army units located in Voronezh in the February-October period of 1917, the mechanisms of cooperation between soldiers and officers, army commanders and Soviets.

Keywords: Revolution of 1917, army in revolution, social interaction, Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies.

Революция 1917 г. принесла не только раскол армии, но и стала временем поиска возможностей для сотрудничества. Осуществление такого взаимодействия обеспечивали: присутствие не только солдат, но и в офицеров в Советах [1, с. 18; 2, с. 49], подтверждение решений Совета в приказах командования.

Воронежский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являлся не только защитником социальных интересов солдат, но и возложил на себя ответственность по охране правопорядка, т. е. осуществлял социальный контроль. Эти задачи невозможно было решать без участия командования. Пытаясь обеспечить доступ солдат к простейшим социальным благам (продовольственному обеспечению, просвещению), Совет искал точки соприкосновения с армейским командованием. Так, приказом начальника гарнизона г. Воронежа от 21 сентября 1917 г. создавалась «гарнизонная комиссия по объединенной закупке и распределению продуктов для довольствия солдат всего гарнизона», при этом первое собрание комиссии назначалось в помещении президиума Военной секции Советов [3, л. 79]. Лидеры солдатских организаций пытались наладить отношения с начальством, выдвигая «рационализаторские предложения»: летом 1917 г. председатель полкового комитета Л. Сысоев на бланке Исполнительного комитета Воронежского Совета предлагал военному министру А. Ф. Керенскому для прекращения волнений солдат, вызванного желанием отправиться по домам на полевые работы, переводить их на службу по месту

проживания, где они могли бы отлучаться на полевые работы без лишних «издержек». При этом Л. Сысоев был «оборонцем» и негативно относился к большевистской агитации, следовательно, пытался искренне предложить решение проблемы в духе создания «милиционной» армии, проходящей службу по месту жительства [4, л. 314]. Очевидно, что апеллирование к военному министру было одной из форм налаживания контактов с начальством. Например, 3 июля 1917 г. член военной секции Совета поручик Минин получил мандат на визит к военному министру для «защиты и отстаивания интересов» солдат 58-го пехотного запасного полка, отправляемых на фронт [4, л. 360].

Одновременно Совет пытался следить за моральным обликом солдат, запрещая или пытаясь как-то ограничить карточные игры, продажу спиртных напитков, рассматривая вопросы о нарушениях солдатами общественного порядка на железных дорогах, в кинотеатрах, у дома Народных собраний, воровстве и злоупотреблениях в госпиталях [3, л. 9, 13; 5, л. 48 об.–49, 289, 292; 6, л. 150–151 об., 307]. Социальное регулирование планировалось выполнять с помощью различных комитетов, связанных с секциями Совета. Так, 24 июля 1917 г. было издано положение о госпитальном комитете, который не только поддерживал дисциплину и выявлял злоупотребления, но и «улаживал недоразумения между больными и администрацией госпиталя» [3, л. 19].

Обратим внимание на реакцию военного начальства. Очевидно, что оно, в общем-то, с пониманием относилось к идее участия солдат в решении социальных и бытовых проблем (т. е. – социальном регулировании), отрицательно относились к их политической активности, а также как и Совет, стремилось реализовывать функцию социального контроля.

В приказе от 8 августа 1917 г. командующего 8-й запасной бригадой Вознесенского вполне признавалась возможность для полковых и ротных комитетов участвовать в организации жизни армии, сетуя только на их повышенную конфликтность и безответственность. Однако он заявлял: «Мне известно, что в одном из полков на повестку заседания ротного комитета были поставлены следующие вопросы: 1) уничтожение милитаризма в Германии, 2) кража сапог членом комитета. Желательно, чтобы рассмотрение первого вопроса было в руках государственных людей всех стран, людей снабженных большим государственным умом и соответствующим образованием, а нам, людям обыденной жизни, надо больше заниматься вторым и ему подобными вопросами» [3, л. 33 об.]. Трудности во взаимодействии офицеров и солдат Вознесенский пытался решить довольно оригинальным способом: с помощью создания должности «офицеров связи», которые, контактируя с ответственными лицами в полках, должны были собирать подробную информацию о положении в армейских частях [3, л. 32 об.]. Иначе говоря, стремясь взять ситуацию под контроль, военное начальство пыталось прибегнуть к тотальной слежке, которая рассматривалась им, однако, как форма взаимодействия командования и солдатских масс. То, что должность «офицера связи» не была пустой фантазией, говорит донесение от 9 сентября 1917 г. командованию Московского военного округа: «В пятом пулеметном полку большевистская пропаганда продолжает пользоваться большими успехами [,] подробности доложит командиромый офицер связи. Вознесенский» [7, л. 57]. В сентябре – октябре 1917 г. последовали приказы

Вознесенского «о воспрещении карточных игр» (23 сентября), о борьбе с солдатским пьянством (10 октября), о посещении солдатами «домов терпимости» (21 октября) [3, л. 84 об., 88–88 об., 102, 123].

Командиры ряда частей искренне старались увидеть в солдате «полноправного гражданина». Так, командир 157 пешей воронежской дружины в конце марта 1917 г. объявил выговор зауряд-подполковнику за то, что тот позволил себе ругать солдата «площадной бранью». «Пора окончательно порвать с прежним взглядом на солдата как на бесправное и безличное существо, обязанное переносить безропотно наносимые ему обиды», – заявлялось в приказе [8, л. 2].

Еще одним способом взаимодействия виделось политическое просвещение солдат, но уже со стороны самих офицеров. Приказом от 28 сентября Вознесенский разрешал некоторым младшим офицерам организовать «народные университеты» в насквозь большевизированном 5-м пулеметном полку. Судя по названию, офицеры не были социалистами, а, скорее всего, пытались реанимировать систему дореволюционных свободных учебных заведений «для народа», где были очень активны кадеты [3, л. 91]. Характерно, что стремясь предотвратить вооруженный переворот в октябре 1917 г., офицеры пытались митинговать, т.е. донести до солдат свои идеи мирным путем, а прибывшие драгуны отказались участвовать в вооруженных столкновениях [1, с. 26].

Описанная ситуация сложных взаимодействий, поисков компромисса в армии объясняет, почему масштабное вооруженное противостояние в России началось далеко не сразу после большевистского переворота. В Воронеже, как и в Москве и других городах, произошла панихида по погибшим офицерам, в т. ч. начальнику гарнизона полковнику Языкову. В дальнейшем солдат мобилизовывали не для борьбы с офицерами, а для походов против казаков и бунтующих крестьян. Иначе говоря, вооруженное противостояние внутри армии казалось нежелательным и для солдат, и для офицеров, и для частей пехоты, и для кавалерии. Интересно, что пришедшие к власти большевики, как и постфевральское военное командование, находились во власти стереотипов, не понимая психологии толпы. Очевидно, что офицеры в 1917 г. пытались наладить диалог с солдатами на основе «патерналистской» модели, предполагавшей, хотя и в демократическом варианте, ситуацию приказа-подчинения. Большевики же, стремясь в 1917–1918 гг. создать фактически «милиционную» армию из местных добровольцев, находились во власти социалистической доктрины, полагая, что для солдат, казаков достаточно обычных разъяснений, чтобы они добровольно подчинились новой «трудо­вой» власти.

Список литературы

1. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах. – Воронеж, 1957.
2. Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. – Воронеж, 1978.
3. ГАВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 5.
4. ГАВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 8.
5. ГАВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 4.
6. ГАВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 10.
7. ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 322.
8. ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 335.

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ Г. СТАВРОПОЛЯ В 1917 Г.

Е. Н. Стрекалова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

В представленной работе рассматривается роль интеллигенции в политическом процессе 1917 г. в российской провинции. Сравниваются процессы в центре и на материалах Ставропольской губернии. Аграрная специфика региона определила популярность партии эсеров. Однако большая решимость представителей большевиков привела к утверждению власти Советов в ночь на 1 января 1918 г. Вместе с тем, первоначально власть Советов была установлена многопартийной в рамках социалистической альтернативы и на этот процесс повлияли представители региональной интеллигенции. Только начавшаяся гражданская война привела к однопартийной диктатуре.

Ключевые слова: революция 1917 г., интеллигенция, Ставрополье, большевики, эсеры, меньшевики, городская дума, Советы.

THE RUSSIAN PROVINCE DURING A REVOLUTIONARY EPOCH: INTELLIGENCE OF STAVROPOL IN 1917 G.

E. N. Strekalova

North Caucasus Federal University, Stavropol

In the submitted work the role of intelligency in political process 1917 in the Russian province is examined. Processes in the center and on materials of the Stavropol province are compared. Agrarian specificity of region has determined popularity of a Socialist-Revolutionaries party. However the big determination of representatives of bolsheviks has led to to the statement of authority of Sovetiy on the night of January, 1918 g. At the same time, originally the authority of Sovetiy has been established multi-party within the framework of socialist alternative and this process was affected by representatives of regional intelligency. Only the begun civil war has led to to one-party dictatorship.

Keywords: revolution of 1917, intellectuals, Stavropolye, Bolsheviks, Socialist-Revolutionaries, Mensheviks, a municipal дума, Soviets.

Солидный юбилей революционной эпохи в России, открывшийся после февральской революции 1917 г., привлекает внимание исследователей значительным количеством любопытнейших исследований по характеру революционных событий, символикe, повседневности [1; 2]. Однако процессы «революционной бури» на окраинах огромной империи, специфика «провинциальной революции» изучена не достаточно. В связи с этим, интересно проследить деятельность представителей интеллигенции г. Ставрополя в революционный год. С образованной частью общества, представителями различных политических партий, связывались надежды на политические и социально-экономические перемены.

Провинция немного запаздывала за бурными событиями революционной столицы. О февральских событиях и свержении монархии в России в Ставропо-

ле узнали из газет к 5 марта 1917 г. [3, с. 68–70]. Город встретил рождение демократии «Марсельезой» и восторженными отзывами. Постановление одного из уездных сходов духовенства и верующих губернии гласило: «Самодержавный строй навсегда пережит Россией и возвращения к нему не может быть». На другом говорилось: «сместили строй утеснителей и предателей» [4, с. 127]. Газета «Пятигорское эхо» сообщала, как на соборной площади хор пел другую, не менее популярную чем «Марсельеза», песню революции «Вы жертвую пали...», и многотысячная толпа в благоговейном молчании преклонила колени перед памятью жертв революции [5, с. 11].

Отстранение от власти Ставропольского губернатора князя С. Д. Оболенского сопровождалось созданием Комитета общественной безопасности (КОБ). Губернским комиссаром был назначен представитель земства и крупный землевладелец А. М. Кухтин. Однако, он не пользовался доверием у созданных в эти же мартовские дни Советов рабочих и солдатских и отдельно крестьянских депутатов [6, с. 394].

Временному правительству пришлось утвердить комиссаром Ставропольской губернии Д. Д. Старлычанова, депутата 4-ой Государственной думы. Он был учителем городского училища. Окончив Тифлисский учительский институт, Д. Д. Старлычанов разделял идеи распространения грамотности и образования [7, с. 321]. Он призывал соблюдать законы и порядок, пока старым на смену не придут новые. По политическим взглядам он относился к трудовикам.

В Совете рабочих и солдатских депутатов, возникшем в апреле 1917 г., большинство принадлежало умеренным социалистам меньшевикам и эсерам. Весной революционного года большевики в г. Ставрополе были малочисленной организацией. Если верить статистике только 16 человек входили в партию весной 1917 г. Вряд ли можно обвинить партию в занижении количества своих сторонников. К осени идеи большевиков официально разделяли до двухсот человек [8, с. 36]. Лидером РСДРП (б) на Ставрополье стал А. А. Пономарев. Это тоже был представитель отечественной интеллигенции. Пономарев получил образование в столице, окончил юридический факультет Московского университета. После ссылки, с 1915 г. он переехал в Ставропольскую губернию. Именно он оказался в центре разворачивающихся событий установления власти Советов в Ставропольской губернии осенью-зимой 1917 г. После Февральской революции А. А. Пономарев был избран членом оргбюро фракции большевиков, которая боролась за установление советской власти в городе и губернии [9, с. 279].

Тем не менее, большей популярностью в регионе пользовались умеренные социалисты меньшевики и эсеры. В городах Ставрополья рабочие, мелкие служащие, железнодорожные рабочие, часть учащейся молодежи и интеллигенции составляли основной контингент партии меньшевиков. Партия также была малочисленна. Ставропольскую организацию возглавляли меньшевики Е. Строгонов, С. Ратнер, И. Карелов [10, с. 252].

Аграрная специфика региона определила популярность партии эсеров. Отделение социалистов революционеров появилось в губернии еще в 1906 г. На первом съезде крестьянских депутатов, проходившем в Ставрополе в апреле

1917 г. в эсеровскую партию крестьяне вступали группами, она объединила до трех тысяч человек. Во главе партии были также представители региональной интеллигенции: редактор эсеровской газеты «Северокавказский край» В. Воскресенский, присяжный поверенный г. Ставрополя В. Краснов, врач И. Маянц. Последние были гласными городской думы. В. Краснов возглавил городскую думу Ставрополя после демократических выборов августа 1917 г. [11, с. 2].

Конституционно-демократическая либеральная партия в губернии объединяла не многим более 100 человек. Как и в центральной России, она состояла преимущественно из представителей интеллигенции: юристов, преподавателей, врачей. Видным представителем ставропольских кадетов был нотариус В. И. Манжост-Белый, основатель краеведческого музея и гласный городской думы Г. К. Пправе [12, с. 130]. Осенью 1917 г. непопулярная политика Временного правительства в Петрограде снизила авторитет кадетов.

Сведения об октябрьских событиях 1917 г. в Петрограде поступили в Ставропольскую губернию из центральных газет. К 28 октября в губернском центре стало известно об отстранении от власти Временного правительства и решениях второго Съезда Советов. Учредительное собрание многим казалось единственным выходом из политического кризиса осенью 1917 г. Прошедшие 12 ноября выборы в Учредительное собрание показали, на чьей стороне были политические симпатии российской провинции. За правительствующих кадетов в губернии проголосовало всего 3,3 % избравших, за большевиков не многим больше – 5,4 %, а за эсеров большинство – 88,8 % [13, с. 159–185].

Тем не менее, с декабря большевики начали требовать установления в губернии советской власти. В войсках Ставропольского гарнизона по примеру Петрограда был создан Военно-Революционный Комитет. Его председателем избрали большевика Н. А. Анисимова, он настаивал на вооруженном захвате власти, мог рассчитывать на реальную военную силу. Как писал еще до глобальной политизации истории революции в 1927 г. один из очевидцев событий историк Ф. М. Головенченко, эскалация напряжения передела власти после ареста Временного правительства в губернии не скатилась до военного столкновения благодаря умеренным взглядам большевика А. А. Пономарева. Он считал губернию не готовой к перевороту [3, с. 71].

Лидеры Городской думы, также представители отечественной интеллигенции умеренно-социалистического толка, уверенные в легитимности своей власти, не собирались сдавать свои позиции. Глава думы В. М. Краснов, юрист, прокурор Ставропольского окружного суда, был категорически против нелегитимного захвата власти. Городская дума не собиралась отдавать власть Советам, поскольку она была избрана 6 августа 1917 г. на основе всеобщего, равного, тайного, прямого избирательного права, узаконенного декларацией Временного правительства от 3 марта 1917 г. Дума была многопартийной. Из 72 гласных эсерам принадлежало 15 мест, социал-демократам – 14, дальше по нисходящей шли группы гласных иных социалистов [14, л. 6–7]. Количественно эсеры и меньшевики доминировали и, вполне логично, надеялись влиять на политический процесс.

5 (18) декабря 1917 г. эсеры обратились к крестьянам от имени совета крестьянских депутатов о созыве в губернии очередного крестьянского съезда для решения вопроса о власти. В обращении к «гражданам-крестьянам» на IV губернский крестьянский съезд эсеры называли большевиков безумцами, желающими передачи власти Советам. Желание эсеровской интеллигенции опереться на мнение самих крестьян представляется вполне обоснованным, поскольку крестьяне доминировали в губернии и составляли 91,97 % жителей к 1914 г. По сельскохозяйственной переписи 1917 г. большинство крестьян губернии не были бедными, обладали тремя лошадьми, по 10–15 голов крупного и мелкого рогатого скота [8, с. 31]. Однако росту напряженности способствовала мировая война, в губернии увеличилось число беженцев.

К 29 декабря представители Губернского крестьянского съезда влились в Общегубернское народное собрание, открывшееся 31 декабря 1917 г. Губернский комиссар Временного правительства Д. Д. Старлычанов не отвечал уже новым реалиям времени и сложил с себя полномочия. Президиум Народного собрания был избран многопартийным. В него вошли восемь большевиков, два эсера и два меньшевика, председателем стал большевик Н. А. Анисимов [15, с. 1]. После долгих споров в ночь на 1 (14) января под влиянием большевиков было принято постановление о переходе власти в руки Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Губерния стала Ставропольской советской республикой.

Важно, что власть Советов действительно имела широкое признание, но власть именно советов – как многопартийной коалиции социалистов, а не одних большевиков. Любопытный источник по истории Ставропольского края этого периода – газета «Власть труда», официальный печатный орган многопартийного Исполкома Совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов, избранного после этого собрания в марте 1918 г. Она писала: «Советская форма трудовласти в момент революции, до тех пор, пока окончательно не утвердится власть трудового народа, является единственно надежной организацией трудовых сил народа, и потому до момента окончательного укрепления нового порядка, всякие покушения на нее не допустимы» [16, с. 1].

Следовательно, новая власть «Советов» вначале в провинции рождалась как многопартийная. В Ставропольской губернии было создано коалиционное правительство – Губернский совет народных комиссаров. Его хотя и возглавлял большевик А. А. Пономарев, но входили 4 большевика, 2 эсера, 2 меньшевика, один беспартийный [9, с. 279]. Реальная политическая жизнь в российской провинции, как видим, совершенно не соответствовала «триумфальному шествию советской власти». На политические процессы этого времени влияли представители интеллигенции, имевшие в регионе авторитет и политический вес. Последующие драматические события гражданской войны привели к однопартийной диктатуре большевиков.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2008.

2. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001.
3. Головенченко Ф. М. 1917 год в Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1927.
4. Кругов А. И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – XX век). – Ставрополь, 2001.
5. Госданкер В. Истории нельзя мстить, ее нужно понять. К 90-летию революции 1917 г. – Ставрополь, 2007.
6. Февральская революция // Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006.
7. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917. – М., 1913.
8. Зверева Л. А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 – 1929 гг.). Диссертация... соискание к. и. н. – Ставрополь, 2002.
9. Понамарев А. А. // Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006.
10. Состин Д. И. Ставрополье и Кубань в структуре национальной и общественно-политической жизни России в начале XX века: формирование новой политической культуры // Новая локальная история. Пограничные реки и культура берегов. Вып. 2. Материалы второй Международной научной Интернет-конференции. Ставрополь. 20 мая 2004 г. – Ставрополь, 2004.
11. О заседании городской думы // Власть труда. – 1918. – № 2. – 5 апреля.
12. Судацков Н. Д. Г. К. Праве как общественный деятель. // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 1. – Ставрополь, 2005.
13. Оборский Е. Ю. Эволюция общественного сознания на Кубани и Ставрополье в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2006.
14. ГАСК. – Ф. 96. – Оп. 2. – Д. 2963.
15. Северо-Кавказское слово. – 1917. – № 846. – 31 декабря.
16. Советы // Власть труда. – 1918. – № 1. – 4 апреля.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ СТАТИСТИКОВ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

И. А. Тропов

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена (Выборгский филиал), Санкт-Петербург, Выборг*

В статье раскрыты особенности деятельности земских статистиков России в условиях революции 1917 г. Показана роль Временного правительства и земств в поддержке статистических работ в стране. Отмечена высокая роль профессионализма и самоорганизации статистиков с целью проведения Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Охарактеризовано значение выполненных статистиками в 1917 г. работ.

Ключевые слова: земские статистики, земство, революция, сельскохозяйственная и поземельная перепись, Временное правительство.

ZEMSKY STATISTICIANS WORK UNDER THE CONDITIONS OF THE REVOLUTION OF 1917

I. A. Tropov

*Herzen State Pedagogical University of Russia (Vyborg branch),
Saint-Petersburg, Vyborg*

The article presents work peculiarities of the zemsky statisticians of Russia under the conditions of the Revolution of 1917. The paper shows the role of the Provisional government and zemstvo in supporting of the statistical efforts in the country. The article marks the important role of the professionalism and self-organization of the statisticians for the purpose of realization of the All-Russian agricultural and land census of 1917. The paper describes the importance of the work that statisticians made in 1917.

Keywords: zemsky statisticians, zemstvo, revolution, agricultural and land census, Provisional government.

Земские статистики – социально-профессиональная группа, сформировавшаяся в условиях реформ 60-х – 70-х гг. XIX в., и внесшая значительный вклад в исследование различных сторон жизни российского общества в пореформенные десятилетия (демографической, аграрной и пр.). Как и большинство населения России, земские статистики встретили известие о падении монархии в России в начале марта 1917 г. без какого бы то ни было сожаления. Для этого имелись свои основания: в условиях существовавшего до революции политического режима самодержавной монархии они не имели возможностей для организационного объединения и для планомерного ведения своей профессиональной деятельности. Статистик, говоря словами одного из современников, «всегда был неблагонадежен в глазах жандарма» [1, с. 19]. Наблюдаемые ими условия жизни основной массы населения страны привели многих из них еще задолго

до революции к выводу о необходимости политической реформы и передачи земли крестьянам [2, с. 88].

Февральские события в Петрограде и в провинции открыли перед земскими статистиками новые перспективы. Обновленные в условиях победы революции земства проявляли большой интерес к проведению статистических работ. На местах принимались решения о расширении штата сотрудников статистических бюро и активизации их работ по учету населения, посевных площадей, урожайности и пр. Для обеспечения этой деятельности земства выделяли статистикам десятки тысяч рублей [3, с. 183].

В сложившихся весной 1917 г. условиях статистики получили также возможность преодолеть известную распыленность своих сил. Уже 10 марта в составе Министерства земледелия был сформирован Отдел статистики во главе с П. И. Поповым. Данная структура стала главным организационным центром по подготовке к проведению Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи, которой придавалось особое значение в связи с намечавшимся созывом Учредительного собрания и предстоящим рассмотрением аграрного вопроса.

Успех в проведении переписи связывался не только с наличием подготовленных кадров статистиков, продуманной программы обследования и детальных инструкций по ее проведению, но и в значительной мере – с объединением статистиков в масштабах всего государства.

Эти два взаимосвязанных вопроса – о создании общероссийских органов управления статистическими работами и о порядке проведения сельскохозяйственной и поземельной переписи – были рассмотрены на специально созванном в Москве съезде 18–22 апреля 1917 г.

В выработанной на съезде резолюции говорилось о том, что функции центральных статистических органов будут возложены на съезды статистиков и Совет по переписи. Основная задача съездов сводилась к разработке общей программы и плана исследований, а Совета – осуществление общего руководства статистиками в рамках утвержденной программы работ. Местными учреждениями признавались губернские земские управы, продовольственные комитеты (в неземских губерниях), местные организации Переселенческого управления (в азиатской части России) и местный главноуполномоченный по закупке хлеба для армии и населения (на Кавказе). Содействовать всем им была призвана Исполнительная комиссия статистических съездов, включавшая в свой состав наиболее авторитетных российских статистиков (П. А. Вихляева, П. И. Попова и др.) [4, л. 189, 402–404].

Перепись началась в мае и завершилась в октябре 1917 г. Ее результаты начали публиковаться уже после прихода к власти большевиков [5, с. 123–133]. Все более ухудшавшаяся на протяжении весны – осени 1917 г. внутренняя обстановка в стране, проявлявшаяся в падении авторитета власти и в росте революционного движения [6, с. 178–181], отрицательно сказалась на проведении переписи. В местах крупных аграрных беспорядков, а также на территориях, входивших в зону германской оккупации (Виленская, Ковенская и ряд других губерний), провести перепись не удалось вовсе [7].

Однако в целом результаты проведенной статистиками работы оказались весьма впечатляющими. За относительно короткий период были собраны многочисленные данные о землевладении и землепользовании, о валовом и чистом сборах хлебов, вычислены избыток и недостаток сельскохозяйственной продукции на местах, определены потребности в продовольствии сельского населения, горожан и армии [8; 9].

Находившееся в это время у власти Временное правительство в целом оказывало немалое содействие инициативам и деятельности земских статистиков. Так, 23 сентября 1917 г. на заседании Главного экономического комитета, проходившем под председательством представителя Министерства торговли и промышленности Н. Н. Саввина, был рассмотрен вопрос «о согласовании и объединении статистических работ по обследованию экономической жизни страны». Внимание правительства к этой проблеме было во многом вызвано тяжелым экономическим положением в стране, сложившемся к осени 1917 г., и необходимостью поиска путей выхода из кризиса. Комитет признал необходимым усилить координацию деятельности различных статистических учреждений «...для выработки общего плана распределения работы между ними и для разработки специальных планов очередных экономических обследований общегосударственного значения» [10, л. 188].

Однако в условиях нарастания социально-политической напряженности и падения авторитета власти Временного правительства реализовать эти в целом прогрессивные установки не было никакой возможности. Единый государственный орган по управлению статистическими работами в России был создан в июне 1918 г. [11, с. 78–82].

Таким образом, земские статистики даже в революционных условиях 1917 г. остались верными своей профессии: они продолжили ранее начатые работы и провели новую крупную сельскохозяйственную и поземельную перепись, имевшую большое значение для изучения проблем социально-экономического развития страны в революционную эпоху. В своей деятельности они опирались на поддержку земств и Временного правительства. Но этой поддержки оказалось недостаточно для того, чтобы решить главный вопрос, стоявший перед статистиками – их объединение в общероссийском масштабе. Без решения этой задачи невозможно было добиться единства программ статистических обследований и четкой сопоставимости получаемых данных. В целом, деятельность земских статистиков в 1917 г. – это яркий пример служения граждан своему Отечеству, выполнения ими своего профессионального долга даже в условиях экстремальной повседневности.

Список литературы

1. Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. – Ростов-н/Д., 1924.
2. Кругов А. И. Земские статистики о крестьянском хозяйстве Юга России на рубеже XIX–XX вв. // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2011.
3. Земское дело. – 1917. – № 4.
4. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 896.

5. Тропов И. А. Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917–1920 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. – № 1.
6. Тропов И. А. Кризис местной правительственной власти в России весной – осенью 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. № 4-2.
7. Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968.
8. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. – М., 1923.
9. Лосицкий А. Е. Урожай хлебов в России в 1917 году. – М., 1918.
10. ЦГА СПб. – Ф. 9410. – Оп. 1. – Д. 3.
11. Тропов И. А. Центральные и местные органы власти и политический контроль над статистической информацией в России в 1918–1926 гг. // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – 2007. – № 4.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАНДАЛЫ КАК АТТРИБУТ ДЕМОКРАТИИ И МНОГОПАРТИЙНОСТИ (ОМСК, 1917 ГОД)

А. А. Штырбул

Омский государственный педагогический университет, Омск

Данная статья – об одной из необычных форм политической борьбы в условиях демократического режима – о политических скандалах и о их влиянии на развитие политического процесса. Это явление рассматривается на материалах Омска и примыкающего к нему региона в рамках периода между Февралем и Октябрем 1917 г., а также первых месяцев после Октября.

Ключевые слова: демократия, политический процесс, многопартийность, политическая борьба, кризисное развитие общества, Омск.

POLITICAL SCANDALS AS ATTRIBUTE OF THE DEMOCRACY AND POLITICAL PLURALISM (OMSK, 1917)

A. A. Shtyrbul

Omsk State Pedagogical University, Omsk

This article is about of one from unusual forms of political straggle in the conditions of the democratic regime – about the political scandals and about their influence to development of political process. This phenomenon is research by the materials of the Omsk- city and the Omsk region in the chronology period between the February and the October of 1917, and also during the first months after the October.

Keywords: democracy, political process, multiplicity of political parties, political straggle, deflationary development of society, Omsk.

Политические скандалы или, выражаясь современным языком, «война компроматов», являются, как свидетельствует практика, непременным атрибутом демократии и многопартийности. Политический процесс в одном из крупнейших городов Сибири – Омске в период демократического режима весны – осени 1917 г., а также в первые месяцы «первой» советской власти, не стал в этом отношении исключением.

В 1917 г. политический процесс в Омске развивался довольно бурно. В это время в городе был представлен практически весь партийно-политический спектр (за исключением монархистов, которые в это время были в России вне закона, и анархистов, так и не сумевших воссоздать в Омске в 1917 г. свою организацию). В течение марта 1917 – января 1918 гг. в городе действовали парторганизации РСДРП [единой], РСДРП (меньшевиков), РСДРП (интернационалистов), РСДРП (большевиков), ПСР, Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), Союза социалистов-революционеров максималистов (ССРМ), Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), Партии народ-

ной свободы («кадеты»), Киргизской [казахской] социалистической партии «Уш-Жуз», Еврейского рабочего союза (Бунд), а также группа правых меньшевиков «Единство», группа правых эсеров «Воля народа», областники (группа Сибирского областного союза), сионисты.

Из множества общественно-политических органов печати в 1917 – начале 1918 г. выделялись газеты «Вечерняя заря», «Вольный казак», «Дело Сибири», «Заря», «Известия Омского Коалиционного комитета», «Известия Омского Совета», «Омская Земля и Воля», «Омский вестник», «Омский телеграф», «Пролетарий», «Рабочий», «Революционная мысль», «Сибирская речь», «Слово трудового крестьянства», «Солдатская мысль».

В условиях постоянного обострения политического процесса в этот период, политическое поле города и, отчасти, территории, к нему примыкавшей, неизбежно становилось время от времени ареной межпартийных политических схваток, в том числе и политических скандалов.

Крупнейшим политическим скандалом не только в Омске, но и во всей Сибири, стало «дело генерала Григорьева». Один из самых ярких «мартовских эсеров», начальник 53-й ополченческой бригады (Омский гарнизон) генерал-майор Г. В. Григорьев, сразу же после победы Февральской революции в Омске на общем собрании командного состава войск Омского гарнизона почти единогласно был избран командующим войсками Омского военного округа [1]. На митингах Григорьев неоднократно заявлял, что уже давно был в душе социалистом-революционером. В начале апреля вступил в Омскую группу ПСР к необычайной радости ее лидеров. Занимая крайне правую позицию в рядах этой партийной организации и допуская выпады против солдатских комитетов в воинских частях, вынужден был, однако, под давлением солдатской массы ввести некоторые демократические начинания в войсках округа: коллегиальное управление войсками, закон о полковых судах и др. Политическая карьера Г. В. Григорьева шла в гору, но в начале июля 1917 г. в результате проверки досье высшего офицерского состава округа выяснилось, что в период «стольпинской» реакции Григорьев был председателем военно-полевого суда и выносил революционным солдатам, в том числе и членам ПСР, смертные приговоры. Этот факт явился сильнейшим ударом по престижу не только Омской группы ПСР, но и эсеров всей Сибири: информация об этом распространилась по региону стремительно, причем особенно злорадствовали оппоненты эсеров справа – «кадеты», от которых не отставали, конечно, и оппоненты слева – социал-демократы, особенно социал-демократы-большевики. Григорьева арестовали и отправили для разбирательства в Петроград [2, с. 264; 3, с. 46].

Другой скандал, связанный также с деятельностью Омской организации ПСР, может быть менее громкий, чем первый, но тоже достаточно показательный в смысле качества «мартовского пополнения» партии и политического карьеризма, начался также с разоблачения. В начале августа 1917 г. выяснилось, что сотрудник проэсеровской газеты «Слово трудового крестьянства» некто Буланов имел реакционное журналистское прошлое: до революции писал статьи черносотенного содержания. После февральской революции Буланов вступил в омскую группу ПСР. Таким образом, встал вопрос об изгнании Буланова

и из партии, и из газеты. Этим, вероятно, весь скандал бы и закончился, но редактор газеты, небезызвестный П. Я. Дербер, будучи другом или, как выразился «Омский вестник», кумом Буланова, встал на защиту последнего. Скандал получил неожиданное продолжение: теперь буря разоблачающей критики переместилась на Дербера. В газете «Омский вестник» появился ряд свидетельств очевидцев, характеризовавших деятельность П. Я. Дербера на должностях редактора газеты «Слово трудового крестьянства», в исполнительном комитете Совета крестьянских депутатов и на должности председателя областной земельной управы. Постепенно открылся «клик маленького деспота» с самодержавной нетерпимостью к чужому мнению. Из материалов нескольких публикаций выяснилось, что Дербер злоупотребляет властью, увольняет неугодных и принимает на их место удобных себе людей, в том числе и бывших служащих полиции, черносотенных журналистов и т. п. Указывая на грубость в отношениях с подчиненными, свидетель писал, что «его обращение со служащими ниже всякой критики». Еще ни один человек старого режима, – возмущенно сообщал свидетель, – не позволял себе того, что он проделывал. Не раз поднимался вопрос о коллективном уходе со службы, а служащие исполнительного комитета крестьянских депутатов вынесли ему свое порицание с объявлением этого публично. Указывалось, что в Земельной управе имелись лица, подлежащие отбыванию воинской повинности, но, «благодаря кумовству с Дербером и махинациям последнего», не попавшие в армию. Приспособленчество Буланова, карьеризм и деспотизм Дербера газета окрестила «дерберо-булановщиной», отмечая, что и в других городах Западной Сибири наблюдаются подобные факты. «“Дерберо-булановщина” сама прет наружу: с каждым днем она все больше и больше будет выявлять свое лицо. Общество должно, наконец, научиться различать действительных общественных деятелей и людей, делающих только молниеносную карьеру». Касаясь принадлежности Дербера к ПСР, газета писала: «Станным... кажется одно только то, что партия с-р до сих пор еще с ним церемонится и видит в нем силу своей партии. Если это так, то добавить к этому больше нечего» [4–6].

Организации и пресса политических партий с готовностью отмечали промахи и провалы своих политических противников и конкурентов. Газета омских объединенных правых социалистов «Заря» с нескрываемым удовольствием из номера в номер помещала острые критические и разоблачительные статьи в отношении ПСР. Газета омских «кадетов» осенью 1917 г., наблюдая за разложением местной организации ПСР и со злорадством отмечая неллицеприятные, скандальные факты из внутривнутрипартийной жизни эсеров, в частности, сообщала: «... Дом “Земля и Воля” обратился в пустой мещанский клуб, где сходятся для переливания из пустого в порожнее, для флирта, чему способствует присутствие в группе девиц и, вообще, молодежи, ничего общего с программой партии не имеющих. Кроме того, некоторые члены [организации ПСР] находят, что в группу ранее принимались члены без справок об их прошлом, что туда попали люди с уголовным и, вообще, сомнительным прошлым, что, конечно, местной группы не украшает. По этой причине в число гласных ошибочно попали лица, непригодные к общественной работе, и что даже кто-то, по недора-

зумению попавший в гласные Городской Думы, из-за своего прошлого должен был сложить с себя это почетное звание» [7].

В конце ноября 1917 г., когда вскрылись махинации омской милиции (хищения, подлоги, взятки), революционная пресса обрушилась на Омскую гордому (где эсеры составляли большинство гласных), а также на городскую управу и подчиненную ей милицию (и ту, и другую возглавляли эсеры). «Так называемая народная милиция была той же полицией, как и в дни самодержавия. Многие из служащих в полиции остались служить в милиции». Заострялось внимание на то, что, организуя саботаж милиции против только что установившейся в городе советской власти, городская управа выплатила жалование за месяц вперед и наградные милиционерам, участвовавшим в саботаже. Утверждалось, что тем самым эсеровская гордума «фактически встала на защиту взяточников, вымогателей, грабителей» [8; 9, с. 61; 10, с. 112–113].

Новые неприятности ждали омских эсеров на III съезде Советов крестьянских депутатов (СКД) Западной Сибири (вторая половина января 1918 г.). Вскрытые левыми депутатами подлоги и подтасовки председателя Исполкома СКД Западной Сибири А. М. Красноусова при подготовке данного съезда, обнародованные перед крестьянскими делегатами, стоили правым эсерам немалой части голосов на этом форуме. Кроме того, соответственным образом на III съезде СКД Западной Сибири было обыграно левыми социальное происхождение их политических противников. Один их представителей левого большинства съезда с возмущением объявил и поставил в вину (?!), что бывшие руководители Исполкома СКД Западной Сибири, эсеры П. Я. Дербер, В. В. Паскевич и А. М. Красноусов происходят из семей служителей религиозного культа: первый – из раввинов, второй – из псаломщиков и третий – из попов [11].

Обыгрывались и другие нелюбезные факты из прошлой или настоящей жизни политических деятелей, однако в большинстве случаев они не являлись «политическим криминалом», и большого вреда политическому деятелю и его парторганизации, как правило, не приносили.

Безусловным политическим криминалом являлось сотрудничество в период царизма с жандармерией и охранкой. Время от времени сведения на эту тему о том или ином человеке появлялись в сибирской печати (при этом не все факты подобного рода до конца подтверждались). В Сибири громких дел по этому поводу в 1917 г. было немного: реальные провокаторы и осведомители после Февраля постарались затеряться, и в политическую жизнь, за редким исключением, не стремились, понимая, что вероятность разоблачения довольно велика (для выявления тайных агентов еще в первые дни революции некоторые исполкомы сибирских Советов, в том числе и Омского, выделили специальные комиссии или же отдельных уполномоченных по работе в архивах жандармских управлений и охранных отделений) [12, л. 5]. В омских газетах весной 1917 г. мелькнули сообщения о разоблачении нескольких мелких провокаторов, но крупных, скандальных разоблачений, вроде томского «дела Цветкова» («работал» в эсеровской среде и успел после Февральской революции занять пост начальника томской милиции) [13, с. 95; 14, с. 272], в Омске, кажется, не было.

Обычными во второй половине 1917 – начале 1918 г. являлись обвинения в адрес большевиков их политическими противниками в шпионском сотрудничестве с германцами. Упоминания об этом время от времени появлялись в сибирских, в том числе омских буржуазных газетах того периода. Следует заметить, что, судя по всему, в эту информацию верило тогда значительно меньше людей, чем теперь, в начале XXI века.

Таким образом, политические скандалы стали неотъемлемой частью политической жизни Омска периода демократической республики весны – осени 1917 г. и в первые месяцы советской власти. Партийно-политические силы Омска стремились использовать в своей политической деятельности и борьбе любые ошибки и промахи своих оппонентов.

Список литературы

1. Омский вестник. 1917. 7 марта. (Приложение к газете: Экстренный выпуск).
2. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. – Новосибирск, 1972.
3. Кургузов А. С. В Военно-окружном комитете // В боях за власть Советов. (Воспоминания участников социалистической революции и гражданской войны в Омске и Омской области). – Омск, 1957. – С. 44–48.
4. Омский вестник. – 1917. – 10 августа.
5. Омский вестник. – 1917. – 11 августа.
6. Омский вестник. – 1917. – 12 августа.
7. Сибирская речь (Омск). – 1917. – 26 ноября.
8. Революционная мысль (Омск). – 1917. – 13 декабря.
9. Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917-1920 гг.). – Омск, 1952.
10. Летопись газетных статей: Хроника событий 1917 года в г. Омске. – Омск, 1977.
11. Революционная мысль (Омск). – 1918. – 31 января.
12. ГИАОО. – Ф. 662. – Оп. 1. – Д. 61.
13. Петренко А. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. – 1926. – № 2. – С. 91–100.
14. Шотман А. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. – 1927. – № 2–3. – С. 270–278.

III. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

УДК 930.253:069 (477.75)

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ МОИСЕЯ ГИНЦБУРГА (ДАЯНА)

В. В. Акимченков

Московский педагогический государственный университет, Москва

На основе ранее неизвестных архивных документов и малодоступных опубликованных источников из столичных архивных хранилищ и библиотек воссоздана биография М. И. Даяна в период революции 1917 г. и Гражданской войны в России. На фоне биографических разработок дана характеристика отдельным аспектам общественно-политической жизни Крыма в обозначенный период времени.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война в России, Крым, М. И. Даян.

NEW ARCHIVAL DOCUMENTS TO THE BIOGRAPHY OF MOSES GINZBURG (DAYAN)

V. V. Akimchenkov

Moscow state pedagogical University, Moscow

Based on previously unknown archival documents and published sources not easily accessible from the capital's archival repositories and libraries, recreated the biography of Moses I. Dayan during the revolution of 1917 and the Civil war in Russia. Against the background of biographical development, the characteristic of selected aspects of socio-political life of the Crimea in the designated period of time.

Keywords: The revolution of 1917, Civil war in Russia, Crimea, Moses I. Dayan.

Порой так случается, что судьбы отдельных ученых, политических и общественных деятелей в силу обстоятельств различного характера, оказываются вычеркнутыми из исторической памяти, и то, что иногда, по счастливой случайности, удастся реконструировать биографии и вызвать из небытия канувшие туда, казалось бы, навсегда имена, является большой удачей. К таковым относится и личность советского критика-обществоведа Моисея Исааковича Гинцбурга. Долгие годы имя ученого было вырвано из истории отечественной науки, а его, и без того немногочисленные труды, изъяты из библиотек.

М. И. Даян (настоящая фамилия Гинцбург, 1877–1940) – советский философ, критик, психолог, автор статей по еврейской истории. Родился 1 сентября 1877 г. в городе Нежин Черниговской губернии. В своем жизнеописании, датированном 1 февраля 1929 г., так охарактеризовал свои первые попытки получить образование: «Не попав из-за “процентной нормы” в ср.[еднее] уч.[ебное] зав.[едение], держал экстерном на курс реального училища, за границей прошел курс философии и психологии» [1, л. 1].

Действительно, Моисей Исаакович некоторое время обучался в Берлинском университете, однако затем поступил на филологический факультет Харьковского университета. В начале XX в. двадцатичетырехлетнего Моисея Гинцбурга увлекли революционные идеи. Уже в 1901 г. он примкнул к революционному движению, однако в 1902 г. был арестован в Москве и заключен сначала в Смоленскую общую, а затем в Калужскую тюрьмы. В 1904 г. попал в ссылку в Архангельскую губернию, откуда успешно бежал. Эти перипетии не выбили из головы юноши революционных идей. После удачного побега Моисей Исаакович возвращается к прежней жизни, и уже в декабре 1905 г. принял участие в вооруженном восстании на Донбассе. Здесь же и был повторно арестован в 1906 г. по делу Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунд) и сослан в Восточную Сибирь.

С 1909 по 1917 гг. проводил подпольную пропагандистскую работу в ряде городов Российской империи. Таким образом, события февраля 1917 г. застали М. И. Гинцбурга в рядах Бунда. Однако череда революционных событий привела к тому, что Моисей Исаакович порвал с бундовцами и примкнул к более радикальной левой фракции – Еврейской коммунистической партии. Оттуда в 1922 г. он и перешел в РКП(б). Именно в годы революционной активности у Моисея Гинцбурга появляется партийный псевдоним Даян.

Период пребывания М. И. Даяна в Крыму сопряжен с ключевыми страницами истории Гражданской войны на территории полуострова. В годы революционного лихолетья в Крым попало значительное количество не только деятелей культуры, но и разношерстная группа лиц, представлявшая весь политический спектр постреволюционной России, искавшие выгоду и покровительство от местной власти, а также «агенты» новой, Советской, власти, которые должны были подготовить «почву» для установления соответствующего режима в данном регионе. На юго-востоке Крыма, в Феодосии, все вышеперечисленные группы лиц были представлены в своеобразном детище своей эпохи – Феодосийском литературно-аристократическом кружке (ФЛАК). Он возник после революции 1917 г. и просуществовал до установления Советской власти в Крыму. Частым гостем ФЛАКа был и Моисей Даян, входивший в обозначенный период времени в состав подпольной большевистской организации.

Свидетель этих событий, советский писатель Эмилий Львович Миндлин (1900–1981) вспоминал о жизни ФЛАКа следующее: «<...> Кто здесь только не бывал! Белогвардейцы, шпионы, иностранцы, артисты, музыканты. Какие-то московские, киевские, петроградские куплетисты, поэты, оперные певцы, <...>, известные и неизвестные журналисты, спекулянты и люди, впоследствии оказавшиеся подпольщиками-коммунистами. <...> Бывали в кафе и какие-то

странные девушки, похожие на блудливых монашек. Странные эти девушки сходили с ума от стихов, были очень религиозны, много говорили о христианстве. Вели себя, как язычницы, читали Августина, часто покушались на самоубийство и охотно позволяли спасать себя» [2, с. 10].

Именно здесь, в обстановке белогвардейского Крыма, у Моисея Исааковича завязались долгие дружеские отношения с поэтом Максимилианом Александровичем Волошиным, были налажены контакты с будущим первым председателем Феодосийского ревкома тов. Жеребиным, будущим членом Феодосийского ревкома тов. Звонаревым.

В составе подпольной большевистской организации М. И. Даян вел активную работу по мобилизации трудящихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев. К марту 1919 г. в Феодосии был создан подпольный ревком, занявшийся подготовкой благоприятной обстановки в городе для успешного вооруженного наступления советских войск и мобилизацией феодосийских рабочих. Ломая упорное сопротивление белогвардейских войск, 21 апреля 1919 г. Красная Армия овладела Феодосией. В освобожденном городе вся полнота власти была сосредоточена в руках нового ревкома, созданного из числа бывших подпольщиков и представителей Красной Армии. Бывшие товарищи М. И. Даяна по ФЛАКу сыграли свою роль в его назначении на должность редактора «Известий Феодосийского военно-революционного комитета».

Однако вскоре Вооруженные силы Юга России под командованием А. И. Деникина занимают весь Крым, и Даян вместе с семьей обосновывается в Коктебеле, где, как и в Феодосии, в годы Гражданской войны по разным причинам оказались видные представители русской интеллигенции: писатели, поэты, музыканты, композиторы. В мае 1920 г. в Коктебеле был организован подпольный съезд крымских организаций РКП(б), сведения о котором, через провокатора А. Ахтырского, получила врангелевская контрразведка. Ею были предприняты все необходимые меры, место проведения было окружено, участники съезда, отстреливаясь, сумели укрыться в горах, а М. И. Даян решил укрыться на даче своего хорошего друга по ФЛАКу Максимилиана Волошина.

Свет на эти события проливают воспоминания старшей дочери М. И. Даяна – поэтессы и писательницы Раисы Моисеевны Гинцбург (1907(14)–1965): «Но помню отчетливо, что моего отца Максимилиан Александрович спас от белых. Потом мы уехали из Коктебеля. От высокого белого дома, между серыми маслинами, по громкому гравию дорожки быстро шел Максимилиан Александрович. Он поднялся на террасу стремительно и уверенно. Он позвал мою маму. Я стояла у толстой колонны и, угнетенная тревогой всего этого дня, прислушивалась. Не слыша тихих слов, я поняла, что Максимилиан Александрович успокаивает, что-то обещает. Сумерки. Быстро наступила ночь. Я с мамой вышла на шоссе, надеясь встретить папу. Но он не пришел из Феодосии. А в Феодосии, в “списках” была оценена его голова как “красного”. Мама сказала мне об этом тихим, недрогнувшим голосом. Ее белая блузка чуть виднелась в темноте. Мы постояли у гудящего столба у мостика и вернулись домой. Мама покормила нас мелкой, как орешки, картошкой – меня и четырехлетнюю сестру. Я лежала, слышала, как шумит прибой. Папа не пришел. А утром по гравию до-

рожки шагал белый генерал, белые офицеры. Мама не велела нам спускаться с террасы. Какие-то мальчишки за кустами ограды, на дороге, пели что-то про жидов и красных. Генерал с офицерами зашли в дом Максимилиана Александровича. Мама мне ничего тогда не говорила. Но, когда на следующий день ушли белые, и папа, живой, усталый, был с нами, я узнала, что Максимилиан Александрович спрятал его от белых в своей постели» [3, с. 375–377].

К ноябрю 1920 г. Красная армия под командованием М. В. Фрунзе подошла к Перекопу. 16 ноября 1920 г. Южный фронт был ликвидирован, в Крыму была установлена Советская власть. Вслед за этими событиями М. И. Даян принимает решение перебраться из Крыма в Смоленск. Однако экономическое положение в молодой Советской республике оставалось крайне напряженным, транспортная связь между центром и провинциями была нарушена, да и в условиях чистки Крыма от контрреволюционеров купить куда-либо, а тем более в Москву, билет без спецпропуска, было невозможно.

Решить эту проблему вновь помог М. А. Волошин, который в этот период являлся главой Феодосийского отделения Всероссийского союза поэтов, в обязанности которого входило составление ходатайств о пропусках для литераторов, желающих уехать в Москву. По стечению обстоятельств из Крыма вместе с М. И. Даяном уезжал вышеупомянутый советский писатель Э. Л. Миндлин, оставивший об этом событии воспоминания:

<...> Нам дали отдельный вагон-теплушку, и мы вместе – Майя Кудашева с сыном и матерью, бывший подпольщик, член Ревкома поэт Звонарев, возвращавшийся к себе в Орел, бывший редактор «Известий Феодосийского ревкома» Даян, актриса Кузнецова-Гринева с дочерью, поэт Томилин, еще какой-то поэт, и еще какой-то, и я. <...>

Из Феодосии до Москвы мы ехали десять дней. <...> Мы ехали медленно, с частыми остановками. Вагон наш то и дело отцепляли на станциях, и мы по очереди ходили к начальникам станций умолять прицепить наш вагон к составу. Только на одиннадцатые сутки наш вагон остановился у Рогожской заставы Москвы. На вагоне мелом крупными пляшущими буквами было написано: «Вагон поэтов». <...> [2, с. 41].

Таким образом, период революции 1917 г. и Гражданской войны в России в биографии Моисея Даяна напрямую сопряжен с Крымским полуостровом. На наш взгляд этим обстоятельством будет мотивирован дальнейший научный интерес Моисея Исааковича к изучению исторического прошлого данного региона.

Список литературы

1. РГАЛИ. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 705.
2. Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники: литературные воспоминания. – М., 1979. – 2 изд, испр. и доп.
3. Гинцбург Р. М. Часы неизгладимые // Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М., 1990. – С. 375–377.

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В СУДЬБЕ Г. П. ФЕДОТОВА

А. В. Антощенко

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Автор анализирует эволюцию восприятия и понимания революционных событий 1917 г. известным русским историком-эмигрантом Г. П. Федотовым. Основываясь на характеристике непосредственного опыта их проживания историком, автор показывает, как сначала происходит их историзация в конце 1920-х – начале 1930-х гг., а затем и их символизация в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: Революция 1917 г. в России, биография Г. П. Федотова.

ROLE OF THE REVOLUTION OF 1917 IN GEORGE FEDOTOV'S FATE

A. V. Antoshchenko

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk

The author analyzes the evolution of the perception and understanding of the revolutionary events in 1917 by the famous Russian historian-emigrant George Fedotov. Based on the characterization of historian experiencing the occurrences, the author demonstrates their historicization by him in the late 1920s and early 1930s, and then their symbolization by him at the end of the 1930s.

Keywords: Russian Revolution of 1917, George Fedotov's biography.

В воспоминаниях о муже Е. Н. Федотова так охарактеризовала отношение Г. П. Федотова к революционным событиям 1917 г.: «Февральскую революцию он принял без восторженных иллюзий, скорее со страхом, так как за февралем он провидел лик октября» [1, с. XI]. Лишь в первой части это утверждение точно, в последней же оно является оценкой *postfactum*, данной с учетом более поздних характеристик историком произошедшего в трагический для России год. В данном сообщении будет реконструировано непосредственное восприятие революционных событий Г. П. Федотовым на основе аутентичных источников – его писем Т. Ю. Дмитриевой, опубликованных автором статьи в 12-м томе его собрания сочинений. В заключение будет дана краткая оценка влияния непосредственного восприятия революции на ее представление в публицистических статьях, появившихся в эмигрантских изданиях после переезда Георгия Петровича в Париж.

Г. П. Федотов встретил начало 1917 г. в Петрограде. Данных о его первых впечатлениях о произошедшем в столице в феврале-марте не сохранилось. Однако известно, что историк, отдавая дань революционным увлечениям молодости, когда в годы Первой русской революции он активно участвовал в нелегальной деятельности большевицкой организации саратовских социал-демократов в 1905–1906 гг. и даже был избран в состав их городского комитета, вновь включился в пропагандистскую работу в 1917 г. Правда, теперь его можно бы-

ло бы назвать социалистом-оборонцем, что определило его отношение к факту возвращения В. И. Ленина в Россию. Так случилось, что историк стал свидетелем встречи вождя большевиков на Финляндском вокзале. «“Изменника” встретили с воинскими почестями (солдаты, офицеры, бронир[ованный] авт[омобиль], оркестр и т. д.)», – написал он на открытке, посланной Т. Ю. Дмитриевой 5 апреля 1917 г. И далее: «Он призывал к соц[иалистической] рев[олюции], окруж[енный] штыками. Удив[ительная] Россия» [2, с. 203].

Оценивая значение ленинских апрельских тезисов, Г. П. Федотов замечал, что они пользуются популярностью в народе, хотя лидеры Петроградского совета не разделяют их. В конце апреля ему казалось, что «ленинцы не страшны» и, даже, вполне «обезврежены» [2, с. 204]. Его больше тревожило, с одной стороны, положение в деревне, а с другой – «растущая вражда к Англии». Поскольку он уже давно не занимался «аграрным вопросом», по которому охотно высказывался в годы Первой русской революции, постольку в своих многочисленных выступлениях на многолюдных митингах и в ряде лекций в Лутугинском университете Г. П. Федотов сосредоточил внимание именно на вопросах войны. Его выступления были тогда же опубликованы в виде брошюры «Война и ее происхождение».

Недоверие Г. П. Федотова к первому кабинету Временного правительства вызывала внешняя политика П. Н. Милюкова. Его известная нота, по мнению Георгия Петровича, едва не спровоцировала гражданскую войну. «Много тяжелых часов пришлось здесь пережить, когда едва-едва не разразилась гражданская война, – писал он Т. Ю. Дмитриевой 25 апреля 1917 года. – Пролившаяся кровь произвела сильное отрезвляющее впечатление. Люди стали спокойнее, но посеяна рознь между рабочими и частью солдат» [2, с. 205]. Избежать гражданской войны, полагал историк, позволил бы «мир без аннексий и контрибуций на основе права народностей на самоопределение» [3, с. 96]. Однако он был далек в трактовке этого лозунга от большевиков, чьи взгляды и деятельность он считал изменническими. Георгий Петрович полагал, что наиболее эффективным средством покончить с войной является социальная революция, но способом ее реализации должно было стать не «насильственное восстание», а «революция в сознании, действительно моральное торжество пролетариата и проведение им в жизнь идей социализма» [3, с. 95]. Среди ведущих идей, которые должны утвердиться в сознании пролетариата, Г. П. Федотов отмечал идею интернационализма. Призыв к миру, однако, не означал необходимости его немедленного заключения, ибо ситуация была более выгодной для «германского кайзеризма». Пока он не будет уничтожен, возможности справедливого и прочного мира остаются призрачными. Он завершал свою брошюру парадоксом: «социализм, войну отрицающий, должен еще продолжать ее для осуществления своих идеалов. Это – трагическое противоречие, но путь истории всегда есть путь трагический» [3, с. 100].

Революционные события 1917 г. вызывали у многих российских интеллектуалов ассоциации с Великой французской революцией. Не избежал этого соблазна и Г. П. Федотов, обратившись к собраниям Публичной библиотеки. «В библиотеке пустынно и прохладно, – писал он в письме 31 июля 1917 г. – Мои

коллеги в отпуску, и никто мне не мешает наслаждаться испарениями веков, которые выдыхают книги. Путешествую по старой Франции, перелистывая фолианты гравюр 30^х гг. Заглянул во французскую революцию и начал успокаиваться за Россию. Дикости и озверения там было больше» [2, с. 206]. Однако имевшаяся еще тогда надежда на то, что «эта власть с республикой могут уцелеть, если судьба избавит нас от новых катастроф», не оправдалась. Развитие событий после неудачного летнего наступления на фронте привело, в конечном счете, к падению правительства А. Ф. Керенского.

«Милая Таня, – писал Г. П. Федотов через неделю после захвата красногвардейцами и революционными солдатами и матросами Зимнего Дворца, – с падением Керенского не осталось никаких надежд на сохранение республики» [2, с. 207].

Приход к власти большевиков и их желание заключить сепаратный мир с Германией Г. П. Федотов воспринял как национальную катастрофу, которая завершится полным распадом российской государственности, немецкой оккупацией и реставрацией капитализма [2, с. 208–209, 212–215, 219]. Поэтому, не отрекаясь от «интернационалистического мирозерцания» и социализма, историк указывал на значение «национальной политики» возрождения России, к которому он призывал в статьях, опубликованных в журнале «Свободные голоса» [3, с. 104–112].

Осмысление в публицистических статьях Г. П. Федотова причин и значения революции 1917 г. стало возможно после его эмиграции из советской России в 1925 г. В работах конца 1920-х – начала 1930-х гг., обобщенных в книге «И есть, и будет» [4, с. 5–195], легко заметить, как он осуществлял историзацию пережитого им в 1917 г. Логика представления негативного аспекта революционной стихии – развала и разрушения старого – и желание найти хоть какие-нибудь творческие элементы в пореволюционной России толкали его к достаточно критическим оценкам событий 1917 г. Они представлялись как «псевдоморфозы революции», т. е. подмена духовных по своей сути революционных преобразований волей к власти. В результате он не выделял как особый период революции события после февраля, так как их окончательный смысл определялся приходом к власти большевиков в октябре.

Существенные изменения в аспектах восприятия, а, следовательно, и в оценках революции, которая превращалась из прошлой пережитой реальности в символ, определяющий действия в будущем, произошли во второй половине 1930-х гг. «Февраль и октябрь» – так назвал опубликованную в ознаменование двадцатилетия революции статью Г. П. Федотов, стремившийся по-новому осмыслить отношения между ее двумя стадиями. С социологической и исторической точек зрения они по-прежнему выглядели для него как неразрывные звенья единой цепи революционного процесса. Однако обращение к сознанию групп, возглавлявших борющиеся классы, позволило историку не только разорвать, но и противопоставить эти два периода. С точки зрения моральной, «февраль не только не породил октября в этом смысле [в утверждении имморализма в политике. – А. А.], но в противостоянии ему нашел себя» [5, с. 76]. Вынесение духовной генеалогии лидеров Февральской революции за рамки тради-

ции освободительной деятельности революционной интеллигенции создавало для Г. П. Федотова такую перспективу, которая позволяла увидеть в ее основании «забытые, но еще живые заветы русского деятельного христианства, прошедшие сквозь разум западноевропейского, тоже христианского гуманизма» [5, с. 76]. В результате Февраль превращался в символ гуманизма, деятельного, социального христианства и, конечно же, Свободы (именно так, с большой буквы!), а случайные детали «демократических программ», «полу-якобинская, полу-марксистская фразеология, неуверенная тактика» предавались забвению.

Список литературы

1. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. – 2-е изд. – Paris, 1988.
2. Федотов Г. П. Собр. соч. – Т. 12. – М., 2008.
3. Федотов Г. П. Собр. соч. – Т. 1. – М., 1996.
4. Федотов Г. П. Собр. соч. – Т. 5. – М., 2011.
5. Федотов Г. П. Собр. соч. – Т. 7. – М., 2014.

**«ПАЛАДИН ЗАКОННОСТИ» И ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
СУДЬБА МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
А. С. ЗАРУДНОГО**

Ю. В. Варфоломеев

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье представлен небольшой, но знаменательный по содержанию и значению отрезок времени из жизни министра юстиции Временного правительства выдающегося политического защитника, одного из лидеров синергии «Молодая адвокатура» Александра Сергеевича Зарудного. Автор акцентирует внимание на его деловых и моральных качествах, определяет политическое кредо и стиль руководства Зарудного. Особое внимание в статье обращено на его приверженность принципам законности и справедливости, ориентации на основополагающие принципы Судебных Уставов.

Ключевые слова: А. С. Зарудный, министр юстиции, Временное правительство, законность.

**«PALADIN OF LAW» AND THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION:
THE FATE OF THE MINISTER OF JUSTICE
OF PROVISIONAL GOVERNMENT A. S. ZARUDNY**

Yu. V. Varfolomeyev

Chernyshevsky Saratov National Research State University, Saratov

The article contains a small but significant period of the life of the Minister of Justice Alexander Sergeevich Zarudny – by political advocate and leader of the synergy "Young Advocacy". The author focuses on his business and moral qualities, which determines the political credo and style of the Zarudny's leadership. Particular attention in the article is drawn to his adherence to the principles of justice and justice, provisions on the fundamental principles of the Judicial Charters.

Keywords: A. S. Zarudny, Minister of Justice, The Provisional Government, Legality.

За восемь месяцев деятельности Временного правительства сменилось пять министров юстиции, одним из которых был старший сын знаменитого «отца» Судебной реформы С. И. Зарудного – Александр Сергеевич Зарудный. В 1885 г. после окончания Училища правоведения он в течение нескольких лет служил прокурором, был членом Петербургской Судебной палаты и сотрудником министерства юстиции. В 1902 г. Зарудный перешел в адвокатскую корпорацию, став одним из лидеров неформального объединения политических защитников «Молодая адвокатура», и на этом поприще прославился своим участием на многочисленных политических судебных процессах позднеимперской России.

Революционные события 1917-го увлекли Александра Зарудного и его соратников по «Молодой адвокатуре» в эпицентр политических событий, а один из них – А. Ф. Керенский, занял должность министра юстиции во Временном пра-

вительстве. Из близкого круга лиц, хорошо известных ему не только своими профессиональными, но и моральными качествами, он выбрал своим заместителем именно Зарудного. Как считал сенатор С. В. Завадский «с Керенским его связывала, видимо, большая приязнь, из-за которой он и принял должность товарища министра» [1, с. 36]. Этот выбор, очевидно, не случаен и логичен. Новый министр знал Александра Сергеевича как человека, умудренного богатым жизненным опытом, прошедшего службу на различных должностях российской юстиции – от прокуратуры и суда конца XIX в. до адвокатуры начала XX в. Кроме того, он был своеобразным «наследником» судебных преобразований России не только по фамильной принадлежности, но и по своей искренней убежденности в непреходящую важность и значимость Судебных Уставов, а также в силу верности, по его словам, «этому памятнику судебной реформы...» [2, с. 131].

Служба А. С. Зарудного на ответственных должностях во Временном правительстве состоит из двух периодов. Первый – он на должности товарища министра юстиции с 5 марта по 6 июня, и второй – во главе этого министерства во Втором коалиционном правительстве, с 25 июля по 3 сентября 1917 г. В министерстве юстиции по инициативе Зарудного была создана Комиссия по пересмотру Судебных уставов. Несмотря на увлеченность и напряженную деятельность всех членов комиссии ее результаты были весьма скромными, а кропотливая работа продвигалась с большим трудом, и, к сожалению, эти амбициозные планы так и не реализовались. По мнению Демьянова, «Зарудный не хотел менять уставов и нашел в этом отношении много сочувствовавших ему» [3, с. 77].

Главной проблемой первых дней февральской революции были внесудебные аресты. К Зарудному потянулись родственники арестованных, ища защиты и содействия. Он не мог оставаться безучастным к судьбам людей ни в силу своего характера, ни в силу занимаемого положения. «Мы полагали бы, – указывал он, – что число подобных арестованных должно ограничиваться теми, арест которых, безусловно, необходим; что при содержании арестованным надо дать всевозможные облегчения, ибо это будут люди, преступлений не совершившие и что при первой возможности надо их освободить» [4, л. 42]. Во взглядах и подходах к решению проблемы внесудебных арестов как раз и обнаружились принципиальные и острые разногласия между Керенским и его заместителем, в результате которых Зарудный 26 марта подал прошение об отставке. Подоплеку отставки и ее эмоциональный настрой передает письмо Зарудного министру юстиции, написанное им в тот же день, с подробным объяснением причин такого решения [5]. Новая Россия, по его убеждению, должна была сделать однозначный выбор – от государства полицейского к государству правовому.

После ухода из министерства он недолго оставался не у дел. Немногим более чем через месяц после своей громкой отставки, 5 мая 1917 г., Зарудный вернулся в министерство юстиции, только теперь уже заместителем нового главы этого ведомства – П. Н. Переверзева, а после отставки последнего, когда очередным министром юстиции стал И. Н. Ефремов, Зарудный был назначен на другую ответственную должность – Старшим председателем Петроградской Судебной палаты. Но пробыл на этой должности всего несколько дней, так как 25 июля 1917 г. он, теперь уже в качестве министра юстиции и генерал-прокурора, вошел в состав нового коалиционного правительства во главе с А. Ф. Керенским. Свое

кредо Зарудный выразил следующим образом: «должна быть одна обязанность, одна программа действий, это – спасение отечества» [4, л. 22]. Таким образом программной установкой Зарудного при вступлении в должность министра юстиции стала его искренняя вера в то, что самоотверженным, одухотворенным трудом всех – от рядового чиновника до министра можно добиться спасения Отечества и устройства в новой России правового порядка.

При Зарудном, в связи с тяжелой криминогенной обстановкой в стране было дополнительно учреждено в Петроградском окружном суде еще 21 должность судебного следователя, в прокурорском штате – 13 вакансий. В Московском окружном суде он предлагал довести число судебных следователей до 79 человек, а в прокурорском надзоре учредить еще 12 новых должностей [Там же]. Между тем, 9 августа 1917 г. постановлением Временного правительства за подписями А. Ф. Керенского и Зарудного был отсрочен созыв Учредительного собрания. Этот шаг многие современники и исследователи справедливо расценили как ошибочный, давший еще один шанс большевикам для захвата власти.

Серьезным испытанием для Временного правительства и персонально для каждого министра стал, так называемый, «корниловский мятеж». В этой кризисной ситуации Зарудный предлагал, уже примеривавшему на себя диктаторские полномочия, премьеру пойти на переговоры с генералом Л. Г. Корниловым, но Керенский, упоенный своей популярностью и бонапартистским настроением, самонадеянно решил справиться с кризисом в стране без опоры на сторонников. В довершение всех этих перипетий, 1 сентября 1917 г., А. С. Зарудный в качестве министра юстиции вместе с А. Ф. Керенским поставил свою подпись под манифестом Временного правительства о провозглашении России республикой и о создании Директории.

Между тем, разочаровавшись в авторитарном руководстве и непродуманной политике, проводимой министром-председателем, Зарудный ушел в отставку 3 сентября 1917 г. В своем прощальном слове, адресованном служащим министерства юстиции, Александр Сергеевич с долей разочарования и горечи констатировал: «Настоящие работники – это вы, я же у вас был только гостем» [6]. Однако, думается, Зарудный был в министерстве юстиции и не «гостем», и не «хозяином», а «паладином законности» – служителем Фемиды, так как во Временное правительство его привела «не жажда власти, – справедливо заметил В. Д. Перазич, – а мечта продолжить начинания своего отца» [4, л. 11].

Список литературы

1. Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916-17 годах) // Архив русской революции. В 22 т. – М., – 1991. – Т. 11.
2. Краснов В. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции: в 22 т. – М., – 1991. – Т. 8.
3. Демьянов А. А. Моя служба при Временном Правительстве // Архив русской революции: в 22 т. – М., – 1991. – Т. 4.
4. РГИА. – Ф. 857. – Оп. 1. – Д. 8.
5. Варфоломеев Ю. В. «Эта чисто полицейская мера не должна исходить от министра правосудия...» (Письмо А. С. Зарудного А. Ф. Керенскому) // Отечественные архивы. – 1999. – № 5. – С. 81–84.
6. Речь. – 1917. – 3 сентября.

ТРАГЕДИЯ НАРОДНОГО СОЦИАЛИСТА: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В СУДЬБЕ В. В. ВОДОВОЗОВА

В. Ю. Волошина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Статья посвящена участию в революции 1917 года известного общественно-политического деятеля, публициста и специалиста в области государственного права В. В. Водовозова, в частности, его работе в Особом совещании по разработке Положения о выборах в Учредительное собрание. Она написана на основе неопубликованных воспоминаний В. В. Водовозова, хранящихся в Государственном архиве РФ (ГА РФ). Этот исторический источник свидетельствует о напряженности межпартийных противоречий в демократическом лагере весной и летом 1917 г. и помогает понять причины крушения либерально-демократического варианта развития России после февральской революции.

Ключевые слова: революция, Учредительное собрание, партия трудовиков, народные социалисты, Особое совещание Временного правительств, воспоминания.

THE TRAGEDY OF THE PUBLIC SOCIALIST: THE REVOLUTION OF 1917 IN THE FATE OF V. V. VODOVOZOV

V. Yu. Voloshina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The article is devoted to participation in the revolution of 1917 the well-known public and political figure, publicist and expert in the field of public law, V. V. Vodovozova, in particular, his work in Special meeting on the development of Provisions on the Constituent Assembly elections. It is written based on the unpublished memoirs of V. V. Vodovozova, stored in the State archive of the Russian Federation (SA RF). This historical source shows the tension inter-party contradictions in the democratic camp in the spring and summer of 1917, and helps to understand the reasons for the collapse of the liberal-democratic development of Russia after the February revolution.

Keywords: revolution, Constituent Assembly, party Trudoviks, the popular socialists, a Special meeting of the Interim government, memories.

Василий Васильевич Водовозов (1864–1933) – личность довольно известная в дореволюционной России. Его знали как ученого-правоведа, написавшего большую часть статей по новейшей истории, политическому строю и государственному праву стран Запада для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона», талантливого публициста, сотрудничавшего в ряде периодических либерально-демократических изданий («Вестник Европы», «Русское богатство», «Новое слово». «Новый путь», «Начало». «Наша жизнь» и др.), активного деятеля партии народных социалистов (энесов), одного из основателей и идейных вдохновителей «Трудовой группы», ставшей самостоятельной фракцией в I Государственной думе и т.п. Его политические взгляды Е. Д. Кускова определяла как «трудовик, центрист, левее кадет» [1]. За свою оппозиционную

деятельность В. В. Водовозов не раз подвергался арестам, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку, вынужден был скитаться за границей. Все это подорвало его здоровье, и когда произошла долгожданная революция, он не мог принять в ней активного участия. Именно в это время Водовозов написал в своем дневнике, что чувствует себя в состоянии белки, «которой достали орехов, когда у нее выпали все зубы» [2, с. 338]. Тем не менее, Февральская революция вновь вернула его в политику. В июне 1917 г. он вошел в ЦК Трудовой народно-социалистической партии, был избран по спискам этой партии в состав Учредительного собрания и стал одним из признанных лидеров демократического лагеря. Октябрьскую революцию он не принял, встав в оппозицию к большевикам. В сентябре 1922 г. В. В. Водовозов выезжает вместе с женой в 6-месячную научную командировку в Германию, но впоследствии на Родину так и не возвращается. За границей вначале жил в Берлине, где работал над «Энциклопедическим словарем» в издательстве З. И. Гржебина. В апреле 1923 г., в рамках Русской акции чехословацкого правительства, переехал в Прагу. Первоначально жизнь в эмиграции для него складывалась успешно. Получив должность профессора, преподавал в Русском народном университете в Праге и занимался научной работой. В 1925 г. была издана его книга «Новая Европа», В. В. Водовозов принимал участие в подготовке многотомной чешской энциклопедии, регулярно выходили его аналитические статьи в различных эмигрантских изданиях. Ученый ведет активную общественную и политическую жизнь, войдя в Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике и став его Почетным членом. Но с конца 1920-х годов ситуация меняется. Экономический кризис и сложная социально-политическая обстановка в стране заставляют чехословацкое правительство свернуть Русскую акцию и многие гуманитарные проекты. Материальное положение семьи В. В. Водовозова, как и многих других эмигрантов, становится критическим. Кроме того, у него резко ухудшается здоровье, прогрессируют глухота и слепота. Не найдя другого выхода из сложившейся ситуации, он в октябре 1933 г. бросился под товарный поезд в Збраславе (пригород Праги).

В современной историографии о жизни В. В. Водовозова написано немного. Исследователей в основном интересует его научное наследие и политическая деятельность в контексте истории демократического движения дореволюционной России. Одной из самых интересных публикаций о нем, на мой взгляд, является работа Н. А. Родионовой «Жизнь и житие энциклопедиста В. В. Водовозова» [2]. В ней автор на основе ранее не используемых архивных документов, в том числе неопубликованных дневников и воспоминаний ученого, более или менее подробно воспроизводит его жизненный путь. Однако событиям 1917 г. здесь уделяется немного внимания. Именно поэтому целью данной публикации является анализ оценки В. В. Водовозовым революционных событий 1917 г., непосредственным участником которых он был. Это позволит уточнить и детализировать позиции многих политических деятелей весной и летом 1917 г., а значит и глубже понять механизм нарастания революционного кризиса в стране. В связи с этим можно привести слова самого В. В. Водовозова, когда он говорил, что главные факты революционных событий уже известны, но

«есть еще и мелочи жизни, все они очень важны, ведь наша жизнь складывается из мелочей. Тут еще очень много такого, что в высшей степени интересно, и притом много противоречивого и странного» [3, л. 122]. Источником такого анализа могут послужить неопубликованные воспоминания нашего героя, хранящиеся в его личном фонде Пражской коллекции ГАРФ. Они представляют собой рукопись, состоящую из черновых набросков, планов-проспектов и текстов отдельных глав. В основном это машинописный текст, но дополнения, иногда в несколько страниц, заметки на полях, черновые наброски написаны от руки.

Рукопись «Революция 1917. Воспоминания» датирована 1932 годом. К сожалению, она либо не сохранена, либо не закончена. Но о том, что хотел включить в воспоминания мемуарист, позволяет судить сохранившийся план-проспект (содержание) этой работы [3, л. 117]. Началом революции он считал речь Милюкова 1 ноября 1916 г. В первой главе (стр. 1–32) автор предполагал охарактеризовать свои пессимистические прогнозы перспектив революции в свете общественных настроений и нарастания негативных тенденций в развитии революционного процесса (усиление преступности). Вторая глава (стр. 32–54) посвящалась роли А. Ф. Керенского в событиях 1917 г. Падение его популярности он связывал с «делом Корнилова». В третьей главе (стр. 55–78) он планировал проанализировать общественные настроения по вопросам войны и мира, проявляемые на страницах периодической печати и на митингах, в том числе крестьянских. Известно, что в это время наш герой активно сотрудничал в демократической печати, критикуя Временное правительство за промедление демократических преобразований, отказ от опубликования тайных дипломатических договоров царского правительства с империалистическими державами. Четвертая глава (стр. 79–124) должна была быть посвящена деятельности Особого совещания «для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание», образованного Временным правительством. Как выше отмечалось, после Февральской революции В. В. Водовозов возвращается в политику и от Трудовой Народно-социалистической партии входит в состав этого совещания. В пятой главе (стр. 125–132) и шестой (133–182) главах он планировал охарактеризовать ситуацию в стране осенью 1917 г. на основе впечатлений, оставшихся у него от агитационных поездок на Кавказ, в Новгородскую и Оренбургскую губернии.

Из этих воспоминаний в архивном деле фрагментарно сохранились несколько глав, в частности о работе Особого совещания. В. В. Водовозов подчеркивает, что его «первой политической мечтой после революции», захватившей его целиком, была мечта об Учредительном собрании. «Я должен был все свои силы отдать на работу для возможно скорейшего, и возможно более правильного, т.е. соответствующего воле народных масс, созыва Учредительного Собрания. Я слишком много занимался вопросами избирательного права, чтобы понимать, что везде и всегда необходимо время для составления избирательных списков, для организации избирательных бюро и производства самих выборов, а при русских условиях, при отсутствии органов местного самоуправления, которые пользовались бы общим доверием, при расшатанности власти, при общей разрухе, созданной войной и революцией, в особенности, что сроки,

вроде двух месяцев, которые понадобились для всего этого во Франции в 1848 г., у нас совершенно неприемлемы» [3, л. 130]. Он пишет, что хотя все (Временный Комитет Государственной думы, Временное правительство, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов) понимали необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания, все же решение этого вопроса постоянно затягивалось, в частности только 25 марта был, наконец, принят декрет об образовании Особого совещания, но опубликован он был 30 марта. В его состав включили видных юристов и специалистов в области истории права (Ф. Ф. Кокошкин, Б. А. Лазаревский, В. А. Маклаков, И. В. Гессен, В. Д. Набоков, Н. М. Котляревский, А. С. Зарудный, Б. Э. Нольде, А. С. Лаппо-Данилевский и В. В. Водовозов), а также предложили прислать своих представителей Совету рабочих депутатов, различным политическим партиям, думским группировкам и общественным организациям. В Совещании должна была быть представлена и армия, в том числе ее фронтовая часть. В. В. Водовозов пишет, что необоснованное расширение состава Совещания затягивало процесс его формирования. На него влияли всякие случайные обстоятельства. Например, в эти дни покончил самоубийством сын председателя Исполкома Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе, потрясенный этой трагедией отец, забыл о необходимости прислать кандидатуру представителя Совета для участия в работе Совещания. Правда, Водовозов замечает, что, если бы социал-демократы хотели ускорить формирование этого органа, они бы напомнили об этом своему коллеге. Совещание начало работать только в мае. В его состав вошло 76 человек, большинство из которых составляли социал-демократы и эсеры. [3, л. 133]. Работу затрудняла некомпетентность многих его членов, зачастую они просто не понимали, о чем шла речь. По его мнению, многие считали, что совещание должно выработать список вопросов для обсуждения Учредительного собрания. Водовозов приводит слова И. В. Гессена, сказавшего, что «в Совещании есть всего две партии: партия, понимающих дело и им интересующихся и партия, дела не понимающих и им не интересующихся» [3, л. 135]. Интересно свидетельство Водовозова об участии в работе в Совещании историка профессора А. С. Лаппо-Данилевского. Он пишет, что первоначально был удивлен, увидев эту кандидатуру в списке, все же затем признал, что, хотя он и редко выступал, но всегда по делу и очень основательно [3, л. 134]. Пленарные заседания проходили 3 раза в неделю в течение 4–5 часов. Обычно присутствовало не более 30 человек, из них около 20 человек принимали активное участие в работе. Водовозов отмечает, что за исключением большевика Корловского, «который определенно вел большевистскую линию», партийная принадлежность других участников практически не ощущалась. Наибольшие разногласия вызвали вопросы о возрастном цензе избирателей, о дне голосования и о лишении права пассивного голоса членов семьи Романовых. К сожалению, в архивном деле нет окончания параграфа, посвященного Особому совещанию, и мы не можем проследить все нюансы деятельности этого органа революции. Но даже фрагменты этого источника позволяют судить о напряженности межпартийных противоречий в демократическом лагере весной и летом 1917 года и помогают понять

причины крушения либерально-демократического варианта развития России после февральской революции.

Список литературы

1. Кускова Е. Д. Памяти Водовозова // Последние новости. – Париж. – 1933. – 11 октября.
2. Родионова Н. А. Жизнь и житие энциклопедиста В. В. Водовозова // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. – М., 2016. – С. 330–345.
3. ГА РФ. – Ф. Р-5907 (Водовозов В.В.). – Оп. 1. – Д. 3. (Черновая рукопись автобиографической повести В.В. Водовозова «Новый век»).

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ КРУШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Н. Г. Дружинкина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В данной статье рассматриваются архивные документы – письма очевидцев революционных событий в России в конце XIX – начале XX в. Современники точно дали характеристику перемен социальной, политической, экономической жизни России. Непосредственные впечатления, яркие эпитеты делают ту эпоху ближе и понятней.

Ключевые слова: революция, большевики, церковь, противоречия, письма.

THE CHARACTERISTICS OF THE ERA OF THE COLLAPSE OF THE RUSSIAN EMPIRE (FROM THE LETTER)

N. G. Druzhinkina

Russian State University for the Humanities, Moscow

This article discusses archival documents-letters of eyewitnesses of the revolutionary events in Russia in the late XIX – early XX century Contemporaries gave precisely the characteristic of change social, political, economic life of Russia. Direct impressions, epithets make the age closer and clearer.

Keywords: revolution, the Bolsheviks, the Church, the contradictions, letters.

Сегодня в науке существует разные теории революции: Карла Маркса, Чалмерса Джонсона, Джеймса Дэвиса, Чарльза Тилли, Ле Бона и другие. В каждой из них учитываются социальные и психологические параметры революции. Измерение психологического статуса революции, накала страстей можно обнаружить в архивных источниках, в частности, в эпистолярном наследии того времени. Так, в целях борьбы с крамолой предлагалось опереться на преданные Империи в провинции силы. Аноним писал: «<...> крамола должна быть, безусловно, подавлена в месте пребывания Государя и Его Августейшего Семейства, а в провинции способные представители правительства могут еще разумно воспользоваться беспредельною преданностью к Священной Особе Государя, присущую русскому народу, для открытия злоумышленников <...>» [1, л. 4 об.].

Об отношении к политике Николая II со стороны крестьян могут свидетельствовать «Адреса крестьянских обществ...», в которых просят «Царя-батюшку» хранить Самодержавие и православную веру от врагов внутренних, жалуются на притеснения со стороны дворян. «...крестьяне Вологодской губернии, Грязовецкого уезда, Ведерковской Волости, Рогачевского общества, обсудив милостивые Манифесты, данные Вашим Императорским Величеством,

6 августа, 17 октября и 3 ноября минувшего 1905 г. и современное движение Русского общества, единогласно решили: за Высочайшие манифесты выразить Вам, Отец Ты наш, свою полную сыновнюю благодарность и верноподданнические чувства. Нашлись в России люди, требующие уничтожения Самодержавия и хотят уговорить Тебя, дорогой наш Батюшка, отказаться от самодержавия добровольно.

И это зло разлилось широко, захватив почти все слои даже коренного населения России, не говоря уже об окраинах...» [2, л. 15–16], – писали крестьяне, высказывая недоверие к членам Думы – «самозванцам, выступающим от имени народа», к чиновникам, к еврейству с настоятельной просьбой хранить самодержавие. Нужно Тебе кликну клич, скажи только царское свое слово и мы все, как один человек, плотною стеною станем около Трона Твоего, готовые постоять грудью, положить жизнь свою за веру православную и за тебя, Царь Самодержавный <...>» [2, л. 75–76], – письмо подписано «Верноподданные дети Вашего Императорского Величества» именами на нескольких листах. «Мужицкий» стиль изложения не заставляет усомниться в подлинности выражаемых чувств и настроений крестьян. Народ стремился к единению с Православным Царем, Царь, в свою очередь, – преодолеть средостение между императорской властью и народом. Несмотря на обоюдное желание, непроходимая стена, казалось, заслоняла народ от своего Помазанника Божия и разрушала «наивную» веру народа в «доброе» царя.

Архивы хранят удивительные тайны, позволяют проследить судьбы представителей разных сословий и постигать «душу» истории. Например, «Письма Черноуцана Александра (племянника епископа Арсения, ученика Санкт-Петербургской Духовной Академии – Н. Д.) к митрополиту Арсению (Стадницкому Авксентию Георгиевичу) 1903–1917 гг., хранящиеся в Государственном архиве РФ.

Как известно, племянник митрополита Арсения – Александр Миныч Черноуцан (1882–1937) в 1907 г. окончил Санкт – Петербургскую Духовную Академию, в 1908 г. стал помощником смотрителя Кутаисского, а затем Пинского духовного училища. В 1916 г. вступил на пост помощника смотрителя Нижегородского духовного училища. После революции в 1918 г. принял священный сан, служил в Удмуртии и Нижнем Новгороде. Принимал участие в Соборе 1917/1918 гг. Русской Православной Церкви по избранию как мирянин от Нижегородской епархии. Разделил судьбу духовенства, подвергшегося гонениям в условиях богоборческого большевистского режима, период с 1926 по 1937 г. прошел по тюрьмам и ссылкам. В 1937 г. его расстреляли [3, с. 404.].

Адресатом студента Санкт-Петербургской Духовной Академии был его дядя – митрополит Арсений (Стадницкий) (22.01.1862 – 10.02.1936) – значительная фигура церковной истории. В 1885 г. он закончил Казанскую Духовную Академию, в 1895 г. получил степень магистра богословия, был пострижен в мантию, в 1896 г. стал иеромонахом, сначала инспектором, а потом ректором Новгородской духовной семинарии, архимандритом, настоятелем монастыря преподобного Антония Римлянина. В 1897 г. был приглашен на пост инспектора Московской Духовной Академии, через год заступил на должность ее ректо-

ра. Карьерный рост продолжался. В 1899 г. он стал епископом Волоколамским, викарием Московской епархии, в 1903–1910 гг. – епископом Псковским и Порховским. В 1907 г. – член Государственного Совета, в 1910 г. стал архиепископом Новгородским и Старорусским. 1917 г. отмечен его митрополитством. В 1922 г. митрополит Арсений был осужден и отбывал ссылку в Средней Азии. В 1933–1936 гг. он получил митрополичью кафедру в Ташкенте [3, с. 245].

В своих письмах Александр Черноуцан доверительно сообщает дяде все, что волновало его юную душу, делится впечатлениями об общественной, политической жизни. Тон его изложения в письме то спокойный, то натянутый, взволнованный, напряженный, в зависимости от того, что он описывает, вопросы церковных реформ, или отдельные личности, или свои успехи в учебе: 18 октября 1905 г. пишет о стачках и манифестации с марсельезой на Невском проспекте, называя Витте – «хитрой лисой», Трепова – «Лживым волком» [4, л. 80].

По мере того, как ситуация в стране накалялась, менялся и стиль изложения сообщений, появляются подробности повседневной жизни, по которым можно сделать выводы о психологическом климате в обществе. Например, А. Черноуцан писал в очередном письме: «... в дни манифестаций и демонстраций, происходивших после 17 числа, случались некоторые курьезы. Так, например, от группы студентов технологического института был вызван к телефону Трепов. Поздравлявший его с конституцией, в ответ на что, он посылает им крепкое русское слово и этим разговор исчерпывается. Той же, кажется, группой был вызван к телефону и Победоносцев. На вопрос его “кто у телефона?” говоривший назвал князем Мещерским и спросил: “как вы себя чувствуете Константин Петрович?”. Не знаю, как продолжился этот разговор, но в это время, говорят, стоявшие у телефона рассмеялись. ... услышал ... отошел от телефона сердито бормоча что-то. Говорят еще, что в день объявления манифеста пред домом Победоносцева устроили кошачий концерт. Бедный старец! Знаю, что Вас очень интересует и то, что относится к академической жизни... Сегодня была у нас сходка. Высказывались мнения против забастовки; указывалось на необходимость нашего присутствия здесь, чтобы активно участвовать в решении вопроса об автономии, и с этой целью предлагалось заступить с 1 ноября к занятиям. В общем же, признавая забастовку только единственным возможным средством борьбы, но далеко не наилучшим, решено испробовать некоторые другие средства. В этих видах решено отправить депутации к Оболенскому и Витте. К Оболенскому, этому маленькому либералу, по слухам решено отправить депутацию как к обер-прокурору, для ознакомления его с делом, чтобы Синод не представил ему нашего дела в ложном свете, – вот до чего дискредитирована наша высшая церковная власть! К Витте найдено нужным послать депутацию как к премьеру – министру, подведомственным которому, как член кабинета, явится и Оболенский. Не знаю, что дальше будет. Одного я боюсь, чтобы из этого дела ничего не вышло» [4, л. 89]. Письма помогают вскрыть противоречия революционной эпохи, следить за развитием революционной ситуации, выявить, когда мирный этап оказывается пройденным, и в 1917 году все чаще и чаще появляются описания столкновений противоборствующих сторон.

Таким образом, архивные материалы обнажают проблематику церковной и общественной жизни, революционной ситуации, интересы разных групп и классов, позволяют обнаружить новые факты, углубить характеристику действующих лиц, вскрыть нерв истории...

Список литературы

1. ГА РФ. – Ф. 677. – Оп. 1. – Д. 500.
2. ГА РФ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 905.
3. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. – М., 2002.
4. ГА РФ. – Ф. 550. – Оп. 1. – Д. 497.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. А. РОЖКОВА В ЭПОХУ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

С. П. Исачкин

Омский государственный университет путей сообщения, Омск

В статье анализируются идейные взгляды одного из лидеров РСДРП Н. А. Рожкова. Автор рассматривает их эволюцию в разные периоды истории России начала XX в. На основе данного исследования сделан вывод о непосредственной связи идейных позиций и тактических установок Н. А. Рожкова с особенностями социал-демократического движения в Сибири.

Ключевые слова: Ленин, Рожков, ссылка, социал-демократия, большевизм, меньшевизм, ликвидаторство, примиренчество.

THE EVOLUTION OF THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL VIEWS OF N.A. ROZHKOV IN AN ERA OF RUSSIAN REVOLUTIONS

S. P. Isachkin

Omsk State Transport University, Omsk

The article analyzes the ideological views of one of the leaders of the RSDRP N. A. Rozhkov. The author examines their evolution in different periods of the history of Russia in the early twentieth century. On the basis of this study concluded about the direct connection of ideological and tactical positions of N. A. Rozhkov with features of the social democratic movement in Siberia.

Keywords: Lenin, Rozhkov, exile, social democracy, Bolshevism, Menshevism, liquidationism, conciliation.

Социал-демократическое движение в Сибири было единым. В нем отсутствовало фракционное размежевание на большевиков и меньшевиков вплоть до 1917 г. В такой ситуации, разумеется, нельзя вести речь о политической направленности той или иной организации в целом. Можно лишь рассуждать об идейных позициях ее большинства, которые в свою очередь формировались под воздействием партийных руководителей. Однако и лидеры сибирских организаций РСДРП далеко не всегда отличались мировоззренческой последовательностью. Ярким примером сказанному могут служить идейно-политические взгляды социал-демократа Н. А. Рожкова. Его имя было широко известно в политических кругах России. Тем не менее, подробная информация о нем в советской исторической литературе отсутствовала. Это объясняется сложной, противоречивой натурой Н. А. Рожкова, не укладывавшейся в привычную для историографии тех лет классификацию на «твердокаменных» большевиков и «интеллигентствующих» оппортунистов. Впрочем, в обобщающих трудах по революционному движению в Сибири он был отнесен как раз к последним. На самом же деле его мировоззренческие позиции не поддаются однозначной оценке.

С одной стороны, Н. А. Рожков был представителем блестящей плеяды русской университетской профессуры, из которой, как правило, выходили кадетские лидеры, с другой – являлся неутомимым революционером, открыто призывавшим к вооруженному восстанию. 25 июля 1906 г. московский градоначальник генерал Рейнбот писал вышестоящему губернскому руководству: «С февраля месяца текущего года в Охранное отделение стали поступать агентурные сведения, указывающие на приват-доцента здешнего университета Рожкова, как на одного из лидеров местной организации РСДРП, принадлежащего к фракции «большинства», пропагандирующего вооруженное восстание и оказывающего весьма вредное влияние на молодежь» [1, с. 168]. В данном случае агентурные сведения оказались верны. Действительно, в годы Первой российской революции Н. А. Рожков вступил в ряды РСДРП, примкнув к ее большевистскому крылу, довольно быстро стал членом Московского, затем – Петербургского комитетов партии, а на IV съезде был избран в члены ЦК. С осени 1906 до весны 1907 г. Николай Александрович проживал вместе с В. И. Лениным в Финляндии, где они тесно сблизились в своих идейных воззрениях. Затем царские власти арестовали Н. А. Рожкова и после двадцатипятимесячного заключения сослали в Сибирь [2, с. 102, 103]. Все это вполне соответствовало классической биографии большевистского лидера. Однако в ссылке Н. А. Рожков неожиданно для многих переосмысливает свое идейно-теоретическое кредо. Именно здесь он публикует статьи чисто реформистского направления, где Рожков-ученый заметно превалирует над Рожковым-политиком. Так, в Иркутской газете «Восточная заря» от 18 июля 1910 г. он утверждал, что «Россия постепенно вступает в период культурного капиталистического развития, которое в конце концов приведет к существенным общественным изменениям, а следовательно, и классовая борьба должна принять культурный характер в виде парламентских дебатов и легальных рабочих организаций». В начале своей ссылки он даже предлагал распустить местные подпольные организации. Неудивительно, что реакция В. И. Ленина на подобные заявления своего бывшего соратника была крайне негативной [3, с. 396, 399]. Это впоследствии дало повод советским историкам заклеймить Н. А. Рожкова как ярого ликвидатора и изменника делу революции.

Действительно, в публицистическом наследии Н. А. Рожкова явно доминировала реформистская идеология. Однако это не означало, что он полностью отвергал революцию. Он лишь считал ее не лучшим средством политического и социально-экономического преобразования России. Так, в статье «Землеустройство и население в Иркутской губернии» Николай Александрович писал, что у господствующих классов «вероятнее всего не хватит сил вывести страну в ряд культурных государств и тогда найдутся другие силы». «Не верить в это, – подчеркивал он, – значило бы не верить в будущность России» (Цит. по кн.: [4, с. 382]). Ошибочно также традиционное представление о Н. А. Рожкове как о «законченном ликвидаторе». В подготовительных материалах для энциклопедического словаря Русского библиографического института Граната утверждалось: «Отнюдь не отрицая значения подпольной партии и нелегальной работы, Рожков настаивал на особом развитии легальной работы и на борьбе за легальные от-

крытые организации всякого рода». Данный вывод был сделан на основе его автобиографии, написанной в 1924 г. [5, с. 164]. Однако сомневаться в искренности этих слов не следует. Они подтверждаются самой деятельностью Н. А. Рожкова во время сибирской ссылки. Действительно, здесь он всегда отдавал приоритет легальным формам работы. Достаточно сказать, что в деле налаживания и функционирования подцензурной демократической прессы ему вообще не было равных за Уралом. Он являлся организатором «Иркутского слова», «Молодой Сибири», «Новой Сибири», был одним из редакторов «Восточной зари», «Нашего дела», «Восточной Сибири», «Голоса Сибири», «Сибирской мысли» и некоторых других изданий. Особенно заметен его вклад в развитие легальной прессы в Иркутске, Чите, Новониколаевске, которая имела социал-демократическую направленность. Сам Николай Александрович за 1911 – 1916 гг. опубликовал в местной печати не менее 137 собственных статей [6]. Много внимания уделял он кооперативному движению и просветительской работе в регионе. Между тем все это не мешало ему тесно контактировать с подпольщиками Иркутска, Томска, Новониколаевска, Тюмени, оказывать им действенную помощь. По мнению еще одного активиста «газетного дела» в Сибири Н. Ф. Насимовича (Чужака), «ликвидаторство Рожкова было особенное: он мог быть и был ликвидатором слова, но не был и не мог быть ликвидатором дела» [7, с. 176].

Как видно, чистого ликвидатора из Н. А. Рожкова не получилось. Сами условия социал-демократического движения в Сибири толкали его к примиренчеству, к которому он, впрочем, был расположен ментально. Уже 16 апреля 1912 г. на страницах «Иркутского слова» Н. А. Рожков солидаризировался с В. И. Лениным в отношении сибирского депутата Государственной думы Т. О. Белоусова, покинувшего фракцию социал-демократов по политическим мотивам. Депутат выразил принципиальное несогласие с той ее частью, которая стояла «поперек пути строительства творчества демократической мысли» [8, с. 98]. В данном случае нетрудно догадаться, что речь шла о сторонниках В. И. Ленина. В ответ на это Н. А. Рожков заявил, что фракция представляет все рабочее движение и единую тактику партии. «Не одни большевики, но и меньшевики, и даже ликвидаторы, – настаивал он, – безусловно, принимают эту тактику. Никакой специфически большевистской тактики нет и быть не может». Разумеется, это было не так, о чем свидетельствовал последующий раскол думской фракции эсдеков. Однако по высказываниям Н. А. Рожкова можно судить о его стремлении к объединительству.

В 1914–1917 гг. во взглядах Н. А. Рожкова стали проявляться резкие колебания между правым и левым центризмом. С одной стороны, он оставался сторонником теории «культурного капитализма», развитие которого «неизбежно в России при любом исходе мирового конфликта» [9, с. 193]. С другой стороны, Н. А. Рожков пропагандировал радикальные антивоенные лозунги на митингах и собраниях, что позволило Н. Ф. Насимовичу говорить о «правильном большевизме» своего коллеги в рассматриваемое время [7, с. 179]. Конечно, это было явным преувеличением, но идейные колебания Н. А. Рожкова были не случайны, они отражали политическую неустойчивость сибирской социал-демократии в целом. Примечательно, что примиренчество, воспринятое им в

ссылке, оказалось очень живучим. Сразу после Февральской революции Николай Александрович возвращается в Москву, где активно участвует в создании организации социал-демократов-объединенцев. Правда, она в свою очередь вскоре сливается с меньшевистской партией, в которой Н. А. Рожков поддерживает левое крыло Ю. О. Мартова. В 1920 г. Н. А. Рожков принимает участие в кампании по выборам в Петроградский Совет, отстаивая блок меньшевиков и большевиков на основе компромиссной программы [5, с. 164, 165]. Когда же Н. А. Рожков понял, что объединение между ними в принципе невозможно, он выходит из РСДРП, но и в РКП(б) не вступает. Впоследствии, уже отошедший от политики профессор истории признавался, что коммунистом он никогда не был, но на три четвертых был большевиком и лишь на 25 % – меньшевиком [10, с. 170]. Это была политическая самооценка Н. А. Рожкова. Однако, если судить объективно, его идейная ориентация претерпела гораздо более сложную эволюцию, а именно: от твердого большевизма до яркого ликвидаторства и далее – от примиренчества меньшевистского к примиренчеству надфракционному. Такая идейная неустойчивость была присуща всему социал-демократическому движению Сибири. Поэтому обращение к фактам биографии Н. А. Рожкова во многом способствует пониманию данного явления политической жизни за Уралом.

Список литературы

1. Баум Я. Д. Несколько фактов из биографии Н. А. Рожкова // Каторга и ссылка. – 1928. – № 6.
2. Николай Александрович Рожков // Северная Азия. – 1927. – № 4.
3. Ленин В. И. Манифест либеральной рабочей партии // Полн. собр. соч. – Т. 20.
4. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – Красноярск, 1973.
5. Рожков Н. А. Автобиография // Каторга и ссылка. – 1927. – № 3.
6. Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова. – М., 1928.
7. Чужак Н. Рожков в ссылке // Каторга и ссылка. – 1927. – № 3.
8. Родионов Ю. П. Т. О. Белоусов возражает В. И. Ленину (Неопубликованная статья Иркутского депутата III Государственной думы) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 1993.
9. Сидоров А. Исторические взгляды Н. А. Рожкова // Историк-марксист. – 1929. – № 13.
10. Федорченко Л. С. (Чаров Н.). О Н. А. Рожкове // Каторга и ссылка. – 1927. – № 3.

Ф. А. СТЕПУН: СТРАСТИ ПО ОКТЯБРЮ

Г. А. Мухина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Показано видение Ф. А. Степуном социологических и ментальных причин революции, ее эмоционального поля.

Ключевые слова: Россия, революция, большевизм, русский народ, вера.

F. A. STEPUN: PASSIONS ON OCTOBER

G. A. Moukhina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

F. A. Stepun vision of sociological and mental reasons of revolution is shown, his view on emotional field of revolution.

Keywords: Russia, revolution, Bolshevism, Russian people, faith.

Ф. А. Степун (1884–1965) – русский философ, высланный из России в 1922 г. за инакомыслие, остался патриотом, всю душою чувствуя, что «нет для нас жизни, кроме как в ней» [1, с. 269]. Будучи профессором в Германии, он не переставал думать и писать о ней. Самые важные произведения на эту тему – «Мысли о России» и «Бывшее и несбывшееся». Находясь на фронте, он «радостно» встретил весть о революции. Хотя никогда не считал себя революционером, он почувствовал, как «над мрачным унынием изнутри разлагающейся войны внезапно воссиял свет какого–то ниспосылаемого России исхода», поясняя: «В безвыходные минуты мы всегда склонны принимать новое за светлое» [2, т. II, с. 312].

Он относил себя к людям Февраля, допускал ответственность Временного правительства за срыв революции в большевизм, который страшил его «классово-ненавистническим растлением общества» [2, т. II, с. 311, 459]. В большевизме он видел не что иное, как «грехопадение России» [3, с. 155]. Хотя политические системы дореволюционной России и большевистской – обе называл самодержавием, но различал их: николаевский режим был «безоружным», бездеятельным и, судя по развитию Европы – обречен на гибель, а самодержавие коммунизма как деятельное, напористое, «до зубов вооруженное». Дух коммунизма – в силу его «богоненавистнических, свободоборческих, растлевающих тенденций» был «гораздо страшнее» духа самодержавия и требовал более сильного противостояния [1, с. 311].

Октябрьскую революцию он ощущал как «характернейшую национальную тему» и понимал историческую задачу России «не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с *разнузданностью нашего безудержа*», которую

«можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки» [1, с. 204, 205].

Самое тяжелое зло, причиненное им России – это «растление ее нравственной субстанции, внедрение в ее поры тлетворного духа цинизма и оборотничества», ибо «игралищем темных оборотнически-провокаторских сил» являлась русская душа с ее религиозной мукой «о противоречиях жизни и мира» и ее срывами [1, с. 248, 250]. Потому немалую вину за революционный срыв Степун видел в выборе русской интеллигенции, которая восприняла наследие Французской революции с ее «просвещенским атеизмом и политическим свободолобием», откуда шла – «славянофильская глухота на общественно-политическую свободу и западническая враждебность к религии и церкви» [1, с. 331]. Поскольку она не находилась у руля, ей не были свойственны деловитость, чувство меры, чувство возможного. «Страстно живя идеями практического преобразования жизни», русская революционная интеллигенция, в сущности, «жила вне жизни» и «на деле занималась разрушением», предпочитая «пламенное “да” завтрашнему дню» – в ущерб настоящему [1, с. 333].

Степун объясняет, как на революции сказалось влияние личности В. И. Ленина. По его мнению, вождь не понимал «духовно-бытовой реальности русской жизни», русской истории, видя в ней «только погромы, виселицы, пытки, голод и великое пресмыкательство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»; не понимал православия, национального чувства и даже русского мужика. Определяя его как «вульгарного материалиста и злостного безбожника», Степун считал, что ему «удалось слить воедино древнюю тему русской религиозности с современною темою западноевропейского атеизма», утверждая, что «в нем до конца раскрылась греховная сторона русской революции: ее Богоотступничество» [1, с. 343–344]. В нем было много бакунинской «мистики разрушения»: он не боялся «никаких последствий революции», был открыт «навстречу всем вихрям» ее и «до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс». Ленин «самой ухваткой своих выступлений» будил разбойничий присвист, без чего «его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такою силою» [2, т. II, с. 384].

Заглянув в бездну русской души, Степун с ужасом отшатнулся, обнаружив в ней невероятный максимализм: «все бесконечные возможности религиозного восхождения русской души, так и страшные возможности ее срыва в преисподнюю небытия». Из этого сочетания, из глубокого неуважения к «морализму и законности» рождалось «жуткое перерождение», которое он называл «оборотничеством» [1, с. 248–249]. Метафизический смысл революции был «мгновенным падением, внезапным, хотя и *многими процессами подготовленным* крушением народной веры». Некультурность, нерасчлененность, неоформленность народного сознания перешла в «*голое* циническое безбожие». В этом «диалектическом срыве народной души» находил он объяснение «как невероятной напряженности и высоты метафизической проблематики русской революции, так и ее предельному окаянству» [1, с. 322–323].

Он считал, что русский народ подошел к революции с «раздвоенной психологией жадного и зряшнего отношения к земле» – в силу убожества хозяй-

ственных форм и политики власти – держать Россию «в темноте» [1, с. 322]. Эта «некультурность» и «малодоходность» народного хозяйствования сыграла «величайшую роль в русской революции», но была порождена «не только темной, мужицкою ленью», но и его участием в создании «величайшего в мире государства». Степун доказывал, что «культурная нерасчлененность», «формальная невозделанность», «неоформленность сознания» могут являться культурой лишь внутри «подлинно верующей души». Падение же веры такую целостность народного сознания превращает в явление «откровенного варварства» [1, с. 320, 321, 322].

Самого же Степуна революция поставила перед нравственным выбором «между верностью себе и предательством себя» – чтобы устоять и оградить себя «от самого страшного, от гибели души и совести». То было «вынужденное восхождение душ» «к вечным ценностям» – не всех, но тех, в ком «спасалась душа России» [2, т. II, с. 460]. Революция заставила глубже понять подлинность экзистенциального смысла и этических приоритетов: «В страшные первые годы большевицкого царствия мы не только поняли, *что* есть хлеб, кров, одежда, но также и то, *что* есть любовь, дружба и верность; родина, государство, семья. Поняли, кто поэт, кто ученый, кто герой, кто трус, кто настоящий русский человек, кто на Руси прохожий» [1, с. 282]. Символом его эмоциональной жизни стал «апокалиптический круг», «подлинный, inferнальный ужас», ибо «мы окончательно перестали ужасаться творящемуся в мире безумию» [2, т. II, с. 461].

Приступая к воспоминаниям о бывшей России (с 1937 г.) – ради ее возрождения, он хотел добиться, чтобы в них «была правда, а в обличениях не злоба, а скорбь» [2, т. II, с. 71]. О своих чувствах он писал Густаву и Марии Кульманам: «Не любить грешной России, к которой я сам принадлежу, я, конечно, не могу, но любить ее грехопадения я, конечно, не смею» (1947 г.). Но признавался, что даже «теневые стороны современной России связаны с каким-то источником света в ней» (1949 г.) [3, с. 155, 161].

В воспоминаниях ему хотелось раскрыть «тысячи мельчайших причин», которые привели к революции [3, с. 151]. В них царила широкая русская душа, а в ней – «какая-то особая черта, своеобразная жажда больших событий – все равно, добрых ли, злых ли, лишь бы выводящих за пределы будничной скуки». В русских душах, «даже в сереньких, почти всегда живет искушение послать все к черту, уйти на дно, а там, быть может, и выплеснуться неизвестно как на светлый берег. Эта смутная тоска по запредельности редко удовлетворяется на путях добра, но очень легко на путях зла». Эта метафизическая тоска и сыграла, казалось ему, «громадную роль в нашей страшной революции» [2, т. I, с. 173].

Молодежь внесла свою лепту в борьбу, благодаря присущей ей духу «утопического активизма», поскольку жила «с закрытыми на смерть глазами», которая представлялась лишь «бледною, безликою тенью на дальнем горизонте жизни». Этим чувством «бессмертности» Степун объяснял «революционный титанизм молодости», ее жажду «власти и славы», ее веру «в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему». Вожди, диктаторы, революционеры также чувствовали себя «бессмертными полубогами» [2, т. II,

с. 292]. В «безудержном восторге перед гением революции», в которой видели «некоего светлого архангела, осчастливившего Россию», социалисты-интернационалисты разрушали страну [2, т. II, с. 342–343]. Их отношение к носителям старой России было пропитано ненавистью. К враждебным силам они неоправданно относили: крестьянство («народно-этнический корень России»), православие («всеединящий купол русской культуры») и армию («оплот национально-государственной власти»). На крестьянство смотрели как на «некое сырье, подлежащее переработке» в пролетариат», на православие, как на орудие «угнетения масс», армию же хотели перевоспитать в «передовой отряд рабочего интернационала» [2, т. II, с. 343].

Будучи романтиком и православным человеком, Степун запечатлел революцию в ее многоликости, с невероятными страстями, крайностями, как иррациональную стихию, бездну, в которой отразилась культурно-национальная идентичность русского народа и самого автора, но ему не суждено было увидеть в ней плодотворного созидательного творчества.

Список литературы

1. Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. – М., 2000.
2. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся / послесл. Ю.И. Архипова. – СПб., 1994. – Т. I–II.
3. Степун Ф. А. Письма. – М.: РОССПЭН, 2013. // Высшая школа экономики: [сайт]. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/103020598> (дата обращения: 07.03.2017).

КТО ВЫ, ИЗГНАНИК? МАЛОИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ БЕЛОГО ОМСКА (1918–1919)*

С. Г. Сизов

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск

Исследуется литература Белого Омска 1918–1919 годов. Основное внимание в статье уделено установлению имен и судеб малоизвестных и неизвестных литераторов, печатавшихся в омских газетах в период контрреволюции. Автору удалось выявить псевдонимы ряда ранее неизвестных поэтов и писателей, проследить их судьбы после падения Белого Омска.

Ключевые слова: Белое движение, Белый Омск, литература, поэзия, культура, революция, контрреволюция, Гражданская война, Колчак, Сибирь, 1918, 1919.

WHO ARE YOU, IZGNANNIK (EXILE)? LITTLE-KNOWN AND UNKNOWN WRITERS OF WHITE OMSK (1918–1919)

S. G. Sizov

Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), Omsk

Literature of White Omsk of 1918–1919 is investigated. The main attention in article is paid to establishment of names and destinies of the little-known and unknown writers published in the Omsk newspapers during a counterrevolution. The author managed to find out pseudonyms of a number of earlier unknown poets and writers, to track their destinies after falling of White Omsk.

Keywords: White movement, White Omsk, literature, poetry, culture, revolution, counterrevolution, Civil war, Kolchak, Siberia, 1918, 1919.

История и культура Омска 1918–1919 годов вызывает интерес исследователей [1–4]. Поэзия Белого Омска – одно из важных явлений культуры России периода гражданской войны и, безусловно, интереснейший эпизод литературной жизни нашего города. В 1918–1919 гг. в Омске оказалось множество выдающихся литераторов, бежавших от большевиков и просто спасавшихся от голода и войны. Среди них были и известные имена (Вс. Иванов, Д. Бурлюк, С. Ауслендер, Б. Четвериков, Г. Вяткин, Г. Маслов), так и те, кто стали знаменитыми позднее. Некоторые из омских литераторов прославились позднее в эмиграции (А. Ачаир, Т. Баженова). Кто-то смог сделать карьеру в Союзе писателей СССР (В. Язвицкий). К сожалению, немало было и тех, кто был новой властью безжалостно выброшен на обочину культуры и подвергся репрессиям.

Среди писателей Омска 1918–1919 годов есть и те поэты, кто до сего дня остаются забытыми или малоизвестными. Есть и те литераторы, чьи имена пока

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «“Белая столица России”: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

еще не соотнесены с поэзией и прозой Белого Омска, или те, кого (до последнего времени) мы знали лишь исключительно по псевдонимам. В этой статье предпринята попытка обратить внимание на ряд таких поэтов, имена и судьбы которых лишь недавно удалось установить.

Одним из таких литераторов, был поэт, писавший под псевдонимом *Имрэй*. Он регулярно печатал свои стихи в газете «Наша заря». В самом заметном издании, посвященном культуре Белого Омска (двухтомнике «Третья столица»), названо лишь имя поэта (Михаил), а фамилия так и осталась неизвестной. Говорится также, что он, возможно, был мичманом [5, с. 112]. Сегодня мы уже можем назвать имя этого литератора – *Михаил Николаевич Горин*. Данные эти удалось получить благодаря поиску информации о других омских литераторах этого времени. Выяснилось, что женой Имрэя была *Нина Михайловна Подгоричани*. После замужества она сменила фамилию: стала Подгоричани-Гориной [6]. Она была талантливым литератором, в ее доме в Омске собирались многие деятели культуры.

Накануне и сразу после вступления Красной Армии в Омск многие литераторы уехали на восток. Некоторые из них оказались в Иркутске. Здесь, в 1920–1921 гг. мы вновь встречаем имя Михаила Горина (Имрэя) в качестве сотрудника газет «Власть труда», «Красный стрелок» и автора альманаха «Отзвуки: Сборник в пользу голодающих» (Иркутск, 1921). Имрэй был участником первого в Восточной Сибири литературного объединения «Барка поэтов», созданного в Иркутске в 1920 г. [7]. После этого следы М. Горина теряются. О его жене известно, что она еще дважды выходила замуж, ряд лет провела в лагере, осужденная по политической статье 58-10 [6].

Среди других малоизвестных поэтов Белого Омска следует назвать и *Николая Охотина*, писавшего под псевдонимом *Изгнанник* (точное написание: *Изгнанникъ*) и опубликовавшего в 1919 г. ряд стихотворений в газете «Наша Заря». Н. С. Охотин начал писать стихи задолго до революции. Книжки его стихов, песен и рассказов выходили в обеих столицах и городах Поволжья. Н. Охотин начинал в Симбирске как эсер, а в Омске в 1919 г. служил в Осведомительной канцелярии штаба 3-й армии [8].

Ряд стихотворений, опубликованных в газетах Белого Омска, принадлежат перу *Ивана Петровича Малютина* (1873–1962). Он родился в семье рабочих. Рано начал работать: плывал на плотках и баркасах по рекам Шексне и Волге. С 1892 г. жил в Ярославле: работал землекопом, сторожем, переплетчиком, библиотекарем в читальне при фабрике. Сотрудничал с редакциями газет. В конце 1890-х гг. примкнул к социал-демократам. За распространение запрещенной литературы был арестован и выслан в с. Спасское Томской губернии. После ссылки жил в 1907–1911 гг. в Кургане. С 1910 г. стихи поэта регулярно публиковались в периодике. Был ли он в Омске в 1919 г., неизвестно, но его стихи здесь публиковались [9, с. 2]. После окончания гражданской войны И. Малютин вернулся в Ярославль. В 1937 г. был осужден по 58-й ст. за связь с репрессированными писателями и сослан на 5 лет в Красноярский край. Современники называли Малютина «писателем из народа» [10]. В опубликованных стихах И.

Малютина боль от продолжающейся гражданской войны. Публиковал он и православные стихи.

Ряд лирических стихотворений, опубликованных в Омске в 1919 г. в газете «Наша Заря», принадлежат перу поэтессы *Нины Аркадиной*. Это псевдоним *Анны Константиновны Фефеловой*. До 1917 г. она печаталась в сибирских газетах. После революции сотрудничала в газетах «Сибирский рассвет» (1919), «Земля и труд» (1919). Достоверно неизвестно, жила ли поэтесса в Омске: это предстоит еще выяснить. В 1928 г. она написала статью о революционном движении в Красноярске. Далее следы ее теряются [8].

В 1919 г. в омских газетах «Русская армия» и «Наша армия» печатался литератор *Андрей Болховской*. Под этим псевдонимом скрывался *Андрей Николаевич Андреев* (1885–1920), младший брат писателя Леонида Андреева. Первые стихотворения и рассказы были им напечатаны в московской газете «Курьер» (1902–1904). Позже А. Н. Андреев работал хроникером в московской газете «Утро России». В Первую мировую войну был призван в армию, был вольноопределяющимся 7-й роты 9-го Финляндского полка. Воевал сначала в Пруссии, затем в Галиции, был награжден Георгиевским крестом. Письма брата с фронта Л. Андреев напечатал в газетах и в редактируемом им в Петрограде журнале «Отечество» (1914–1915). В гражданскую войну А. Н. Андреев из Петрограда бежал в Сибирь. Здесь он публиковался, участвовал в сборнике стихов «1919-ый год». После поражения белых скрывался, но был опознан, доставлен в Новониколаевск и расстрелян [11].

Сергей Лабазин – еще один малоизвестный стихотворец. Автор стихотворения «Христос Воскрес», опубликованного в «Нашей Заре» в дни празднования Пасхи [12, с. 2]. Сведения о нем довольно скудны. *Сергей Федорович Лабазин* родился 11 сентября 1878 года. Окончил Александровский кадетский корпус, Санкт-Петербургский технологический институт. Служил с 1898 г. Прапорщик запаса. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; на 31 марта 1919 начальник отделения по рабочему вопросу ГАУ. Известно также, что был женат и имел детей [13].

В июне 1918 г. в омской газете «Заря» *Сергей Башкиров* опубликовал пронзительное стихотворение «В киоте седых паутин» [14, с. 2]. Удалось установить, что автором стихотворения является *Сергей Васильевич Башкиров*. Воспоминания его внуки позволяют представить судьбу этого человека [15]. Он родился в Костроме в 1891 г. Отец его был фельдшером (или врачом). В гимназии Сергей стал участником подпольного революционного кружка и более года провел в тюрьме. Сдав экстерном экзамены на аттестат гимназии, уехал учиться в Саксонию, в г. Митвайда (в России ему было запрещено поступать в вузы). Там он стал председателем Землячества славян и негров.

Когда началась Первая мировая война, С. Башкиров вернулся в Кострому, был мобилизован и послан в Омск в качестве заготовителя сена для армии, куда и уехал с семьей. Затем (в 1919-м?) с каким-то поручением он был командирован во Владивосток, потом арестован, но сбежал из-под стражи и с двумя товарищами пришел в Омск пешком через Маньчжурию. Затем с семьей дважды переезжал из Омска в Новосибирск. В 1925 г. он стал директором машиноис-

пытательной станции в Омске, преподавал в Сибаке (Сельхозинституте). В 1937-м за мифическую «связь с троцкистами» его уволили из института и выселили из дома. Ожидали ареста, но после отстранения Ежова, Башкирова вновь пригласили работать в институт, дали жилье. Позднее он защитил докторскую диссертацию, стал заместителем директора института по научной части. В конце 1948-го заболел (не из-за кампании ли по борьбе с «вейсманистами»? – С. С.) и 3 января 1949 г. умер.

Когда данная статья уже была подготовлена, вышла в свет уникальная антология стихов Белого Омска [16]. Составители дополнили информацию и о судьбах омских поэтов, в частности, также раскрыт и псевдоним поэта Имрэя (Горина). Издание антологии дает возможность всестороннего изучения литературы Белой столицы. К сожалению, судьбы многих поэтов, публиковавших свои стихи в омских газетах в 1918–1919 гг., остаются неизвестными (*Леонид Рутковский, Вера Ракина, Ильчевский* и др.). Нам неизвестны, и те, кто публиковал свои стихи под псевдонимами: *Илья Бунтарь, Владимир Менестрель, Дмитрий Изгой*. Немало стихов были опубликованы без подписи или подписаны инициалами. Тем не менее, установление личности и судеб малоизвестных поэтов (как и изучение их творчества) имеет большое значение для исследования культурного процесса белой столицы России. Ведь именно поэты отражают в своих стихах важные общественные процессы.

Список литературы

1. Сизов С. Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Архитектура, строительство, транспорт: материалы Междунар. научно-практ. конф. (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). – Омск, 2015. С. 1674–1682 // Библиотека СибАДИ: [сайт]. – URL: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD75.pdf> (дата обращения: 29.10.2016).
2. Сизов С. Г. Кино Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Междунар. научно-практ. конф. (г. Омск, 25 апреля 2016 г.). – Омск : СибАДИ, 2016. – С. 993–998 // Научная электронная библиотека: [сайт]. – URL: <http://elibrary.ru/download/716727991.pdf> (дата обращения: 29.10.2016).
3. Сизов С. Г. Театральная жизнь Белого Омска (1918 –1919 годы) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Междунар. научно-практ. конф. (г. Омск, 25 апреля 2016 г.). – Омск : СибАДИ, 2016. – С. 999–1004 // Научная электронная библиотека: [сайт]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26373411_71215493.pdf (дата обращения: 29.10.2016).
4. Сизов С. Г. Цирк Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919) // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы II Междунар. научно-практ. конф. (г. Омск, 25 апреля 2016 г.). – Омск : СибАДИ, 2016. – С. 999–1004 // Научная электронная библиотека: [сайт]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26373412_93845956.pdf (дата обращения: 29.10.2016).
5. Третья столица Омск. 1918–1919. Изобразительное искусство, литература. – Омск, 2011.
6. Александр Кентлер. ГРАФИНЯ (Вторая часть) // e3e5: [сайт]. – URL: <http://www.e3e5.com/article.php?id=1659> (дата обращения: 23.10.2016).
7. «Барка поэтов» // Ирkipedia: [сайт]. URL: http://irkipedia.ru/content/barka_poetov (дата обращения: 20.10.2016).
8. Ф // Писательницы России (Материалы для биобиблиографического словаря): [сайт]. – URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-20.htm> (дата обращения: 29.09.2016).

9. Посадсков А. Л. Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г. И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания. – Новосибирск, 2012. – С. 27–28.
9. Заря. – 1919. – № 83. – 20 апреля.
10. Янгирова И. С., Шмакова Т. А. Малютин Иван Петрович // Энциклопедия Челябинска: [сайт]. – URL: <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=1349> (дата обращения: 30.09.2016).
11. Андреев Л. Н. Письма к Н. А. Чукмалдиной // Lib.ru: "Классика": [сайт]. – URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1350.shtml (дата обращения: 15.09.2016).
12. Наша Заря. – 1919. – № 88. – 27 апреля.
13. Участники Белого движения // Погибшие. Военные архивы и списки погибших солдат: [сайт]. – URL: <http://xn--90adhkb6ag0f.xn--p1ai/arhiv/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-la-le.html> (дата обращения: 25.09.2016).
14. Заря. – 1918. – № 15. – 30 июня.
15. Мушинская Г. Мой дедушка Сергей Васильевич Башкиров // Livejournal: [сайт]. – URL: <http://gsm40.livejournal.com/163031.html> (дата обращения: 29.10.2016).
16. Поэзия Белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918–1919. – Тобольск, 2016.

УЧАСТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА Л. А. КУЛИКА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

С. С. Смирнов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск*

На фоне личной судьбы рассматривается степень и характер участия Л. А. Кулика в революционном движении. Показано, как менялось отношение ученого к революционной деятельности по мере его вовлечения в исследовательскую работу. Предпринята попытка объяснить снижение его политической активности сменой доминирующих интересов, превращением исследования метеоритов в главное дело жизни.

Ключевые слова: Л. А. Кулик, революционная деятельность, наука, смещение ведущих интересов.

THE PART OF THE RESEARCHER OF THE TUNGUSKA METEORITE, A. L. KULIK IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT

S. S. Smirnov

*Russian Academy of national economy and public administration under the President
of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk*

On the background of personal life examines the degree and nature of participation by L. A. Kulik in the revolutionary movement. Shows how to change the attitude to revolutionary activities as its involvement in research work. An attempt was made to explain the decline in its political activity the change of the dominant interests, the transformation of the study of meteorites in the business of life.

Keywords: L. A. Kulik, revolutionary activities, science, the displacement of the leading interests.

Леонид Алексеевич Кулик, известный советский ученый-минералог, положивший начало науке метеоритике в России, получивший широкую известность благодаря организации ряда экспедиций в район падения загадочного Тунгусского метеорита.

Родился в 1883 г. в г. Тарту в семье уездного врача. В 1896 г. после смерти отца семья переехала в уездный город Троицк Оренбургской губернии, где в 1893 г. он окончил с отличием классическую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский лесной институт. С этого момента и началась его активная революционная деятельность. Спустя всего полгода после поступления Кулик был отчислен за участие в студенческих выступлениях.

Отчисление лишило бывшего студента отсрочки, и он был призван в армию. Гимназическое образование давало ему право стать вольноопределяющимся, то есть быть зачисленным на курсы офицеров запаса. Статус вольно-

определяющегося избавлял от солдатской муштры и давал относительную свободу [1, ч. 1].

Полк располагался в Тирасполе. Л. А. Кулик в свободное от службы время стал преподавать в воскресной школе, где установил контакты с местной социал-демократической организацией, участвовал в подготовке побега из тираспольской тюрьмы арестованной революционерки.

После окончания полковых курсов, в начале сентября 1905 г. он получил трехмесячный отпуск и уехал в Казань, куда в то время переехала его мать. В Казани Л. А. Кулик оформился вольным слушателем местного университета, что позволило ему вместе с революционизированной частью студенчества активно участвовать в народных волнениях, закончившихся сначала расстрелами митингующих, затем разоружением полиции и созданием народной милиции и городской коммуны. Кулик участвовал в обоих органах народной власти. Но затем восстание было подавлено. Кулик вернулся в Тирасполь, а 16 декабря после присвоения чина прапорщика уволился в запас и, опасаясь ареста, уехал в Троицк.

К зиме 1906 г., в Троицке была создана подпольная организация РСДРП. Весной того же года в нее вошел и Л. А. Кулик и вскоре ее возглавил. Социал-демократическая ячейка занималась, главным образом, пропагандистской деятельностью и была достаточно изолирована, хотя в литературе есть упоминания о ее связях с социал-демократами Екатеринбургa. Однако в партийных конференциях и съездах Л. А. Кулик не участвовал и в руководящие органы уральского масштаба не входил. В августе 1907 г. он был арестован по обвинению в хранении с целью распространения нелегальной литературы и отдан под суд [2]. Следствие тянулось долго. И все это время Л. А. Кулик находился под наблюдением полиции и не мог покинуть место жительства. Суд состоялся лишь в мае 1910 г. Кроме того, он обзавелся семьей и маленькими детьми. В таких условиях ни о какой революционной деятельности речи быть не могло, да и революция была подавлена.

В 1908 г. Л. А. Кулик с трудом устроился на работу в Миасской горнозаводской даче помощником лесничего, где в начале лета 1911 г. принял участие в т.н. радиевой экспедиции по поиску радиоактивных минералов, организованной академиком В. И. Вернадским. С этого момента жизнь его оказалась навсегда связанной с минералогией и, в частности, с поиском и исследованием метеоритов.

В августе 1914 г. Л. А. Кулик был мобилизован в армию и по июль 1917 г. находился на германском фронте, в основном на его рижском участке. В революционных событиях 1917 г. он активно не участвовал, скорее всего, по объективным причинам, хотя и выезжал несколько раз в Петроград. Важную роль сыграло его увлечение наукой, которой он отдавал много сил, сумев даже будучи в действующей армии, не раз побывать в научных экспедициях.

Тем не менее, Л. А. Кулик не оставался равнодушным наблюдателем революционных событий, о чем наглядно свидетельствуют сделанные им в тот период фотографии. Подборка фотографий явно показывает живой интерес офицера к революционным событиям. Например, им были отсняты следование к

месту расстрела солдат 17-го Сибирского полка, отказавшегося идти в наступление, а затем их торжественное перезахоронение в Риге, первомайские демонстрации революционных солдат в Риге и Петрограде и др. [1, ч. 1].

Война, фронт, офицерское звание, военно-полевые суды мало способствовали прямому участию в революционном движении. Тем не менее, совершенно ясно, что в годы первой мировой войны и революции 1917 г. он прикладывал гораздо больше усилий для продолжения своей научной деятельности, чем для установления контактов с революционными организациями и участия в их деятельности. В результате в июле 1917 г. он был откомандирован в Центральную научно-техническую лабораторию Военного ведомства и обосновался с семьей в Троицке, откуда выезжал в командировки, связанные с его профессиональной деятельностью [1, ч. 1–2].

В период гражданской войны Л. А. Кулик, хотя и являлся боевым офицером, по своей воле в ней не участвовал, а оказался мобилизованным лишь в силу обстоятельств, опять же связанных с выполнением им научных изысканий на Среднем Урале и в Сибири. Сначала был зачислен (хотя и формально) в военные части Колчака, а затем, когда появилась возможность, перешел на сторону красных. Но и в Красной Армии он был лишь до тех пор, пока не появилась возможность снова заняться научной работой [1, ч. 2]. На протяжении длительного времени его научная карьера и деятельность практически полностью зависели от академиков В. И. Вернадского, позже еще и А. Е. Ферсмана, которые хотя и были людьми прогрессивных общественных взглядов, всю свою деятельность посвятили науке [3].

Обращает на себя внимание его аполитичность в годы Советской власти. Он не вступил даже в партию, настолько был занят экспедициями. Однако в начале Великой Отечественной войны, несмотря на «бронь», ушел в ополчение и погиб в плену в 1942 г. [1, ч. 5].

Таким образом, на примере Л. А. Кулика можно понять поведение большой группы представителей научной интеллигенции в революционные периоды развития России. Жизнь Л. А. Кулика показывает, что он разделял революционные идеи и в молодости был активным участником революционного движения. Тем не менее, он не стал ни теоретиком движения, ни профессиональным революционером, для которого борьба за свои идеи являлась бы главным делом жизни. Для А. Л. Кулика главным делом всей жизни стала наука: первоначально минералогия, а затем метеоритика.

Список литературы

1. Павский В. А. Жизнь без легенд: Леонид Алексеевич Кулик: Хроника жизни. – Волгоград, 2003.
2. Вронский Б. И. Тропую Кулика // Вокруг света. – 1975, 1. сентября.
3. Кулик И. Л. Мой отец – Кулик Леонид Алексеевич. – Томск, 2005.

**ПРОФЕССОР ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ХАНС КРИСТИАН ИОГАНСЕН
В ТУРБУЛЕНТНОЕ ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

С. А. Соловьев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Н. О. Преюсс

Зоологический музей Копенгагенского университета, Копенгаген

Судьба ассистента профессора и профессора Зоомузея университета Копенгагена профессора Томского университета Ханса К. Иогансена русского профессора зоологии, урожденного и гражданина Дании, но однажды ему пришлось прибыть работать в Данию, как ученому во время Второй Мировой войны, ранее совершая свой путь от Риги в «Сибирские Афины» и обратно в Прибалтику, Кенигсберг и Копенгаген.

Ключевые слова: Орнитофауна, Сибирь, Коллекция птиц, Зоомузей, Копенгаген.

**PROFESSOR OF THE TOMSK UNIVERSITY
HANS CHRISTIAN IOGANSEN DURING THE TURBULENT TIME
OF THE 1917 REVOLUTION**

S. A. Soloviev

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

N. O. Preuss

The Zoological Museum of the University of Copenhagen, Copenhagen

The fate of the assistant professor and professor of the Zoological Museum of the University of Copenhagen, professor of the Tomsk University Hans K. Johansen, a Russian professor of zoology who was born and a citizen of Denmark, but one day he had to come to Denmark as a scientist during the Second World War, having previously made his way from Riga to the "Siberian Athens" and back to the Baltics, Koenigsberg and Copenhagen.

Keywords: Ornithofauna, Siberia, Collection of birds, The Zoo Museum, Copenhagen.

Профессор Ханс К. Иогансен русский профессор зоологии, урожденный и гражданин Дании, но однажды ему пришлось прибыть работать в Данию, как ученому во время Второй Мировой войны, ранее совершая свой путь от Риги в «Сибирские Афины» и обратно в Прибалтику, Кенигсберг и Копенгаген. Ханс К. Иогансен родился 2 декабря 1897 г. в Риге третьим ребенком в многодетной датской семье. Семья жила в Латвии, и его папа был сельскохозяйственным инженером и работал с сельскохозяйственными предприятиями прибалтийских стран. Интерес Ханса к живой природе проявился еще в раннем детстве. За окном же квартиры его семьи разворачивалось турбулентное время. До возраста десяти лет он наблюдал разгоны публичных демонстраций казаками нагайками и гибель людей с двух сторон баррикад. Наблюдение за птицами помогало ма-

ленькому Хансу забыть ужасы череды революций, которые стремительно неслись по Российской Империи. Ханс заканчивает школу и становится студентом Ревельского (Таллинского) университета во время Первой мировой войны. Будучи студентом, он профессионально заинтересовался орнитологией и мечтал исследовать орнитофауну дальних стран, как ученый-орнитолог. Особенно для него была привлекательна природа Сибири, и он послушался рекомендаций своего отца. Отправился путешествовать в Томск для изучения зоологии в университете, который назывался тогда «Сибирские Афины». Студентом Томского университета он пребывает с 1916 по 1921 гг. Он встретил здесь большую удачу. Профессор Томского университета, немец по национальности Герман Иоганзен, имя которого он только слышал после приезда, пригласил в орнитологическую экспедицию в таежный регион Западной Сибири междуречье рек Оми и Оби. Это повысило интерес Ханса Иогансена к природе Северной Евразии. Он захотел собрать больше материала по орнитофауне и, будучи студентом, при поддержке профессора Иоганзена организовал орнитологическую экспедицию на юг региона в Барабинскую степь.

Революцию 1917 года Ханс Иоганзен встречает в Томске. Наступает очень трудное турбулентное время, когда германские войска вошли в Прибалтику, и перевод денег от родителей для жизни стал невозможен. Ханс остается в Сибири и работает в столовой Томского университета, а также репетитором для студентов из богатых семей по подготовке домашних заданий для того, чтобы купить себе еду и одежду. Несмотря на трудности жизни в Томске орнитология продолжает его интересовать, и он начинает исследовать птиц сибирской фауны, ранее которых он не знал в Европе. Для более детального изучения экологии этих видов Ханс организует экспедицию на Горный Алтай. Она прошла со сплавом на лодках по горным рекам через Бийск и далее вниз по Оби 200 км. Для улучшения финансового положения в это время Ханс становится «ковбоем» и занимается перегоном полуодомашненных яков из Монголии в Сибирь по Чуйскому тракту. Позднее он работает столяром по изготовлению стульев и кроватей для сибирских крестьян, охотником-промысловиком пушного зверя на Алтае и учителем в алтайской сельской школе. Во время путешествий по Восточному Алтаю Ханс случайно встречает научную экспедицию из Москвы под руководством профессора Добрынина. Экспедиции был нужен орнитолог. Ханс получает приглашение к работе и возможность возвращения в профессиональную орнитологию. Оставаясь студентом Томского университета, он работает по изучению орнитофауны Алтая в 1920–1921 гг. и становится сооснователем зоологического отдела краеведческого музея города Бийска. В это время он с энтузиазмом изучает птиц Бийска и собирает совместно с орнитологами В. В. Бианки и А. И. Ивановым небольшую коллекцию птиц для Зоологического музея Академии наук в Ленинграде. Позднее Ханс возвращается в Томск, продолжает обучение в университете, и даже получает стипендию. Более того, его поселили в общежитии в комнате с четырьмя студентами университета. После Первой мировой войны и революции 1917 г. и в России начинается голод, но у студентов-биологов всегда были средства. Студенты в Томске стреляли

бродячих кошек, употребляли их в пищу, а обработанные шкуры использовали для шитья и продажи шапок крестьянам окрестностей Томска.

Вскоре Ханс получает письмо от отца, в котором он пишет, что он стал генеральным консулом в Эстонии Датского Королевства и просит Ханса вернуться в Европу. Ханс отбывает в Эстонию и после недолго пребывания дома едет в Мюнхен, где приступает к изучению зоологии у профессора Хертвига и географии у профессора Дригальски. Вскоре в университете Мюнхена он получает докторскую степень за диссертацию по зоогеографии Байкала. Вооруженный новыми знаниями, он возвращается в Алтайские горы. Здесь он продолжает исследование орнитофауны и коллекционирует тушки птиц. Неожиданно профессор Герман Иоганзен приглашает его ассистентом в Томский университет. Он принимает это предложение, и следующие три года работает в экспедициях в Нарымской области в Западной Сибири и в Уссурийском крае Дальнего Востока.

Богатая дальневосточная авифауна захватила Ханса настолько, что он решает изучить ее еще более детально. Он возвращается на Командорские острова в 1928 г. и остается там три года. Ханс становится инспектором по охоте на пушного зверя на Командорских островах. Это была очень увлекательная работа для Иогансена, которая дала ему достаточно времени для орнитологических наблюдений, которые были сфокусированы главным образом на Камчатке. Через три с половиной года Ханс получает телеграмму о том, что профессор Герман Иоганзен завершил свой путь и что он должен стать его преемником. В результате Ханс вновь приезжает в Томск в августе 1931 г., но на этот раз уже в качестве профессора зоологии позвоночных. От Томска в качестве базового стационара были успешно совершены экспедиции в Васюганские болота и в Салаирские горы.

Затем наступил 1937 г., когда все иностранные граждане были высланы из Советского Союза. Профессор Ханс Иогансен с паспортом гражданина Датского Королевства неожиданно получил предписание в течение 10 дней оставить Томск, потому что иностранцы больше не допускались в советские университеты. Телеграммы в Москву от ректора ТГУ остались без ответа. Проезд от Томска до границы СССР занимал от пяти до шести дней, времени практически не было. Ханс Иогансен выехал из Томска и отправился в Эстонию. Коллекция тушек птиц Западной Сибири и его научная библиотека остались в Советском Союзе. Из Эстонии Иогансен переселяется в Ригу, где он получил должность профессора в частном немецком Институте Гердера. Он изучает орнитофауну Прибалтики. В сентябре 1939 г. начинается Вторая мировая война и Иогансен вместе с институтом переезжает в Кенигсберг и приступает к работе в Институте исследований Востока. Во время войны он публикует работы в немецком «*Journal fur Ornithologie*» и в венгерском «*Aquila*» об орнитофауне Западной Сибири. Сейчас эта серия публикаций является классической и базовой работой для анализа орнитофауны Западной Сибири в XX столетии. В это время он помогает русским военнопленным и оказывается под подозрением у нацистов. Хансу срочно пришлось переезжать в оккупированную Данию в мае 1944 г. Вскоре там Ханс получает должность ассистента профессора Зоомузея Университета Копенгагена. После войны Ханс Иогансен начинает работать над воз-

вращением своей коллекции птиц из Советского Союза. Благодаря помощи датских дипломатов и русских коллег в Копенгаген прибыли примерно 5000 тушек птиц в 1948 г. и в 1957 г. почти 600 его книг. Теперь Ханс продолжает плодотворную работу над фундаментальной «Фауной птиц Западной Сибири».

В Зоологическом музее Ханс работает до пенсии в 1967 г. Ханс Иогансен умер в Дании 18 декабря 1973 г. Затем он был кремирован и его прах захоронен в общей могиле в пригороде Копенгагена Лингби.

Выражаем глубокую благодарность за помощь в работе в Дании по поискам захоронения Х.К. Иогансена в 2009 г. сотруднику Зоомузея Университета Копенгагена Килю Томми Педерсену (Kjeld Tommy Pedersen).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ А. А. БОГДАНОВА И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС 1917 Г.

Д. А. Тепляков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Обозначаются поднятая А. А. Богдановым проблема «раздробленности» человека и предполагаемое ее решение. Анализируется определение человека А.А. Богдановым. Реконструируется богдановская теория исторической смены господствующих форм бытования человеческого опыта. Обозначается идея «пролетарской культуры», характеристика А. А. Богдановым Октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: А. А. Богданов, сущность человека, историография, «пролетарская культура», Октябрьская революция 1917 г.

A. A. BOGDANOV'S ANTHROPOLOGICAL SCANNINGS AND REVOLUTIONARY PROCESS OF 1917 YEAR.

D. A. Teplyakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The article denotes raised Bogdanov's problem of human's disunity and probable solution of it. Author also analyzes Bogdanov's definition of human. Besides author reconstructs Bogdanov's theory of historical replacement predominant essence forms of human's experience. Designates idea of «proletarian culture», Bogdanov's characteristic of the October Revolution of 1917.

Keywords: A. A. Bogdanov, the essence of human, historiography, «proletarian culture», the October Revolution of 1917.

Подъем рабочего и студенческого движений, крестьянские восстания в России на рубеже XIX–XX веков, вылившиеся в итоге единым потоком в революцию 1905–1907 гг., а затем и 1917 г., оживили мощный пласт размышлений о природе человека и общества, подстегнули выдвижение проектов возможных моделей социальных отношений между людьми. Одним из оригинальных, честных и энергичных мыслителей-практиков был Александр Александрович Богданов (Малиновский). На протяжении многих десятилетий, научное и творческое наследие Богданова было несправедливо забыто: в СССР из-за ленинской критики методологии эмпириомонизма, в «западных» странах из-за политической идентификации (он являлся революционером-марксистом и большевиком).

В статье «Собирание человека» (впервые опубликованной в 1904 г.). Богданов задается «вечным» вопросом «что такое человек?», являясь неосознанным продолжателем дискурса К. Маркса (ранние произведения и рукописи которого [1] к тому времени не были опубликованы) об отчуждении человека.

Философские и обывательские представления о человеке, претендующие на целостный характер, все же, по мнению Богданова, остаются «наивными» и

зауженными [2, с. 7–9]. Научная точка зрения о человеке, по словам Богданова, «верная», остается расщепленной между дисциплинами, каждая из которых определяет человека со своей стороны, частичной, неполной, а потому недостаточной [2, с. 9]. За что же еще критикуется «философское» и «обывательское» определения человека Богдановым? За их консерватизм: человек выступает в них как нечто неподвижное, статически-данное. В связи с этим, по Богданову, человека стоит рассматривать «не только как целый мир опыта, но и как мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами» [2, с. 11]. Не менее интересным является второе, даваемое Богдановым, определение человека с космологических позиций. Человек есть микрокосм (частичный, в отличие от космоса как целого) с помощью общения с себе подобными пополняющий свой опыт опытом другого. Бесчисленные потоки опыта вливаются в «бесконечный океан», именуемый «природой» (космосом), универсальным миром [2, с. 11–12]. Примечательно, что космологический подход у Богданова соседствует с просвещенческой концепцией борьбы человека с природой во имя господства разумного человека над ней с целью привнесения в нее организованности [2, с. 45–50; 3, с. 181; 4, с. 4].

Богданов накладывает свою социально-психологическую теорию на марксистскую «стрелу времени», в рамках которой человечество в целом должно прожить первобытные, авторитарные, индивидуалистические «формы жизни» и прийти к товарищескому/коллективистскому. «Форма жизни» первобытного родового общества – мир стереотипных людей, где опыт отдельного человека в силу простоты и бедности качественно не отличался от коллективного опыта [2, с. 13–16]. Авторитарный тип создается из постепенно складывающегося неравенства опыта между людьми, оформляется в социальные образования организатора и исполнителя, где последний подпадает под эксплуатацию первого [2, с. 16–19]. Индивидуалистическая «форма мышления» предполагает личность со своим «я» (межличностную конкуренцию), не согласную безусловно подчиняться какому-либо авторитету, который уже не может овладеть всей накопившейся суммой опыта; предполагает также хроническую неприспособленность, стремление к развитию и прогрессу. Так как индивидуалистическая форма не снимает антагонизма организатора-исполнителя, сохраняет различные формы бюрократии, значит, она не может до конца преодолеть авторитаризм [2, с. 26–34]. Товарищеская/коллективистская «форма жизни», по Богданову, – это гармония в качестве преодоления противоречий (уничтожения общественных антагонизмов), целостность человека воплощаемая в единстве разнообразного опыта, и самое главное – это эпоха сознательного развития [2, с. 45–51]. В итоге, историософия Богданова, являясь творческим развитием марксизма, предполагает телеологическую направленность исторического процесса модернистского (освободительного) толка, ведущую от «человека-дробинки» (как нынешней сущности человека) к «человеку-целому» (как будущему) [2, с. 45].

В чем же, по Богданову, состоит раздробленность человека, каким путем она преодолевается? С момента генезиса капитализма профессиональная специализация человека пошла вширь и вглубь, значительно суживая мировоззрение каждого человека: «в сознании одного специалиста жизнь и мир выступают

как мастерская...как лавка...как книга...как храм...как сложная, разветвляющаяся схоластическая задача и т. д. и т. д.». Люди перестают понимать друг друга, ибо говорят на разных «языках». Вместе с тем, остается «коллективный опыт», который является залогом для перехода к товарищеской форме жизни. «Проклятые вопросы»: что я такое? Что есть этот мир? Откуда все это? Зачем? Почему столько зла в мире?, – Богданов считает вопросами раздробленного человека [2, с. 31–33]. Несколько лет спустя, он пишет роман-утопию «Красная звезда», где моделирует «идеальное» товарищеское коллективистское общество на Марсе, основанное на господстве сциентистских, рациональных начал. Для проницательного читателя роман воспринимается не только как вариант наглядно-художественной агитации для вдохновения на революционную активность, но и как предостережение: торжество и господство сухой сциентистской позитивистской картины мира, отрицающей «метафизику» и моральные принципы, примирившейся с самоубийствами, насилием, психическими болезнями, утилитаристским и прагматическим взглядом на мир, показывает, что эти «проклятые вопросы», к сожалению, остаются актуальными, а человек продолжает быть раздробленным, неполноценным и одиноким [5].

Коллективистская/товарищеская форма жизни (в пространстве которой человек должен быть уже собран), по Богданову, будет характеризоваться возрастающей общностью основного содержания опыта, а не бесчисленных частных переживаний; возможностью взаимопонимания между людьми, а не их психическим тождеством; способностью каждого овладеть какой угодно частью опыта других людей, а не фактическим обладанием всем опытом. Человек в целях овладения «коллективным опытом» будет руководствоваться общими научными методами познания, которые, по Богданову, являются господствующими [2, с. 45–48].

В завершении статьи Богданов задается вопросом: есть ли смысл словом «человек» обозначать «существа» столь разнородные (индивида первобытной, авторитарной, индивидуалистической, товарищеской стадий развития)? Приходит к ответу: «очевидно, что “нет” здесь вернее, чем “да” /.../ Человек еще не пришел». Тем самым, этот вывод коррелирует с утверждением Ф. Ницше, вынесенным в эпиграф к статье: «Человек – мост к сверхчеловеку». Ницшеанский сверхчеловек перекодируется Богдановым в человека коллективистского общества [2, с. 53–54].

В «Культурных задачах нашего времени» у Богданова кристаллизуется концепция «пролетарской культуры». С его точки зрения, в новейшем классовом обществе единства культуры быть не может, тенденции культурного развития для различных классов не сходны, поэтому культуру нужно рассматривать с классовых позиций [6, с. 5–6, 23]. Именно пролетариат, по Богданову, являясь наследником всей общечеловеческой культуры, имеет не только свои узкоклассовые интересы, но и «великую надклассовую миссию» собирания человека [6, с. 74–75]. Почему? В социальной жизни рабочего класса индивидуалистические и авторитарные отношения постепенно слабеют и отмирают: индивидуальный договор найма уступает место коллективному, перед которым все рабочие равны; коллективистическая связь и товарищеское сотрудничество являются для

пролетариата специфической и главной формой организации [6, с. 47–48, 50–52, 54, 87]. Усовершенствование технологии производства преодолевает узкую специализацию и требует от работников все больше «общей интеллигентности», т.е. общности опыта [6, с. 53]. По словам Богданова, новое пролетарское искусство должно быть сугубо коллективистским: оно делает «героем не индивидуума, а коллектив и человека в коллективе. Субъектом познания, носителем истины здесь также является не личность, а коллектив, и критерием истины – его практика» [6, с. 91]. Весьма противоречивый и причудливый кульбит, на наш взгляд, Богданов совершает, говоря о новых пролетарских нормах: они, противопоставляясь старым, по его словам, закостеневшим и немотивированным нормам нравственности, праву обязанностям, с одной стороны, уподобляются по своей обусловленности и прямой зависимости от интересов коллектива *нормам техническим*, с другой – являются собой *возвращение к человеку*: «устав для коллектива, а отнюдь не наоборот» [6, с. 85–87]. Основная идея концепции пролетарской культуры – «среди старого общества вырабатывать сознательных и цельных представителей общества нового, людей, которые в полном объеме представляли бы себе гигантское дело преобразования, возложенное на рабочий класс ходом истории, – которые могли бы планомерно создавать культурные формы, подготовляющие эти преобразования, организуя необходимые для него социальные силы» [6, с. 70]. То есть, это идея органического обретения культурной независимости пролетариата уже в рамках старого строя (капитализма), которая должна предшествовать социальной революции. Именно зависимость «пролетарской культуры», ее упадок во время зверств первой мировой войны принудили Богданова отнестись к Октябрьской революции критически и скептически. По его словам, большевистской партии, ставшей партией мира, пришлось организовывать «псевдосоциалистические солдатские массы». Вместо «пролетарской культуры», по его мнению, партия усвоила культуру и логику казармы, через призму которой всякая задача понимается как «вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного опыта и труда». Октябрь 1917 года Богданов характеризовал солдатским восстанием, солдатско-коммунистической революцией, что несколько противоположно социалистической революции, началу реализации идеала социализма [7, с. 189–192]. На наш взгляд, такая коннотация Октябрьской революции могла возникнуть из-за заведомо скептического отношения к революционному потенциалу общинного российского крестьянства (исключения его из пространства нового общества, где, по Богданову, место только пролетариату), а отсюда и непонимания революционно-демократического характера истоков Советской государственности, что наиболее отчетливо выразилось уже в реакции Богданова на «Апрельские тезисы» Ленина: «Ведь это бред, – прерывал он Ленина, – это бред сумасшедшего! стыдно аплодировать этой галиматье, – кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, – вы позорите себя! Марксисты!» [8, с. 39].

Список литературы

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс: Сочинения. – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

2. Богданов А. А. Собрание человека // Богданов А. А. Новый мир: (Статьи 1904–1905). – М., 1905. – С. 1–54.
3. Богданов А. А. Авторитарное мышление // Богданов А. А. Из психологии общества. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 1906. – С. 110–183.
4. Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. – М., 2003.
5. Богданов А. А. Красная звезда: роман-утопия // Богданов А. А. Праздник бессмертия: Избранные произведения – СПб., 2014. – С. 17–205.
6. Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. – М., 1911.
7. Богданов А. А. А. В. Луначарскому. 19 ноября 1917 г. // Неизвестный Богданов. В 3-х книгах. – Кн. 1.: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901 – 1928 гг. – М., 1995.
8. Суханов Н. Н. Записки о революции. – Кн. 3. – Берлин, Петербург, Москва, 1922.

ОКТАБРЬ ДЛИНОЮ В ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА: НАУКА И ОБЩЕСТВО

Н. А. Томилов

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омская гуманитарная академия, Омск*

В статье рассматривается значение Великой Октябрьской социалистической революции и советского государства в развитии науки в целом. Даются общие оценки роли науки в современном российском обществе. Ставится вопрос о повышении востребованности новых научных результатов в областях гуманитарных знаний в связи со значительным усложнением социальной структуры общества и общественной жизни России. Подчеркивается значение всемерной поддержки научных школ.

Ключевые слова: наука, научная школа, история, культурология, культура.

OCTOBER LONGER IN THREE CENTURIES OF THE CENTURY: SCIENCE AND SOCIETY

N. A. Tomilov

*Omsk branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk Humanitarian Academy, Omsk*

The article considers the significance of the Great October Socialist Revolution and the Soviet state in the development of science as a whole. General assessments of the role of science in modern Russian society are given. The question is raised about increasing the demand for new scientific results in the fields of humanitarian knowledge in connection with the significant complication of the social structure of society and public life in Russia. The importance of the all-round support of scientific schools is underlined.

Keywords: science, scientific school, history, culturology, culture.

Значение Великой Октябрьской социалистической революции, и это не вызывает сомнения, заключается в том, что она сделала возможным для осуществления первого в мире опыта создания государства социальной справедливости. На этом пути в РСФСР и затем в СССР было не мало сложностей, трудностей, перегибов и даже жестокостей по отношению к части населения, в том числе и к отдельным народам.

Но явных достижений нельзя не заметить. Выдающийся ученый академик РАН Ж. И. Алферов дает им такую оценку: «Советская власть дала народу бесплатное образование, и мы из безграмотной в массе страны стали самой образованной страной в мире. Бесплатное здравоохранение позволило увеличить продолжительность жизни с 32 лет в среднем ... более чем вдвое. Практически всему населению было бесплатно дано в собственность жилье... В Советском Союзе все имели право на труд, на отдых, и это опять-таки были совершенно

реальные права» [1]. В целом многое было совершено для обеспечения политического и социального равенства народов СССР. Это нашло отражение, прежде всего, в политике по оказанию помощи национально-окраинным регионам и отставшим в социальном развитии народам, прежде всего народам Севера, у ряда которых были ведь и устои общинно-родового устройства [2, с. 3].

В данной статье основное место уделяется отдельным вопросам о роли науки и ученых в обществе, о положении науки в период Советской власти и в меньшей степени о проблемах функционирования науки в современном российском обществе. Но предварительно немного о том, какое участие принимали ученые в решении сложных вопросов культурного и социального переустройства страны в первые годы после свершения Октябрьской революции 1917 г.

Советской власти досталась страна, которая в результате ее участия в Первой мировой войне и особенно наступившего развала в результате Февральской революции 1917 г. и бездарной, по мнению ряда ученых, политики демократов (либералов) – западников и их Временного правительства находилась в глубочайшем социально-экономическом и политическом кризисе и даже просто в упадке. Ситуацию осложнила разорительная Гражданская война 1917–1922 гг.

И победа Октябрьской революции фактически спасла ситуацию в стране. К власти пришли решительные, дисциплинированные, образованные и наполненные революционной романтикой большевики. Они в число главных задач по сохранению России ставили развитие ее культуры, в том числе науки, образования, искусства. Большое значение в этой сфере жизнедеятельности, по их убеждению, имело сбережение и поддержка народной культуры. В. И. Ленин не раз подчеркивал важность для изучения народной психологии проведения исследований художественного, в первую очередь фольклорного творчества народных масс, народную философскую мысль [3, с. 4].

И значительная часть российской интеллигенции поверила в идеи В. И. Ленина и благие намерения большевиков установить справедливый строй в стране. Конечно, у части специалистов и творческих работников такой поворот в мировоззренческих позициях происходил не сразу и порой трудно, но он происходил. Известно, что многие крупные ученые перешли почти сразу на сторону Советской власти. Да и сами Советы как явление политической власти представлялись тогда наилучшей формой управления страной, отражающей интересы основных социальных и социально-профессиональных слоев населения, в противовес буржуазной форме парламента. Из среды специалистов, изучавших народы и их культуру, с революционным правительством стали активно сотрудничать такие крупные ученые как фольклорист и литературовед М. К. Азадовский, археолог и этнограф Д. А. Клеменц, антрополог Д. Н. Анучин, этнографы В. Б. Богораз-Тан, Д. К. Зеленин, В. Н. Харузина, Н. Н. Харузин, Л. Я. Штернберг.

Научному прогрессу в СССР на протяжении всей истории этого государства предавалось первостепенное значение. Наука в концептуальных документах Верховного Совета СССР, Правительства СССР и ЦК КПСС включалась в состав производительных сил страны. Научная работа, деятельность ученых

имели тогда самый высокий уровень престижности в обществе. Ученые образовали высший слой интеллектуальной элиты страны. Научно-технический прогресс испытывал гигантские темпы развития, составляя основу функционирования цивилизационной системы советского государства и общества. В итоге были получены величайшие достижения в естественно-научной, гуманитарной и технической областях знания.

И на современном этапе – этапе развития общества в рамках Российской Федерации этот высочайший уровень научного потенциала в определенной мере сохраняется. Он и является базой независимого и стабильного функционирования и дальнейшего развития российского общества и государства. Но сегодня российская наука испытывает и сложности, находится в состоянии почти непрерывного «реформирования» ее чиновниками и соответственно в состоянии кризисных ситуаций и явлений, существенно мешающих научно-исследовательской работе ученых. Конечно, есть уверенность, что негативные явления в научно-организационной сфере (преступная коммерциализация, наживательство на науке, чехарда с ваковскими (при этом совсем не нужными) изданиями, изгнание фундаментальных монографий из состава престижных изданий, более низкая грантовая поддержка проектов высококвалифицированных ученых среднего и старшего возрастов по сравнению с поддержкой научной молодежи, низкая заработная плата в отдельных научных (в том числе отраслевых) и высших образовательных учреждениях, существенное сокращение аспирантуры и т. д.) будут постепенно преодолены, а научные достижения будут оцениваться по существу и системно.

Процессы стабильного развития отечественной науки необходимо по мере возможности ускорять в связи с усложнением разных сфер жизнедеятельности людей. Роль науки в обществе должна быть ведущей. Именно она является научной базой национальной безопасности страны и ее работоспособности. Именно она составляет основу разработки и обоснования государственной внутренней и внешней политики, прогнозирования политических процессов. Именно наука составляет базу современных систем образования и в целом просвещения сограждан. Хотя наука, безусловно, входит в систему культуры в широком смысле этого понятия, но входит как ее базовая часть.

Значительной становится и востребованность новых научных результатов в областях гуманитарных знаний. Это связано с тем, что в современных условиях усложняется социальная, прежде всего социально-профессиональная структура общества. Гораздо многообразнее и многовариантнее стали формы общественной жизни страны. Появились новые как внутренние, так и внешние вызовы и даже угрозы нашему общественному благополучию, в том числе и в связи с возросшими контрастами в межэтнических и межконфессиональных отношениях. А ведь ученые гуманитарных областей знаний в последние 30–40 лет приобрели колоссальный опыт в прикладных исследованиях разных аспектов российской действительности, в разработке проектов и программ в решении задач по профилактике негативных, кризисных и даже опасных явлений, по стабилизации усложнившейся социальной или политической обстановки, в решении проблем национально-культурной и этноконфессиональной сфер жиз-

недеятельности сограждан, в укреплении положительных установок в мировоззрении россиян и т. д.

И далее, если вести речь об основном звене двигателя научного прогресса, то это прежде всего деятельность сформировавшихся и формирующихся научных школ с их разновозрастным и разноопытным составом ученых, с их высокой интенсивностью проводимых исследований и получаемых новых научных достижений и новых оценок процессов в природе и обществе. И если так ставить вопрос о прогрессе в науке, то основной задачей всех научных учреждений (академических, отраслевых, вузовских, музейных и т. д.) и шире занимающихся научными работами организаций (включая сюда наряду с учреждениями и разные виды общественных объединений, фондов и т. д.) должна быть организация работы научных школ и затем всемерная и первоочередная их поддержка. Сегодня эти процессы функционирования сложившихся и создания новых научных школ как будто специально тормозятся. Представляется, что сначала нужно поддерживать эти коллективы наиболее трудоспособных и высокопрофессиональных ученых, а уже затем поддерживать молодые кадры ученых – а лучше всего вовлекать их в деятельность научных школ. Иначе часть финансовых поддержек (и, может быть, даже значительная их часть) окажется малоэффективной или вообще безрезультативной в получении новых знаний и углублении научного прогресса.

И еще одна опасность – безмерно растущий вал научных статей в связи с требованиями в отчетности публикаций в ведущих рецензируемых журналах и, что еще приоритетнее, в зарубежных изданиях. Не лучше ли поддерживать (и существенно) отечественные журналы и создание их в новых (прежде всего междисциплинарных) отраслях знаний? И, может быть, тогда оценивать и рейтинг зарубежных ученых по степени участия их со статьями в российских научных журналах, многотомных научных сериях и тематических сборниках. В любом случае представляется, что нужно существенно поддержать на уровне государственного финансирования издание российских журналов, серий, сборников и, конечно же, монографий, которые отражали бы в первую очередь достижения научных школ. И это было бы сохранением славных традиций поддержки науки, которую она ощущала в советский период.

Изучение истории научных школ в России показывает, что в большинстве своем они сложились в период существования СССР. И на примере Омска видно, что научные школы гуманитарного профиля формировались в середине – второй половине XX в. – сначала в рамках Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького (сегодня это Омский государственный педагогический университет), а с середины 1970-х гг. на базе Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (был открыт в 1974 г.). Наиболее ранней по времени формирования является омская фольклористическая школа (руководитель Т. Г. Леонова). В исторической профильной группе сложились следующие научные школы: историографическая (руководители В. П. Корзун, Г. К. Садретдинов, В. И. Худяков), по истории России (руководитель А. П. Толочко), историко-культурная (руководители Д. А. Алисов, В. Г. Рыженко), археологическая (руководитель В. И. Матющенко), этнографи-

ческая (руководитель Н. А. Томилов), музееведческая (руководители Н. А. Томилов и В. Г. Рыженко, также П. П. Вибе и Г. М. Патрушева) [4, с. 185–203; 5, с. 16–26; 6, с. 238–244; 7, с. 11–16; и др.].

Большой масштаб научно-исследовательской деятельности гуманитарных научных школ осуществляется благодаря созданию в Омске в апреле 1991 г. Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО АН СССР (с 2006 г. – это Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН). Это научное учреждение работает по трем направлениям – по археологии, этнографии и музееведению. Планировалось, что в нем будут еще направления по фольклористике, истории народов, юридической антропологии. Но начавшиеся в конце 1991 г. либеральные реформы в России (после распада СССР), приведшие к глубоким кризисным ситуациям в экономической, финансовой и социальной сферах, сказались отрицательно и на омской гуманитарной науке – вышеназванные направления открыть не удалось, как и преобразовать вышеназванный филиал в научно-исследовательский институт.

В феврале 1993 г. уже в ельцинскую эпоху было открыто еще одно научное учреждение гуманитарного профиля – Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ [8, с. 355–370]. Но вопрос о его создании был решен раньше – в 1990–1991 гг., т. е. еще в советскую эпоху. В начале 2014 г. филиал был в связи с закрытием в Москве Российского института культурологии передан в Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Так получилось, что мой основной период научной работы был связан с новыми возникшими учреждениями. В 1968 г. была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева, в который меня приняли на работу в числе его первых научных сотрудников и где моя деятельность длилась до середины 1974 г. Оказался я в числе первых 40 преподавателей открывшегося в 1974 г. Омского государственного университета, где в 1985 г. нам удалось создать кафедру этнографического профиля – третью в вузах РСФСР. Это произошло благодаря мощной поддержке наших исследований со стороны первого секретаря Омского областного комитета КПСС С. И. Манякина. В 1983 г. в ответ на мое письмо в его адрес с предложениями развернуть силами омских этнографов крупные исследовательские работы в Сибири и прилегающих районах Казахстана С.И. Манякин дал поручение органам власти о создании всех необходимых условий для научной деятельности Н. А. Томилова. И позднее мне доверили руководить двумя созданными научными учреждениями, о которых речь шла выше.

Так что именно в советский период наша гуманитарная наука всемерно развивалась благодаря мощной и стабильной поддержке со стороны органов советской власти. И сегодня в непростых условиях кризисных явлений в мире и в том числе в России серьезный задел прошедших десятилетий позволяет нам делать первоклассную науку.

В завершение данной темы считаю для себя необходимым назвать хотя бы некоторых омских руководителей, которые в разные периоды 80-х гг. XX –

начала XXI в. оказали существенную поддержку развитию в Омской области исторических и культурологических научных направлений. И это прежде всего губернатор Омской области Л. К. Полежаев, который постоянно помогал нам (в том числе и финансами) в проведении археологических и этнографических экспедиций, международных и российских научных форумов (конгрессов и конференций), в издании научной литературы, в укреплении материально-технической базы научных учреждений, за что мы ему всемерно благодарны. Также наиболее крупный и зримый вклад в развитие гуманитарных научных направлений внесла Н. М. Генова, которая сама постоянно занималась научными исследованиями и стала доктором культурологии. И далее назову (в алфавитном порядке) еще несколько наших верных и дорогих сподвижников в организации и развитии гуманитарных направлений в омской науке – руководителей областного и городского уровней власти – это А. В. Артемов, Н. Н. Бревнова, В. М. Демченко, А. И. Казанник, А. А. Касьянов, В. В. Радул, М. А. Руденко, А. А. Телевной, В. В. Шалак.

И, конечно же, очень значительную и необходимую работу по организации и развитию исторических и культурологических научных направлений в Омской области провели в те десятилетия наши выдающиеся российские ученые академики АН СССР и позднее РАН А. П. Деревянко, В. А. Коптюг, В. И. Молодин, А. П. Окладников, В. А. Тишков, Е. П. Челышев, член-корреспонденты РАН С. А. Арутюнов, В. А. Ламин, В. А. Лихолобов, профессора, доктора наук Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, В. В. Пименов, К. Э. Разлогов, В. И. Соболев, доктора исторических наук В. И. Васильев, И. С. Гурвич, кандидаты исторических наук В. Р. Басаев, Л. И. Скрипкина, Н. К. Чернявская и др. Благодаря их усилиям в Омске достаточно быстрыми темпами шло формирование и затем дальнейшее развитие вышеназванных научных школ гуманитарных профилей в Омске.

Список литературы

1. Алферов Ж. За государство социальной справедливости // Правда. Информационный бюллетень. – 2016. – 15 января.
2. Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Великий Октябрь и советская этнография // Советская этнография. – 1987. – № 5. – С. 3–16.
3. Мыльников А. С. К изучению истории народной культуры в свете теоретического наследия В. И. Ленина // Советская этнография. – 1987. – № 2. – С. 3–12.
4. Жигунова М. А., Томилов Н. А. Научные и научно-педагогические школы // Университет в истории и история университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск, 2004. – С. 185–203.
5. Леонова Т. Г. Омская научная школа по фольклористике // Народная культура Сибири: материалы XXIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2015. – С. 16–26.
6. Томилов Н. А. Научная школа «Музееведение как отрасль знания и история музейного дела в Сибири» // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования: сборник научных трудов. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2015. – С. 238–244.
7. Томилов Н. А. Омские научные школы в изучении народной культуры // Народная культура Сибири. – Омск, 2015. – С. 11–16.
8. Алисов Д. А., Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ: два десятилетия научной и научно-организационной деятельности // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2013 года). – Омск, 2013. – С. 355–370.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II НА ПОСТУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО КАК ФАКТОР ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

М. В. Шиловский

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

На основании анализа камер-фурьерского журнала императора Николая II за 1916–1917 гг. предпринимается попытка оценить его деятельность на посту Верховного главнокомандующего русской армии в 1916 – начале 1917 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, Верховный главнокомандующий, Ставка, Николай II, камер-фурьерский журнал.

THE COMMAND EFFECTIVENESS OF NICHOLAS II SERVING IN POSITION OF COMMANDER-IN-CHIEF AS A FACTOR OF FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

M. V. Shilovskiy

Novosibirsk State University, Novosibirsk

Based on the analysis of the Chamber-Furrier Journal of the Emperor Nicholas II over the period 1916-1917 the author attempts at evaluating his service as Commander-in-Chief of the Russian Army in 1916- early 1917.

Keywords: World War I, Commander-in-Chief, General Headquarters, Nicholas II, Chamber-Furrier Journal.

В преддверии 100-летнего юбилея событий 1917 года и по мере «забвения» советской концепции двух революций, закономерно завершившихся установлением власти большевиков, все чаще возникают вопросы, требующие всестороннего анализа и осмысления уже введенных в научный оборот источников. Среди них причины быстрого и в основном мирного свержения самодержавия, отказ императора Николая II от каких-либо попыток сохранить свою власть. С другой стороны, речь идет об уровне организации антимонархических сил.

Судя по информации камер-фурьерских журналов [1], в течение 14 месяцев 1916 – начала 1917 гг. (427 суток) император 263 дня провел в Ставке в Могилеве. Минимальный срок пребывания с 1-го по 6 и с 11 по 17 февраля 1916 г. ограничивался 6 сутками, максимальный с 7 мая по 18 октября 1916 г. составил 157 суток. Последний раз Николай находился в Ставке 5 суток 23–28 февраля 1917 г. После отречения в Пскове он вернулся в Могилев в 20.20 3 марта и покинул его 8 марта в 16.50 в сопровождении четырех прибывших из Петрограда комиссаров, одним из которых был А. А. Бубликов, в положении арестованного [1, с. 871].

Еще 131 день царь провел в Царском Селе с выездами по железной дороге в Петроград. Самый продолжительный интервал его пребывания в официаль-

ной резиденции приходится на 19 декабря 1916 – 22 февраля 1917 г. и составил 72 суток. Характерно, что вояж в Ставку фиксировался в журнале как «отъезд Государя Императора [Его Величества] из Царского Села в Действующую Армию», а из Могилева обратно как «прибытие Его Величества из Действующей Армии на проживание в Царское Село». Таким образом, поездки на фронт официально квалифицировались как служебные командировки.

Помимо двух основных пунктов дислокации мой герой в течение рассматриваемого времени совершил 7 железнодорожных поездок общей продолжительностью 23 суток по прифронтовой полосе. Так, 15–16 февраля 1916 г. он побывал в Бобруйске, где осуществил смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии. В период с 27 по 31 марта Николай II по пути из Царского села в Могилев посетил Каменец-Подольский и Хотин. 11 суток в мае ушло на визиты в Винницу, Бендеры, Одессу, Севастополь, Евпаторию и Курск. Наконец, 27-30 октября он ездил в Киев на свидание с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Еще 13 суток из казалось бы плотного графика царствующей особы, да еще возложившей на себя нелегкие функции верховного главнокомандующего, ушли на дорогу из Царского Села в Могилев и обратно. Таким образом, в течении 14 месяцев (427 суток) император Николай II 263 суток провел в Ставке, 131 в Царском Селе, 36 в дороге и посещая прифронтовые населенные пункты (города и станции).

Препарируя четырехтомный официоз генерала Д. Н. Дубенского, посвященный пребыванию императора в действующей армии, американский историк Р. Уортман заметил: «Автор также подчеркивает непоколебимое самоотверженное упорство царя. В девять часов утра он направляется в Ставку, где принимает рапорт Пустовойтенко [генерал-квартирмейстер Ставки. – М. Ш.]. В половине первого он по-походному обедает с военными атташе союзников. Между часом и двумя он возвращается в кабинет работать с донесениями. Позже, в полчетвертого – в четыре, он совершает автомобильную прогулку по окружающей местности. Затем Николай – «Державный Труженик», – возвращается за стол и вновь берется за донесения, а его ум и сердце сострадают всему, что происходит в его стране. После ужина он трудится до глубокой ночи. Сколь бы тревожны не были новости, царь остается спокойным. «Никто не видал Царя не владеющим собой». Невозмутимость царя, доставляющая столько беспокойств министрам, преподнесена здесь как знак его «силы воли», «выдержки» и «ясного понимания всей обстановки». Все эти качества становятся возможными только благодаря вере в Божественное Провидение» [2, с. 698].

Теперь посмотрим на реальный режим жизнедеятельности верховного главнокомандующего в Ставке. Его местопребыванием являлась резиденция губернатора. Недалеко от нее размещался штаб Ставки верховного главнокомандующего во главе с генералом от инфантерии М. В. Алексеевым. Судя по записям в журнале, рабочий день императора начинался в 10.30, реже в 10.00 часов посещением штаба без фиксации времени пребывания в нем. В отдельных случаях интервал можно вычислить. Так, 5 января 1916 г. он прибыл в штаб в 10.00, а в 11.00 часов последовал на богослужение, 1 февраля того же года посетил штаб в 9.50, а в губернаторский дом вернулся в 12.50. Можно

предположить, что пребывание у М. В. Алексеева продолжалось от одного до двух часов. Очень редко, приблизительно раз в месяц перед отъездом из Могилева император принимал начальника штаба вечером у себя в резиденции или в вагоне (1 февраля 1916 г. в 18.00 в резиденции, 5 февраля того же года в 17.00, 6 февраля в 21.30 в вагоне, 15 марта в 18.30, 30 апреля в 17.00). За первое полугодие зафиксирован только один случай посещения императором штаба поздним вечером в 21.30 9 апреля 1916 г.

Как правило, после штаба проходил завтрак с приглашением офицеров и генералов Ставки, чинов свиты, прибывших в Могилев членов императорской фамилии, министров, руководителей дипломатических миссий союзных государств (Англия, Франция, Бельгия, Сербия, Италия, Япония). После завтрака часто следовали прогулки на автомобиле (моторе) в холодное время года и на катере по Днепру летом. Четырежды в первом полугодии 1916 г. (11.01, 16.02, 2.05, 14.06) в кинематографе штаба организовывался просмотр фильмов. После этого в интервале от 16.00 до 19.00 принимались министры, генералы и адмиралы, члены императорской фамилии. Обед начинался в 20.00 и продолжался 50 минут [3, с. 220, 221], с приглашением находящихся в Ставке высокопоставленных лиц, а также выздоравливающих офицеров. Дважды в течение года (1 апреля и 17 декабря) здесь проводились заседания Военного Совета, один раз 28 июня – Совета Министров.

Посещения Царского Села приурочивались к важным правительственным и имеющим непосредственное отношение к личной жизни императорской фамилии событиям и мероприятиям. Так, в ходе пребывания здесь 18 февраля – 2 марта 1916 г. император присутствовал на заупокойных литургиях в Петропавловском соборе в связи с днем рождения Александра III 26 февраля и в память кончины Александра II 1 марта; приезд 19-26 марта сопровождался приемом с целью вручения верительных грамот назначенного в Петроград греческого посла 24 марта и оставившего свой пост испанского посла 26 марта; во время пребывания 13–24 апреля состоялась торжественная аудиенция вновь назначенному послу США Д. Фрэнсису 22 апреля и длительное пребывание в Царском Селе с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г. обуславливалось прежде всего убийством Г. Е. Распутина (19 декабря обнаружили в Неве его тело) и проведением в Петрограде в середине января межсоюзнической конференции России, Англии, Франции и Италии.

Камер-фурьерский журнал фиксировал внешнюю сторону событий, не раскрывая содержания их. К тому же, кроме посещений штаба и приема различного рода лиц, император работал с документами, знакомился с отчетами, проектами, обзорами, донесениями и т. д. Но даже внешне отчетливо видно, что интенсивность встреч с министрами в Ставке существенно сокращается, ограничиваясь зачастую министром императорского двора В. Б. Фредериксом (например, 26 апреля, 1, 3, 4 мая 1916 г.). В июне 1916 г. приемными для высших должностных лиц стали 12 дней из 30. По одному разу с царем встречались председатель Государственного совета А. Н. Куломзин (9 июня), председатель Государственной думы М. В. Родзянко (24 июня) и председатель Совета Министров Б. В. Штюрмер (27 июня). Из министров в этом месяце больше всех «по-

везло» главноуправляющему ГУЗиЗа А. Н. Наумову (14, 15, 28-го числа). Кроме них высочайшей аудиенции удостоились: министр финансов П. Л. Барк (1-го), министр путей сообщения А. Ф. Трепов (8-го), народного просвещения, граф П. Н. Игнатъев (13-го), морской министр, адмирал И. К. Григорович (21-го), министр торговли и промышленности, князь В. Н. Шаховской (23-го). После состоявшегося 28 июня в Могилеве заседания Совета министров, император в тот же день принял А. Н. Наумова и министра юстиции А. А. Хвостова, а на следующий день военного министра генерала Д. С. Шуваева и министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Находясь в Царском Селе, Николай II встречался гораздо чаще и с большим числом управленцев высшего ранга. Так, в январе 1917 г. приемными для них стали 24 дня. 6 раз удостоивался аудиенции министр иностранных дел Н. Н. Покровский, столько же военные министры Д. С. Шуваев и М. А. Беляев, 5 раз морской министр И. К. Григорович, 4 раза министр внутренних дел А. Д. Протопопов, 3 раза В. Н. Шаховской, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, председатель Совета Министров князь Н. Д. Голицын, дважды П. Л. Барк, обер-прокурор Синода Н. П. Раев, один раз Г. Д. Родзянко, министр юстиции Н. А. Добровольский, главноуправляющий ГУЗиЗ А. А. Риттих, статс-секретарь А. С. Танеев. В отдельные дни принимались по три-четыре высокопоставленных чиновника, 11 раз по два. Кроме того, дважды (1 и 18 января) министры участвовали в общих праздничных приемах.

Таким образом, собранная из источника информация позволяет утверждать о чисто внешнем и ограниченном по времени исполнением Николаем II функций верховного главнокомандующего, как в Могилеве, так и в Царском Селе. Во время пребывания в своей официальной резиденции с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г., т. е. в течение 72 дней, исполняющий обязанности начальника штаба Ставки взамен больного М. В. Алексева генерал от кавалерии В. И. Гурко был принят императором 7 раз (5, 14, 21, 24 января, 7, 9, 13 февраля). Чисто внешние, представительские функции исполнял монарх во время важных мероприятий, связанных с ведением военных действий. Например, на представительном совещании высшего командного состава в Ставке 17 декабря 1916 г. для обсуждения общего плана военных действий в кампании 1917 г. Николай председательствовал, но «реально не руководил работой совещания». Номинально он возглавлял созданное 22 августа 1915 г. Особое совещание по обороне, но на практике им руководил военный министр [4, с. 90, 179].

Материалы камер-фурьерского журнала подтверждают тезис о так называемой «министерской чехарде» в изучаемый период. Как указывалось выше в течение изучаемого периода (14 месяцев) состоялось два заседания Совета Министров. Сменилось четыре председателя Совета Министров: И. Л. Горемыкин (до 20 января 1916 г.), Б. В. Штюрмер (до 10 ноября 1916 г.), А. Ф. Трепов (до 27 декабря 1916 г.) и князь Н. Д. Голицын. Двое первых даже по современным меркам относились к категории заслуженных пенсионеров (Горемыкину в 1916 г. исполнилось 77 лет, Штюрмеру – 68). Их преемниками стали 54-летний Трепов и 60-летний Голицын. Первый находился на посту руководителя прави-

тельства в апреле 1906 – августе 1907 г., второго извлекли из нафталина с поста члена Государственного совета (с 1904 г.), третий возглавил правительство, будучи чуть более одного года министром путей сообщения, а до этого сенатором и членом Государственного совета. Последний императорский премьер последовательно работал архангельским, калужским, тверским губернатором, в 1903 г. стал сенатором, а в мае 1915 г. председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Встречи царя с премьерами проходили достаточно редко. В частности, Штюмер являлся с докладами 10 раз в Царском Селе и 9 раз в Ставке плюс дважды участвовал в официальных мероприятиях и один раз в заседании правительства. Трепов в качестве министра удостоился аудиенции в общей сложности 22 раза, но как глава правительства за полтора месяца – ни разу. Голицын докладывал только в Царском Селе 15 раз, в том числе 9 раз после назначения главой кабинета.

Примерно в таком же алгоритме осуществлялось взаимодействие монарха с министрами. Их замещение происходило большей частью за счет перемещения из одного кресла в другое. Тот же Штюмер в бытность премьером одновременно с марта по июль 1916 г. возглавлял МВД, а с июля по ноябрь МИД. В течение всего периода на своих постах находились: министр финансов П. Л. Барк (принят 26 раз); морской министр, адмирал И. К. Григорович (38 раз), торговли и промышленности, князь В. Н. Шаховской (15 раз лично).

Среди «новичков» на министерской скамейке, прежде всего, следует назвать назначенного 16 сентября 1916 г. последним царским министром внутренних дел д. с. с. (действительного статского советника) А. Д. Протопопова (23 раза). «Либерального» министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева (13 раз), умолявшего императора снять с него «непосильное бремя служения против велений совести», 28 декабря 1916 г. сменил попечитель Петроградского учебного округа, сенатор Н. К. Кульчицкий (3 раза). Наконец, отправленного в отставку после настояния императрицы Александры Федоровны с назначением в Государственный совет обер-прокурора Синода д. с. с. А. Н. Волжина (6 раз), 30 августа 1916 г. сменил ставленник Г. Е. Распутина и А. Д. Протопопова руководитель Постоянного комитета по устройству народных чтений, директор совета Общества взаимного кредита деятелей почтового дела Н. П. Раев. По возрасту 23 высших сановника Российской империи распределялись следующим образом (по состоянию на 1916 г.): 4 чел. (А. Н. Куломзин, И. А. Горемыкин, В. Б. Фредерикс, Б. В. Штюмер) 77–78 лет, 5 – 60–63 года, 8 – от 50 до 59 лет, 5 – 40–48 лет и самый молодой 34-летний А. Н. Хвостов (племянник А. А. Хвостова).

В целом, больше половины (14 чел.) высших должностных лиц государства находились по меркам тех лет в работоспособном состоянии. Тем не менее, частые перемещения министров, пополнение их корпорации случайными людьми, выдвинутыми не по организаторским качествам, а по принципу личной преданности монарху, его супруге, Г. Е. Распутину, еще больше усугубили «кризис верхов». Ключевая фигура в плане взаимоотношений монарха с внешним миром министр императорского двора престарелый В. Б. Фредерикс (96 встреч) по информации А. А. Мосолова с 1913 г. «стал страдать кровоизлияни-

ями в мозг: временами он совершенно терял память, что длилось несколько минут, но после этого оставалось, если можно выразиться, умственное недомогание, длившееся иногда несколько часов, иногда несколько дней. По мнению американского историка Р. Уортмана в 1916 г. правительство лишилось руководства, «поглощенное миссией вдохновить армию, Николай почти потерял интерес к событиям внутри страны. Министры, чьи рапорты Николай принимал в Ставке в Могилеве, были поражены безмятежностью, с которой он слушал их сообщения о критической ситуации в политике» [2, с. 700].

Парадоксальность ситуации конца февраля – начала марта 1917 г. заключалась в том, что антивоенные причины и характер Февральской революции, выразившиеся в настроениях и поступках народных и солдатских масс, либеральные, социалистические и промонархические элементы пытались минимизировать. Такой вдумчивый и осведомленный очевидец и участник событий как Н. Н. Суханов отмечал, что власть тогда должна была перейти к буржуазии по причине «невозможности создания чисто демократической власти», поскольку «это означало бы немедленную ликвидацию войны со стороны демократической России. Продолжение войны демократической властью я, естественно, считал невозможным, ибо противоречие между участием в империалистической войне и победой демократической революции казалось мне коренным». А цензовые элементы, «могли вообще принимать идею ликвидации царизма, то они могли принимать ее по преимуществу как средство успешного завершения войны» [5, с. 22].

В свою очередь, Николай II также отстаивал необходимость продолжения войны до победного конца, несмотря на тяжесть сложившейся ситуации. В приказе по армии от 12 декабря 1916 г., подписанным императором, подчеркивалось, что время для мирных переговоров не наступило, «враг не изгнан из захваченных им областей, достижение России созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ныне разрозненных ею областей – еще не обеспечено... Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный наших геройских подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память» [6, с. 604].

И в «Акте об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича» тема войны является определяющей. «Судьба России, – говорится в нем, – честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть... Заповедуем брату нашему править делами гос-

ударственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы» [1, с. 435].

Таким образом, осуществленный мной на основе камер-фурьерского журнала анализ деятельности императора Николая II в 1916 – первые два месяца 1917 г., показывает его несостоятельность как высшего должностного лица и верховного главнокомандующего русской армии, его отрешенность от происходящего, нежелание проводить реформы, осуществлять ротацию управленческих кадров. На 49 году жизни, имея за плечами 22-х летний стаж руководства империей, мой герой исчерпал свой управленческий ресурс. Вместе с этим во время Первой мировой войны окончательно исчерпал традиционный для российской монархической государственности метод управления страной посредством докладов министров монарху. На ситуацию с отречением от престола очень сильно повлиял фактор необходимости продолжения войны, ради которого Николай II отказался от власти.

Список литературы

1. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. – СПб., 2014.
2. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. – М., 2004. – Т. 2.
3. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. – СПб., 1992.
4. Россия в стратегии Первой мировой войны. – СПб., 2014. – Кн. 1.
5. Суханов Н. Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т. 1. – Кн. 1–2.
6. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – М., 1992.

**ВСЕВОЛОД ПЕТРОВИЧ ВЯТКИН – СИБИРСКИЙ КАЗАК,
РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПОЛИТЭМИГРАНТ, СОВЕТСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ**

В. А. Шульдяков

*Омский автобронетанковый инженерный институт –
филиал Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева Министерства обороны РФ, Омск*

Статья представляет собой краткую биографическую справку о выдающемся революционере Сибирского казачьего войска периода Великой Российской революции. Акцент делается на его партийной принадлежности и роли в политической борьбе внутри казачьего сословия.

Ключевые слова: Революция, казачество, Сибирь, Партия социалистов-революционеров, политическая борьба.

**VSEVOLOD PETROVICH VYATKIN – SIBERIAN COSSACK,
REVOLUTIONARY, POLITEMIGRANT, SOVIET ACTIVIST**

V. A. Shuldyakov

*Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (branch) of Khrulev Military Academy
of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Omsk*

The article is a brief biographical note on the outstanding revolutionary of the Siberian Cossack Host during the Great Russian Revolution. The emphasis is on his party affiliation and role in the political struggle within the Cossack estate.

Keywords: Revolution, Cossacks, Siberia, Party of Socialist-Revolutionaries, Political struggle.

Одним из выдающихся деятелей политического течения «трудовое казачество» в Сибирском казачьем войске в период Великой российской революции 1917 г. был Всеволод Петрович Вяткин (17.09.1885, пос. Озерский станицы Семипалатинской – г. Осташков Калининской обл., 01.09.1962). Именно он, явившись 4 октября 1917 г. на заседание Малого войскового круга во главе группы казаков огласил «Протест» представителей казачьих сотен Омского гарнизона против постановлений 2-го Большого круга и против избранного этим кругом войскового атамана генерал-майора П. С. Копейкина [1; 2]. Вечером того же дня В. П. Вяткин был избран председателем объединенного Совказдепа (Казачьего подотдела Военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов) и в этом качестве в ночь на 5 октября руководил арестами лидеров войскового самоуправления и депутатов Малого круга [1; 3, л. 4–9]. 24 декабря 1917 г. в Омске В. П. Вяткина избрали в Исполком Войскового Совета казачьих депутатов строевых частей [4, л. 162–163]. Затем он был включен в «ревком» Совказдепа, т. е. в тайную руководящую пятерку для проведения политического переворота в войске, и 26 января (08 февраля) 1918 г. активно участвовал во вто-

ричном аресте Войскового правительства [5, с. 24, 25]. Наконец, на 3-м Большом войсковом круге Всеволод Вяткин прошел в состав Войскового Совказдепа, был избран 11 апреля (29 марта) 1918 г. членом его исполкома [6] и оказался в числе тех, кто при «первой советской власти» возглавлял социально-экономические преобразования в Сибирском казачьем войске.

Резонен вопрос, каким образом в консервативном казачьем сословии появлялись свои революционеры? Можно попытаться ответить на него, взяв в качестве характерного примера судьбу В. П. Вяткина. Тем более, в данном случае имеются источники. Сын этого революционера выдающийся советский востоковед, профессор Рудольф Всеволодович Вяткин оставил прекрасные мемуары, в которых привел много фактов из жизни отца [7, с. 141–222]. А внук историк-китаист Анатолий Рудольфович Вяткин не только издал эти воспоминания, но и сохранил у себя весь архив деда: дневники, письма и прочие документы.

Всеволод Петрович Вяткин происходил из потомственных сибирских казаков поселка Озерского станицы Семипалатинской. Его внуку А. Р. Вяткину удалось отследить свою родословную до второй половины XVIII в. [8]. Отец будущего революционера Петр Федорович Вяткин занимался крестьянским трудом: сеял хлеб, огородничал, рыбачил. Мать Елизавета Васильевна умерла вскоре после рождения сына [7, с. 148]. У деда Всеволода по отцу Федора Петровича был родной брат Герасим Петрович Вяткин, который смог выслужиться в офицеры и, выйдя в отставку есаулом, поселился в г. Семипалатинске. Будучи старым холостяком, Герасим Петрович в начале 1890-х гг. перед смертью завещал внучатому племяннику около двух тысяч рублей. На эти деньги П. Ф. Вяткин смог дать сыну среднее специальное образование [9, л. 1].

Всеволод Вяткин окончил начальную двухлетнюю школу в родном поселке, затем – пятиклассное городское училище в Семипалатинске и в 1901 г. поступил в Омское императора Александра III низшее механико-техническое училище. Учился в нем достаточно хорошо. В его аттестате по четырём из 15 предметов «тройки», а по остальным – «четверки»; правда, и «пятерок» в нем – ни одной. Окончив в июне 1905 г. училище, В. П. Вяткин получил профессию механика [7, с. 151; 10]. На поиски работы он уезжает в Томск, так как мечтал получить высшее образование. Видимо, «целился» в Томский технологический институт. Работал слесарем, электромонтером, побывал «в шкуре» безработного, а осенью 1905 г. его захлестнул «революционный вихрь».

В Томске В. П. Вяткин участвовал в молодежных сходках, в октябрьской стачке, с сентября 1905 г. был в «дружине самообороны» из рабочих и студентов. Больше двух месяцев он работал в «подпольной лаборатории по изготовлению бомб» Томского комитета РСДРП, руководил которой командир томской социал-демократической боевой дружины большевик А. С. Ведерников. Затем Всеволод Вяткин стал выполнять задания одного из руководителей томских эсеров А. Г. Дистлера, студента технологического института, сына крупного сибирского золотопромышленника. Он стал заниматься агитационно-пропагандистской работой и организацией рабочих забастовок на станции Тайга, на Анжерских коях, в гг. Мариинске и Чите [9, л. 1–5; 7, с. 151 – 152]. Свою партийность В. П. Вяткин определял так: в 1905 г. член РСДРП, в 1906–1917 гг.

– ПСР [11, л. 2]. Репрессии не заставили себя ждать: три месяца в Мариинской тюрьме, полтора года в Читинском центральном, надзор полиции. Вяткину пришлось скрываться, жить под чужой фамилией, переезжать с места на место: Амурская железная дорога, Новониколаевск, Омск, Семипалатинск.

На одной из молодежных сходок в Томске Всеволод Вяткин познакомился со своей будущей женой – работницей швейной мастерской Раисой Васильевной Аккерман, родившейся в бедной еврейской семье на станции Усолье Иркутской губернии. Летом 1909 г. в Томске они поженились [7, с. 150, 152]. Две тюрьмы, «постоянная настороженность при нелегальном положении», а главное – опасность того, что полиция «свяжет» воедино разные эпизоды подпольной деятельности и разные псевдонимы, что грозило большим сроком лишения свободы, – все это заставило молодоженов эмигрировать из России. На этот переезд ушел остаток средств, полученных по завещанию от отставного есаула Г. П. Вяткина. Всеволод и Раиса уехали в Петербург, в Финляндии нелегально перешли русско-шведскую границу и через Германию (Берлин) приехали в сентябре 1909 г. в Швейцарию. Дальше Базеля поехать не смогли, денег осталось 14 руб. Пришлось обустроиваться с помощью политэмигрантов в этом городе [9, л. 6].

В Базеле В. П. Вяткин первое время работал на стройке, а затем устроился (22.10.1909) на химическую фабрику: сначала чертежником, потом – техником по монтажу оборудования. Вступил в местный профсоюз химиков, стал председателем общества взаимопомощи русских политэмигрантов, входившего в местный Красный Крест, присутствовал на заседаниях VI конгресса Социалистического Интернационала (Базель, 1912) [7, с. 145–146, 152–153].

После Февральской революции, в апреле – мае 1917 г., В. П. Вяткин в составе группы эмигрантов по маршруту Берн – Женева – Париж – Лондон – Норвегия – Швеция – Финляндия – Петроград вернулся на родину. Его жена с сыном приехали в Россию позже: осенью 1917 г. [9, л. 7; 7, с. 154, 157].

Летом 1917 г. В. П. Вяткина как военнообязанного мобилизовали в армию, он попал в Омский гарнизон: в 3-ю сотню 2-го Сибирского казачьего запасного дивизиона. Однако перспектива попасть на фронт его не вдохновляла. Всеволод Петрович стремился вернуться к активной политической деятельности, встречался для этого с лидером омских эсеров П. Я. Дербером, которого знал по партийной работе в Томске. И вскоре поприще нашлось – социалистам нужно было политически расколоть сибирское казачество. Организованные им 5 октября 1917 г. аресты руководителей войскового самоуправления В. П. Вяткин считал самым большим событием в своей жизни [7, с. 161]. В 1918 г. он был левым эсером-автономистом [5, с. 25]. В кандидаты в члены РКП (б) вступил лишь в 1920 г. [11, л. 2] после тюрьмы, бегства и подпольной работы против колчаковцев.

Итак, перед нами пример «оцивилизованного» и «саморасказавшегося» сибирца, который видел свое будущее в бессловном обществе и для которого политическая работа внутри казачьего сословия заключалась прежде всего в отрыве рядовой массы от войсковой элиты и сужении базы контрреволюции.

Список литературы

1. Иртыш (Омск). – 1917. – 12 октября.
2. Омский вестник. – 1917. – 6 октября.
3. ГИАОО. – Ф. 683. – Оп. 1. – Д. 2.
4. РГВИА. – Ф. 5266. – Оп. 1. – Д. 298.
5. Полюдов Е. В. Октябрьский переворот среди казачества // Известия Омского губернского комитета РКП(б). – Омск, 1922. – № 4.
6. Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 74.
7. Вяткин Р. В. История одной жизни (фрагменты мемуаров Р. В. Вяткина) // Юэ Тэ-цзинь ле чжуань: Судьба востоковеда Р. В. Вяткина. – М., 1998.
8. Архив автора. Письмо А. Р. Вяткина автору от 29.11.2011 г.
9. Архив А. Р. Вяткина. Дополнение к автобиографии Вяткина В. П. (1954).
10. Архив А. Р. Вяткина. Заверенная копия аттестата В. П. Вяткина.
11. Архив А. Р. Вяткина. Послужной список В. П. Вяткина. 1928 г.

И. С. ВЕГЕР: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Е. В. Шуляк

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск

В статье рассматривается жизнь и деятельность И. С. Вегера, известного революционера и врача, принимавшего активное участие в политической жизни российского общества и строительстве советского государства.

Ключевые слова: И. С. Вегер, университет, Москва.

I. S. VEGER: THE LIFE AND WORK OF

E. V. Shulyak

Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk

The article discusses the life and work of J. S. Weger, a well-known revolutionary and physician, who was active in the political life of Russian society and the construction of the Soviet State.

Keywords: I. S. Veger, University, Moscow.

Политическая история России бережно хранит имена людей, которые являлись ее героями. Одним из них был Илья Сергеевич Вегер (1865–1948), который родился в одной из семей мещан Екатеринославской губернии, где и провел свои детство и юность. В 80-х годах XIX века И. С. Вегер примкнул к народолюбцам и начал заниматься революционной деятельностью. Кроме того, он проявлял большой интерес к знаниям и стремился получить образование. Несмотря на то, что И. С. Вегер трудился на одном из заводов в Екатеринославе, он занимался самообразованием. Успешно сдав экзамены в местной гимназии, в 1886 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета, где сразу же стал активным участником студенческого революционного движения, за что дважды исключался из числа студентов. Кроме того, в 1891 г. Илью Вегера выслали из Москвы, запретив проживание в столицах, губернских городах, а также в городах, где были высшие образовательные учреждения. Тем не менее, ему удалось поступить в Киевский университет, откуда он перевелся в Казанский университет, где вызывал беспокойство своей политической активностью у администрации университета и Казанского жандармского управления и, наконец, вернулся в Московский университет, где и завершил учебу [1, с. 361; 2, с. 726]. Свои впечатления о жизни революционного студенчества этого образовательного учреждения в те годы И. Вегер запечатлел в своих мемуарах [3].

Уже в годы учебы Илья Вегер начал свою профессиональную деятельность. Так, в 1893 г. он являлся участником экспедиции по борьбе с холерой в Оренбургской губернии [1, с. 361]. После окончания курса обучения И. С. Вегер трудился участковым врачом на ткацкой фабрике в одном из сел

Костромской губернии, откуда был уволен фабрикантом за пропаганду среди рабочих. В 1898 г. он занял вакансию фабричного врача в Шуе, однако лишился работы по той же причине [2, с. 727]. Следует отметить, что несмотря на то, что как фабричный врач Илья Сергеевич был обязан обслуживать только рабочих, однако он безвозмездно принимал и всех нуждающихся в медицинском обслуживании из близлежащих поселков и деревень [4].

Из-за своих политических убеждений Илье Вегеру не так легко было найти работу, он скитался по России, трудился на чугуноплавильном заводе в Стерлитамаке, в земских больницах Москвы и Петербурга, в санитарном бюро Саратова, откуда его устранили по распоряжению губернатора, администрации предприятий или земских управ. При этом, дважды его увольнение сопровождалось судебными процессами.

Важное место в сфере профессиональных интересов И.С. Вегера всегда занимали санитария и гигиена. Следует отметить, что Илья Сергеевич работал в эпидемически неблагополучных районах России, трудился санитарным врачом в разных ее городах.

Понимая, что распространение инфекционных заболеваний и высокая смертность населения России были связаны с тяжелым социальным положением рабочих и крестьян, с их безграмотностью и неудовлетворительными в санитарно-гигиеническом отношении условиями труда и быта, он считал, что необходимы радикальные преобразования в политической жизни страны. В связи с этим в конце 1890-х гг. И. С. Вегер отказался от народофильской идеологии и перешел на позиции марксизма, вступив в ряды РСДРП [2, с. 727]. Следует отметить, что работа в качестве фабрично-заводского врача позволила И. С. Вегеру хорошо изучить условия труда и быта российских рабочих, чему он посвятил несколько своих работ [5; 6]. Несмотря на большой объем выполняемой работы, конфликты с администрациями предприятий и разногласия с земскими управами, И.С. Вегер находил силы и время и для обобщения своего опыта работы и, в частности, по вопросам обработки перевязочного материала и санитарным нормам устройства лечебных учреждений [7; 8].

В 1900–1905 гг. Илья Вегер жил и трудился в Уфимской губернии, где, являясь земским служащим, возглавлял работу Уфимского губернского санитарного бюро. Как и прежде, Илья Сергеевич проявлял высокую политическую активность, активно взаимодействуя с РСДРП с 1904 г. Революцию 1905–1907 гг. И.С. Вегер встретил в Саратове, где занимался пропагандой среди военнослужащих. Трагические события «кровавого воскресения», послужившие ее началом, впоследствии стали сюжетом для одной из его книг [9].

Илья Сергеевич Вегер всегда занимал активную жизненную позицию, принимал участие жизни медицинской общественности, являлся делегатом Пироговских съездов и съездов земских врачей. В 1911–1912 гг., когда многие регионы России страдали от голода, на частные пожертвования, собранные И. С. Вегером, в Башкирии были устроены столовые для детей [10].

Во время Первой мировой войны Илья Вегер выполнял свой гражданский и профессиональный долг на театре боевых действий русской армии. Во время февральской революции 1917 г. он находился в Москве, участвуя в выступле-

ниях войск, освобождении тюрем, руководстве арестами, а также организации выборов в Совет. Он являлся членом первого Исполкома Московского Совета, председателем Исполнительного комитета Московского уездного совета рабочих депутатов, был избран в состав делегации на второй Всероссийский съезд Советов. Благодаря своим личным качествам и заслугам перед партией большевиков в конце 1917 г. И. С. Вегер был назначен членом коллегии Наркомтруда [11]. Уделяя большое внимание вопросам безопасности трудовой деятельности, он посвятил этой проблеме одну из своих работ [12]. Молодому советскому государству необходимы были специалисты в области здравоохранения, в связи с чем, в 1918 г. И. С. Вегер занял пост председателя Комиссии по борьбе с венерическими заболеваниями Совета врачебных коллегий РСФСР. В годы Гражданской войны жизнь вновь связала его с Казанью, где он являлся председателем Казанского губернского комитета РКП(б) и заведующим Отделом Казанского губернского комитета РКП(б). В тревожное военное время И. С. Вегер также исполнял обязанности уполномоченного Революционного военного совета республики по снабжению Рабоче-крестьянской Красной армии на территории Украины, являлся помощником начальника отдела Юго-Восточного фронта (1919), а в 1919–1920 гг. и помощником начальника Политического отдела Кавказского фронта, членом реввоенсовета 4-й армии Западного фронта и членом реввоенсовета 4-й армии Южного фронта, военкомом 3-го конного корпуса, начальником политотдела Туркестанского фронта. Кроме того, в 1921 г. он исполнял обязанности комиссара Южных железных дорог [11], опыт работы на которых был обобщен им в одной из брошюр [13]. В 1921–1924 гг. Илья Вегер был комиссаром, управляющим делами Центрального комитета по перевозкам Народного комиссариата путей сообщения РСФСР – СССР, в 1925 – председателем Главного управления государственного страхования СССР [11], а затем и огнеупорно-керамического треста (Центрошапмот) в Москве [2, с. 727]. Свою работу в государственных учреждениях Илья Сергеевич сочетал с активной общественной деятельностью. Так, в 1929–1930 гг. он являлся секретарем Российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца [11].

Илья Сергеевич Вегер был типичным представителем политической элиты того времени. В Москве он проживал в гостинице «Метрополь», как и другие известные лидеры партии большевиков. 1930-е гг. были для него временем тяжелых испытаний. Евгений (1899–1937) и Елена (1901–1937), его дети, стали жертвами сталинских репрессий. В годы Великой Отечественной войны И. С. Вегер со своими близкими родственниками эвакуировался в город Куйбышев. В его распоряжение были предоставлены две комнаты в гарнизонном доме недалеко от Окружного дома офицеров, где его навещали единомышленники и ученики, которые не только оказывали ему моральную поддержку, но и продовольственную помощь. Даже в лихие военные годы И. С. Вегер не терял силы духа, каждый день выполнял обтирания холодной водой и гимнастику по методике Мюллера, уделял много внимания воспитанию своей внучки Людмилы. После эвакуации И. С. Вегер вернулся в Москву, где в 1948 г. его закончился его жизненный путь в возрасте 84 лет [4].

И. С. Вегер был яркой личностью, он внес достойный вклад в организацию и развитие медицинского обслуживания населения, санитарии и гигиены, охраны труда. Он считал, что улучшить общественное здоровье можно путем радикальных перемен в жизни нашей страны. Илья Сергеевич Вегер был талантливым организатором, активным участником революционного движения, что позволило сделать ему партийную карьеру и влиться в ряды политической элиты. Он хотел видеть народ России не угнетенным, а свободным, а Россию – страной, освободившейся от самодержавия.

Список литературы

1. Врачи-большевики – строители советского здравоохранения. – М., 1970.
2. Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма: биобиблиографический словарь. – М., 1933. – Т. 5. – Вып. 2.
3. Вегер И. С. Мемуары «ректора бутырской академии» // Советское студенчество. 1936. – № 4. С. 40–43; № 5. – С. 68–70.
4. Петрушевская Л. С. Маленькая девочка из «Метрополя». – URL: <http://e-libra.ru/read/212369-malenkaya-devochka-iz-metropolya.html> (дата обращения: 25.11.2016).
5. Вегер И. С. К вопросу о санитарном состоянии жилищ фабричных рабочих. – СПб., 1898.
6. Вегер И. С. Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги. – СПб., 1902.
7. Вегер И. С. К вопросу о обеспложивании перевязочного материала. – М., 1898.
8. Вегер И. С. О снабжении больниц горячей водой. – СПб., 1899.
9. Вегер И. С. 9 января. – М., 1930.
10. Вегер И. С. Детские столовые в Башкирии, устроенные в 1911–1912 году на частные пожертвования, полученные врачом И. С. Вегером. Краткий предварительный отчет. – Уфа, 1912.
11. Вегер Илья Сергеевич // Справочник по истории коммунистической партии и Советского Союза: [сайт]. – URL: <http://www.knowbysight.info/VVV/07999.asp> (дата обращения: 25.11.2016).
12. Вегер И. С. Охрана труда. – Петроград, 1918.
13. Вегер И. С. К учету железнодорожного транспорта. – 2-е изд. доп. – Александровск, 1921.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акелькина Елена Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, директор Омского регионального научно-исследовательского центра изучения творчества Ф.М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского.

Акимченков Виктор Владимирович – аспирант Московского педагогического государственного университета.

Алисов Дмитрий Андреевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Баторова Елена Бадмаевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова.

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет.

Вагнер Кристина Владимировна – студентка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Васильев Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета.

Волошина Валентина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Гончаренко Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических наук Государственного аграрного университета Северного Зауралья, г. Тюмень.

Груздинская Виктория Сергеевна – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Дворецкая Анна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Дегальцева Екатерина Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова.

Дружинкина Наталья Гавриловна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Жидченко Александр Владимирович – кандидат исторических наук, руководитель Ассоциации молодых исследователей «Институт исследований социальной памяти».

Ивонина Ольга Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета.

Исачкин Сергей Павлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

Карнов Алексей Петрович – кандидат социологических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Кожевин Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Колеватов Дмитрий Михайлович – научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Корзун Валентина Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Красильникова Екатерина Ивановна – доктор исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета.

Кривопалова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Ляхудзаев Марат Иркинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Музейный ресурсный центр».

Мамонтова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Мухина Галина Антониновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Никулин Даниил Олегович – аспирант Института истории СО РАН.

Огоновская Изабелла Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Преюсс Нильс Отто – доктор биологических наук, профессор, директор центра кольцевания птиц Датского королевства при Зоологическом музее Копенгагенского университета.

Разиньков Михаил Егорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова.

Рыженко Валентина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры Современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Саврушева Маргарита Ивановна – кандидат философских наук, заведующая сектором музейной и выставочной работы отдела «Центр книжных памятников» Омской Государственной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Сизов Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общей экономики и права Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета.

Смирнов Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал).

Смирнова Марина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета.

Соловьев Сергей Александрович – доктор биологических наук, доцент, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Тепляков Дмитрий Александрович – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарного образования Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Выборгский филиал).

Хилько Николай Федорович – доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Шепелева Валентина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Новосибирского государственного университета.

Штырбул Анатолий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета.

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Омского автобронетанкового инженерного института – филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны РФ.

Шуляк Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГАНИПО	– Государственный архив новейшей истории Псковской области
ГАОПИ ВО	– Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИТО	– Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАПО	– Государственный архив Псковской области
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГАСО	– Государственный архив Самарской области
ГАТО	– Государственный архив Тюменской области
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области
ГУЗиЗ	– Главное управление землеустройства и земледелия
ГАНИИО	– Государственный архив новейшей истории Иркутской области
д. с. с.	– действительный статский советник
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
ИРМО	– Императорское Русское музыкальное общество
КОБ	– Комитет общественной безопасности
МВД	– Министерство внутренних дел
МИД	– Министерство иностранных дел
МОСХ	– Московское общество сельского хозяйства
НА РТ	– Национальный архив Республики Татарстан
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РАН	– Российская академия наук
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП(б)	– Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	– Российская Федерация

СО АН	– Сибирское отделение Академии наук
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	– Союз Советских Социалистических республик
США	– Соединенные Штаты Америки
ТГУ	– Томский государственный университет
ФЛАК	– Феодосийский литературно-аристократический кружок
ЦА ФСБ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦК	– центральный комитет
ЦК КПСС	– Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦХАФАК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края